

Министерство образования и науки Российской Федерации

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Альманах

№ 6 (29)

**Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2015**

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

альманах

Редакционный совет альманаха:

Ю.С. Васильев, академик РАН – председатель;
Д.Г. Арсеньев, д-р техн. наук, профессор;
А.Н. Кашеваров, д-р ист. наук, профессор;
Д.И. Кузнецов, д-р филос. наук, профессор;
В.М. Никифоров, профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;
В.А. Прохоренко, д-р филос. наук, профессор;
В.С. Ягъя, д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия альманаха:

С.Н. Погодин, д-р ист. наук, профессор – главный редактор;

В.П. Горюнов, д-р филос. наук,
профессор – зам. главного редактора;

О.Д. Шипунова, д-р филос. наук, профессор – ответственный секретарь;
И.И. Климин, д-р ист. наук, профессор;
В.П. Живулин, канд. филол. наук,
доцент.

С 2001 года альманах «**Россия в глобальном мире**» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

Альманах зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9472. Ссылки на статьи Альманаха отображаются в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

С 2012 г. выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»**.

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Альманах рассыпается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

№ 6 (29)

**Polytechnic University Publishing House
Saint Petersburg
2015**

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

Editorial Council:

Yuriiy S. Vasiliev, Member of Russian Academy of Science – Chairman;

Dmitry G. Arseniev, Doctor of Science, Professor;

Anatoliy N. Kashevarov, Doctor of Science, Professor;

Dmitry I. Kuznetsov, Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russian Federation;

Vladimir A. Prokhorenko, Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya, Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin, Doctor of Science, Professor – Chief Editor;

Valery P. Goryunov, Doctor of Science, Professor – Deputy Editor;

Olga D. Shipunova, Doctor of Science, Professor – Executive Secretary.

Ivan I. Klimin, Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin, PhD, Associate Professor.

Since 2001, Almanac “Russia in Global World” was published as an Annex to scientific and historical journal “Clio”.

Almanac is registered in the ISSN system, ISSN 2304-9472. Links to the Almanac articles can be seen in the Russian Science Citation Index database.

Since 2012 Almanac is issued twice a year as an independent periodical in the Russian and English languages named: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World».

Almanac is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Certificate of Registration PI number FS77-52142 of 11 December 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by scientific and editorial policy of the almanac and by the principles of publishing ethics.

The views of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

Any reproduction of materials of the almanac requires reference to the almanac.

Almanac is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220

Phone: +7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42

E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University, 2015

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ПАВЛОВИЧА ГОРЮНОВА

Когда верстался этот номер, пришло сообщение о кончине Валерия Павловича Горюнова. С 1999 года Валерий Павлович был организатором и научным руководителем межвузовских конференций, посвященных роли Российской Федерации в современных международных отношениях. При его активном участии в 2001 году был создан альманах «Россия в глобальном мире». Многие номера издания выходили под его редакцией. В 2013 году В.П. Горюнов был назначен заместителем главного редактора альманаха. Каждый номер издания начинался его вступительной статьей. Этот выпуск альманаха редакция посвящает светлой памяти Валерия Павловича Горюнова.

Редакционная коллегия альманаха
«Россия в глобальном мире»

УДК 929

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ ГОРЮНОВ

И. М. Рогов

1969 год. На кафедру философии нашего института был рекомендован известным в то время профессором Ю.С. Мелещенко рабочий парень Валерий Горюнов, успешно закончивший заочное отделение философского факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ).

Трудовая жизнь Валерия Горюнова началась на семь лет раньше. В девятнадцать лет он осваивает слесарное дело в цехах Ремонтно-механического завода, в 1962–1965 годы служит в рядах Советской Армии, 1966–69 гг. – работает в качестве квалифицированного рабочего литейной мастерской Ленинградского политехнического института (ЛПИ) и продолжает учёбу в университете. Учился он хорошо. А его работа в литейной мастерской нашего института была благоприятным фактором для рекомендации его к избранию преподавателем.

С сентября 1969 года В.П. Горюнов – ассистент кафедры марксистско-ленинской философии. В это время кафедра по инициативе тогдашнего ректора ЛПИ Василия Сергеевича Смирнова стала готовить из среды своей молодёжи дипломированных специалистов по естествознанию и технике. Первый заведующий кафедры доцент И.В. Митюрёв закончил физико-математический факультет Московского пединститута, доценты М.Н. Ганова и Л.П. Тимофеев защитили в ЛГУ дипломы соответственно физика и математика. Кафедра стала разрабатывать комплексную проблему «Социальные и философские проблемы научно-технического прогресса». Всё это логично привело к переименованию кафедры: сначала во внутренних документах, а с 1973 года она официально стала называться кафедрой философии. Валерий Павлович активно включился в разработку основной проблематики кафедры, опубликовал несколько статей и в 1975 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Научно-технический прогресс и изменение материального субстрата техники». Здесь им было высказано положение о естественно-природных основаниях развития материального производства и общества, невнимание к которым порождает неполноту описания всей общественной системы. В этом

исследовании он задумывается над тем, что исчерпаемость материального субстрата техники не сводится только к наличию меры по тем или иным свойствам. Материальный субстрат техники исчерпаем и по количеству в доступной в доступной человеку части природы соответствующих состояний материи. Это был довольно смелый подход, ибо в отечественной литературе того времени господствовала идея неисчерпаемости природы, техники и всего сущего.

В эти годы кафедра сотрудничала с научной группой профессора В.Г. Марахова на философском факультете ЛГУ. Валерий Павлович включился в это сотрудничество и продолжил поиски в избранном направлении.

Во второй половине 70-х годов на четыре года он уходит на заведование небольшой объединённой кафедрой Завода-втуза. Однако перспектив в научной работе здесь было много меньше, чем в Политехническом. Отвлекала рутинная работа, несколько социальных предметов, которые вела кафедра, оставляли мало времени на философию. И он вернулся на прежнюю кафедру.

После субботника. Валерий Павлович справа.

В 1980 году Валерий Павлович издал в Ленинградском университете монографию «Техника и природа», где снова возвратился к уже выдвинутой им проблеме необходимости рассмотрения и формирования целостной модели развития общества, в которой должна быть отражена связь общественного производства с природой. В этой связи им рассматривался ещё один важный аспект: диалектических отношений исчерпаемости / неисчерпаемости субстрата техники, окружающей природные среды и человека в системе техники как главного фактора технической целостности.

С рассматриваемой философской проблемой, по мысли Горюнова, связано решение острых социальных проблем. Он видит основное противоречие материально-технического развития общества в противоречии между конечностью, ограниченностью всех процессов природы, с одной стороны, и стремление человека к своему бесконечному, неограниченному существованию и развитию.

Выдвинутые им положения в 1993 году были защищены в Российской академии управления (РАУ) в качестве докторской диссертации «Теория социальной относительности (методологические проблемы построения целостной модели общества)»[1].

Перед защитой он публикует монографию с аналогичным названием и защищает диссертацию в форме научного доклада. На всех этапах предзащиты и на самой защите в РАУ возникает много вопросов, есть несогласные. Но большинство позицию Валерия Павловича одобряет. ВАК утверждает его защиту, и он становится доктором философских наук.

Главные выводы его теории: «Объективно закон существования людей в окружающей природной среде остаётся тот же, что и закон существования животных организмов в среде обитания, а именно: выживание» [1, с. 53].

«В заключение, – пишет диссертант, – следует отметить, что основное противоречие материально-технического развития общества выражается в противоречии между конечностью, ограниченностью всех предметов и процессов природы, с одной стороны, и стремлением человека к своему бесконечному, неограниченному существованию и развитию в виде познания природы, увеличения материально-деятельностных возможностей, роста производства и потребления, увеличения своей численности и продолжительности жизни [1, с. 65]... Вытекающее из этого основное соци-

альное противоречие есть отношение между необходимостью всеобщего участия в процессе производства обществом самого себя и невозможностью достижения всеобщего равенства и всеобщего выживания» [1, с. 65]. Таким образом, материальную основу социальной относительности составляет относительность самой природы, обуславливающая невозможность абсолютного прогресса общества ни по одному из показателей своего существования, в том числе и в достижении однородности составляющих его элементов – субъектов социального взаимодействия» [1, с. 65].

Профессора В.П. Горюнов и И.М. Рогов за работой 10 июня 1999 г.

Внимание Валерия Павловича Горюнова к социальной реальности проявлялось и в его активном участии во всех мероприятиях кафедры, которые были направлены на расширение научно-технического кругозора преподавателей. В 80-е годы на кафедре философии был организован цикл ознакомления с деятельностью ведущих предприятий города и области: Ленинградская атомная электростанция в Сосновом бору, ЛПЭО «Электросила», строительство первой очереди Дамбы – всё интересовало его, так или иначе осмысливалось и включалось в содержание его преподавательской работы.

В 1998 году В.П. Горюнов сменил меня на посту заведующего кафедрой, должности которую я занимал 34 года [2]. И я был рад передать «образы правления» своему первому аспиранту, способному коллеге и товарищу.

Коллеги. Валерий Павлович только что получил изданный под его редакцией учебник для аспирантов. Апрель 2013 года (Фото И. Кобрина)

Научная деятельность В.П. Горюнова активно продолжалась: он выступал на научных конференциях, на XIX Всемирном философском конгрессе в Москве. В 2005 году выходит под его редакцией в издательстве «Гардарики» учебное пособие «Философия», авторами которого являются почти все преподаватели кафедры. В этом пособии реализуются научные идеи В.П. Горюнова. Он снова возвращается к утверждению естественно-природной обусловленности материально-технического развития. В зако-

номерностях этого развития автором вскрывается природная обусловленность жизни общества: природная среда становится природным богатством в результате человеческой деятельности. «Техника, – пишет автор, – не только средство материально-предметной деятельности, но и средство превращения одного человека в средство другого человека. Без этого технический способ жизнедеятельности неосуществим». В контакт и взаимодействие вступают не только отдельные индивиды, но и социальные общности страны. Нет нужды говорить об актуальности идей В.П. Горюнова, доказывавшего объективную необходимость человеческого взаимодействия, столь важного для мирового сообщества в наши дни.

Нынешний заведующий кафедрой профессор Д.И. Кузнецов всячески поощрял научно-педагогическую активность своего предшественника. Свидетельством тому является публикация нескольких книг, в том числе учебное пособие для аспирантов и соискателей под редакцией В.П. Горюнова, а так же второе издание учебника «Философия» [3].

Работать Валерий Павлович любил и себя не жалел. Напряженная работа подорвала его здоровье, после тяжёлой болезни 24 апреля 2015 года его не стало. Нелегко терять коллегу, с которым проработал почти полвека. Найти подходящие слова трудно. Поэтому вместе с известным поэтом скажу:

«Уходят люди... Их не возвратить.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать» [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Горюнов В.П.** Теория социальной относительности. (Методологические проблемы построения целостной модели общества). Диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук в форме научного доклада. – М., 1993.
- 2. Рогов И.М.** Кафедра философии в СПбГПУ // Труды СпбГТУ. 2008. № 508. С. 12-14.
3. Философия : учеб. пособие / под. ред. В.П. Горюнова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 387с.
- 4. Евгений Евтушенко.** Стихотворения. Серия 'Самые мои стихи. Москва: Слово, 1999. <http://rupoem.ru/evtushenko/lyudej-neinteresnyx-v.aspx>.

УДК 061.3

С. Н. Погодин

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Размышления над прошлым могут послужить
руководством для будущего*

Уинстон Черчилль

Уважаемым читателям предлагается очередной тематический выпуск альманаха «Россия в глобальном мире». Он посвящен столетию Первой мировой войны. Это название утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны (1939). В межвоенный период употреблялось название «Великая война» (англ. *The Great War*, фр. *La Grande guerre*), в Российской империи её также называли «Великой войной», «Большой войной», «Второй Отечественной», «Великой Отечественной», а также неформально (и до революции, и после) – «германской»; затем в СССР – «империалистической войной». Во времена СССР было принято написание со строчной буквы – *первая мировая война* [1]. В настоящее время принято написание с прописной буквы – *Первая мировая война*.

Первая мировая война (28 июля 1914 – 11 ноября 1918) – стала одним из самых широкомасштабных вооружённых конфликтов в истории человечества. Она вовлекла 38 из 59 существовавших в то время независимых государств. Война длилась 51 месяц и 2 недели. Она охватила территории Европы, Азии и Африки, акватории Атлантики, Северного, Балтийского, Черного и Средиземного морей. Это был первый военный конфликт мирового масштаба.

В войне участвовало две трети населения земного шара. Численность воюющих армий превысила 37 млн. человек. Общее количество мобилизованных в вооруженные силы составило около 73,5 млн. человек. Людские потери сторон составили около 9,5 млн. убитыми и 20 млн. ранеными, 3,5 млн. остались калеками.

Особенностью Первой мировой войны стало широкое применение техники. Впервые в мировой практике были применены летательные ап-

параты, бронированные автомобили, колоссальные орудия, пулеметы, удушливые газы. На войне получили развитие новые рода войск: авиация, бронетанковые войска, зенитные войска, противотанковые средства, военно-морские подводные силы. Это была война на соревнование инженерной и технической мысли.

Первая мировая война по своим масштабам, людским потерям и социально-политическим последствиям не имела себе равных во всей предшествующей истории. Она оказала огромное влияние на экономику, политику, идеологию, на всю систему международных отношений. Война привела к крушению самых могущественных европейских государств и складыванию новой политической ситуации в мире.

Сегодня историки задаются вопросом: «почему процветающий континент, находящийся на вершине своего успеха, являющийся источником мирового богатства и моци, на пике интеллектуальных и культурных достижений предпочел подвергнуть риску все это и броситься в лотерею низкого и жестокого конфликта? Почему тогда, когда стало ясно, что надежды на быстрое победоносное завершение рухнули у всех, ведущие борьбу стороны предпочли упорное продолжение своих военных усилий, мобилизовали все силы для тотальной войны и, в конечном счете, вовлекли всю свою молодежь для взаимного и экзистенциально бессмысленного кровопролития?» [2, р. 426].

В отечественных исторических исследованиях теме Первой мировой войны уделено незаслуженно мало внимания. И в какой-то степени этот факт объясним: советская историография трактовала войну исключительно как империалистическую, а участие России в ней до сих пор оценивается неоднозначно. И наша задача – возрождение и сохранение памяти о Великой войне. Современные исследования истории Первой мировой войны вступают в новую фазу развития и настоящий выпуск издания «Россия в глобальном мире» задуман как часть нового восприятия тех событий. В основе его лежат материалы Всероссийской научно-теоретической конференции «К 100-летию Первой мировой войны: высшая школа, наука и техника России в 1914–1918 гг.». Конференция была организована коллективом кафедры «История» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого совместно с Санкт-Петербургским филиалом Института истории естеств-

вознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук [3]. Среди её многочисленных участников и докладчиков были преподаватели вузов, научные сотрудники академических учреждений [4] и библиотечных организаций [5], лидеры общественных организаций [6], аспиранты [7; 8; 9] и студенты.

В материалах альманаха помимо участников конференции публикуются работы и других авторов. Целью издания стало показать изучение истории Первой мировой войны в многообразии исторического процесса развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Розенталь Д.Э.** Прописная или строчная?. Словарь-справочник Ок. 8600 слов и словосочетаний. – 4-е изд., стер.. – М. : Рус. яз., 1988. – 350.
- 1. Keegan J.** The First World War. An ill. history /John Keegan. – London : Hutchinson, сор. 2001. – 432 р.
- 2. Офицерова Н.В., Кулик С.В., Ульянова С.Б.** К 100-летию Первой мировой войны: высшая школа, наука и техника России в 1914-1918 годах (Обзор Все-российской научно-теоретической конференции) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. №4 (208) С. 220-224.
- 3. Иванов Б.И.** Юбилей Русского технического общества и Первая мировая война // Россия в глобальном мире. 2015 №6(29) С. 53-61
- 4. Любимова М.Ю.** Евгений Замятин в годы Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. 2015 №6(29) С. 155-167
- 5. Остапчук-Петровская Л.Б.** П.А. Столыпин и Политехнический институт // Россия в глобальном мире. 2015 №6(29) С. 71-84
- 6. Эйдемиллер К.Ю.** Место и роль мусульманской общины в политической жизни Европы на изломе Первой мировой войны: История и судьба мечети Лог под Мангартом // Россия в глобальном мире. 2015 №6(29) С. 207-214
- 7. Симанова Н.В.** Влияние Первой мировой войны и революции 1917 года на развитие идей евразийства // Россия в глобальном мире. 2015 №6(29) С. 246-249
- 8. Лозовская Д.С.** Кадеты и вопросы экономической модернизации России в государственной думе Российской империи // Россия в глобальном мире. 2015 №6(29) С. 145-154

Раздел I.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА И ТЕХНИКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(100)084.1

И. В. Аладышкин

«БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА». О ВОЙНЕ И «НЕПОРОЧНОЙ» ТЕХНИКЕ

Обращаясь к технико-технологическим аспектам Первой мировой войны, сталкиваешься с огромным массивом научной литературы, посвященной, казалось бы, всем мыслимым темам: от обустройства полевой кухни до реорганизации государственной системы производства. Столько раз ставился и разрешался вопрос о влиянии этой войны на весь ход развития «индустриальной цивилизации» и ее промышленной сердцевины. Однако перечень технических достижений и технологических нововведений, бесконечные цифры боевых единиц и таблицы показателей оборотов производства оставляют в тени другой вопрос – как повлияла война на общее понимание техники, на сам ее образ в глазах современников тех событий. Кажется, история восприятия и концептуального выражения технической реальности начала века как раз из ряда тех проблем, что слабо сопряжены с военными реалиями [13]. Если исследователи, писавшие о первом мировом военном конфликте, и затрагивали данную проблему, то лишь вскользь, освещая ее по накатанной колее «возраставшей роли техники в жизни общества», либо того ужаса, что сеяло новое оружие на земле и на небе. С «ростом» и «ужасом» спорить, конечно, не приходится, но вряд ли ими ограничивается диапазон вариативности восприятия и оценки. Ведь общий характер «конкретных мнений» определялся не

столько текущими военными событиями, сколько глубинными и куда более продолжительными трансформациями представлений о технике и техническом праксисе.

«Приоткрытая» в своем единстве и значении техническая реальность в начале прошлого столетия действительно поражала своими масштабами, но отнюдь не вселяла страха и ужаса. Вызванная войной фрустрация, сопрягаясь с надломом устоев новоевропейской культуры, практически не затронула ее технических оснований. Прежние техницистские установки словно остались вне той тяжелой духовной атмосферы сомнений и разочарований. По завершению военных действий на повестке дня вновь значились многообещающие перспективы технического прогресса с терпким привкусом научно-технического оптимизма. Словно не было мировой военной катастрофы, очевидной милитаризации технической мысли и практики, будто не появилось оружие массового поражения и всех тех, соревнующихся в размерах и моши «машин смерти», что превратились в своеобразный символ «европейского самоубийства».

В преддверии XX века П.К. Энгельмайер издал небольшую книгу «Технический итог XIX столетия» [1]. То была апология, торжественный гимн техническому прогрессу. Техника представлялась как единственный и всеспасительный путь развития России и мира в целом. Уже перед самой войной, в 1911 году, на IV Всемирном философском конгрессе, состоявшемся в Болонье (Италия), отечественный мыслитель в одном из своих докладов описывал «империю техники» и доказывал, что последняя восходит к человеческой воле и внутреннему стремлению человека к техническому творчеству [2, с. 85]. Изменила ли война отношение П.К. Энгельмайера к технике и природе технического праксиса? Отнюдь, техницистские установки мыслителя только усилились. За год до войны уже немецкий инженер-химик Э. Чиммер в своей книге «Философия техники» воспевал последнюю в неогегельянской интерпретации, как проявление «материальной свободы». Изменения содержания книги в ее последовавших послевоенных переизданиях не затронули общего оптимизма оценок [3, с. 189–223]. Война не поколебала веры в техническую «добро-

детель» с новым «техническим» способом бытия человека и, наверное, самого известного философа техники тех лет – Ф. Дессауера¹[4].

Возможно, отвлеченные философские построения инженеров (П. Энгельмайер, Э. Чиммер, Ф. Дессауэр не были профессиональными философами) в какой-то степени отражали чаяния научно-технических специалистов, но были далеки от настроений, царивших в обществе, пережившем войну? Действительно, представители профессиональной философии и многие публицисты, касавшиеся проблем, так или иначе связанных с техникой, были не столь безоговорочно оптимистичны, но это характерно и для довоенного периода, а некоторая послевоенная подавленность настроений была вызвана отнюдь не технической экспансией. В то же время даже консервативная линия оценки техники, для которой последняя всегда была недобрым знаком тлетворных социокультурных трансформаций и принималась с известной долей скепсиса, тяготела скорее к смягчению своего критического настроя. Среди отечественных критиков технических реалий тех лет, вспоминают, как правило, Н. Бердяева, будто бы одного из первых мыслителей, кто выступил с чуть ли не экзистенциалистских по духу антитехицистких позиций трагического «разложения» природы и человека «властью машины». Так, тот же Бердяев в подводящем своеобразные итоги войны сборнике «Судьба России: опыты по психологии войны и национальности», увидевшем свет в 1918 году и носившем неоконсервативный характер, буквально встал на защиту техники. По его мнению, машина и ее победоносное шествие так же духовны по своей природе, как и самое прекрасное органическое проявление жизни: «Сама машина есть явление духа, момент в его пути»[5, с. 238]. Восприятие Бердяевым феномена техники изменится позже, уже к середине 20-х годов, когда с ее «победоносным шествием» русский мыслитель будет связывать многие трагические тенденции в истории XX века.

Об отношении широких слоев населения к текущим технико-технологическим трансформациям говорить довольно трудно, но примечательно то, что фронтовая паника от первых встреч с монструозными боевыми машинами так и оставалась в окопах и редутах, а страх воздуш-

¹ Подтверждение тому не трудно найти в его работах «Техническая культура?» (1908) и «Философия техники» (1927)

ных бомбардировок жителей Лондона с окончанием войны сошел на нет без каких-либо проекций на всю авиацию. Некоторая курьезность предположения подобных массовых фобий не отменяет того, что со значительной частью технических новинок человек сталкивался впервые, а это должно было усилить и действительно усиливало впечатление. Может быть, недоставало разрушительной мощи? Отчего страх и паника редко приводила к дискредитации техники и технико-технологического развития, не порождая массовой технофобии, как во времена холодной войны? Движения того времени, схожие с луддистским индустриальным саботажем, не в счет, как впрочем и традиционалистская критика. Антитехнизм подобного рода сопряжен не столько с негацией технического, сколько с противостоянием определенным социальным порядкам и практикам, а техника фигурировала лишь в ряду иных символов неприемлемого производственного либо общекультурного обновления.

Почему Первая мировая война, перекроившая карту мира и ставшая потрясением для современников, не убавила веры в технические перспективы? На рубеже столетий кризисное миросознание проходит ряд этапов в своем развитии, остро реагируя на многообразные проявления социальных, экономических, политических и других противоречий. И если оно апеллировало к форсированному технологическому росту, то опиралось отнюдь не на реалии Первой мировой, а на социокультурные порядки. В согласии с заветами прошлого столетия технические противоречия понимались, исходя преимущественно из биологических и социокультурных параметров, на которые и переносилась вся ответственность. Примечательно, что в художественной литературе, отражающей настроения широких слоев населения, техника, если и выступала злым и недобрый началом, то лишь по вине человека, или же сама ситуация служила аллюзией социальных противоречий, как в небезызвестной пьесе К. Чапека «Р.У.Р.» (Россумские универсальные роботы), в которой восстание роботов иллюстрировало социальную борьбу трудящихся.

К началу XX столетия индустриализация охватила все ключевые отрасли экономики ведущих стран, поступательная технизация в корне меняла привычный облик жизни общества, приводя к наглядной интеграции техники с любыми аспектами существования людей. Технологические формы социальной организации пронизывали все сферы деятельности,

подчиняемые соответствующим социально-нормативным, аксиологическим, пространственно-временным регуляторам [6, с. 42–44]. При этом феномен глубинной технической трансформации социума оставался неотрефлексированной очевидностью, основания которого были скрыты прежними утилитарно-производственными параметрами.

Те стремительные социокультурные изменения, что во многом и были ответственны за разрастание кризисных умонастроений, редко связывались с технологическим ростом, так как в трактовке техники господствовали инструменталистские подходы. Проступившие во второй половине XIX столетия очертания нового дискурса техники, дарующего последней автономность и превосходство, еще не обрели отчетливого выражения. Такие мыслители, как П.К. Энгельмайер, еще в довоенный период качественно расширявший концептуальное содержание природы техники, были исключениями, чьи взгляды не оказывали существенного влияния на общие установки. А получившая некоторое распространение на исходе XIX века теория органопроекции (Э. Капп, Л. Нуаре, А. Эспинас) не внесла принципиальных изменений в образ техники как своеобразного продолжения человека. Поэтому она выступала, скорее, следствием, нежели причиной социокультурных трансформаций. С техникой могли связывать и связывали их ускорение, но лишь в качестве средства ускорения.

Инструментально-орудийное отношение к технике и на войне полагало ее всего лишь орудием убийства в руках человека, и не важно, в каком качестве оно выступает: техника ведения боя или пошива амуниции, винтовка или навыки стрельбы из нее. Характер военных действий усиливал идеи о решающей роли техники, но отказаться от прежних представлений о войне и человеке довольно трудно. Это требует времени и техницистские установки оттеснялись более традиционными взглядами, успокаивавшими тем, что «как бы не совершенствовалось оружие, как бы не возрастало его влияние, оно никогда не заменит человека, ибо человек есть главное оружие войны и без человека никакое оружие не может приобрести какого-либо значения». С противоположными же взглядами «...надо бороться, как с опасной и к тому же страшно прилипчивой болезнью, а свойства оружия использовать так, как это делал Суворов, – в помощь человеку, помня, что оно увеличивает силу человека и его порыв при наступлении и дает ему возможность вести более упорную оборону».

ну»[7, с. 409]. Собственно, генерал-лейтенант А.К. Байов, непосредственный участник Первой мировой и автор приведенных строк, выразил расхожее отношение командного состава к техническим инновациям.

В историографии той великой войны анализ именно технического потенциала воюющих сторон занимает одно из ключевых мест. Давно стала привычной констатация «переворота» представлений о войне в силу если не революции, то качественного изменения вооружения. Но тогда, в годы войны, о ней думали иначе.

Например, в очерках о войне Л.Д. Троцкого есть примечательная иллюстрация технического скепсиса тех лет, когда он не без сарказма пишет о «борьбе» французов с немецкими заграждениями колючей проволоки: «Мы присутствуем при удивительном зрелище, когда целую нацию в век авиации оцепили невысокой путаной изгородью из проволочных шипов, – и эта многомиллионная, стоящая на высоте технической культуры, нация не может ничего выдвинуть против жалкой проволоки, кроме... простых ножниц, которые приходится пускать в ход, ползая на брюхе»[8, с. 189]. Для весомости своих слов о проволоке и ножницах, как важнейших факторах мировой войны, Троцкий ссылался на французского писателя П. Ампа, который в досаде от сложившегося положения пришел к выводу, что это война, которая ничего не изобретает, а та цивилизация, которая, несмотря на всю науку, возвращается к борьбе при помощи ножа первобытных эпох, духовно исчерпала себя. Написано это было на второй год войны, которая позже явит миру не одно изобретение, но опять же не определяющего характера, не поражающего воображение. Свет увидят вполне предсказуемые результаты военно-технической мысли и практики. Да, не в них дело, ведь, как и появившиеся чуть позже танки, они были лишь своего рода «украшениями» колossalной войны.

Не удивительно, что просматривая военные дневники и воспоминания участников боевых действий, редко можно встретить заметки о новом оружии и какой-либо значимой его роли. Командующий состав рассуждал о государственной политике, о духе нации, о принципах военного дела, а о военной технике, остававшейся в тени иных вопросов, все вскользь и мимоходом. Низшие чины армий, рядовые клеймили противника, изолгавшееся правительство, бездарное командование, погодные условия, все что угодно и кого угодно, о технике же они вспоминали в последнюю

очередь. Если же она и оценивалась, то опять же опосредованно, через удивление витиеватости инженерной мысли, брань на поставщиков, фабрикантов, все то же правительство. Причем мало кто безраздельно полагался на технические новинки, да и мысли были о другом. Будучи русским артиллерийским офицером на австрийском фронте, Ф. Степун мечтал о будущем религиозном преображении общества, а капитан английского пехотного полка Г. Рид размышлял о перспективах социализма и проблемах личности [9]. Далекие от подобных преобразений и высот рядовые массы в мыслях о мирной жизни надеялись все-таки на изменение курса политики и стабилизацию экономики, как минимум, на сохранение и возвращение довоенных порядков. Однако мало кто задумывался о технической революции и техническом совершенствовании общества. Постулаты технического детерминизма были уделом очень незначительной части военных специалистов и промышленников (отстаивавших свой продукт), а широкое осознание принципиально новой роли техники в войне пришло уже в послевоенные годы.

В любом случае техника виделась все-таки на втором плане, полагалась нейтральной и отнюдь не самостоятельной силой и за редким исключением принималась, как и прежде, в качестве пассивного орудия. Деструктивная природа человека, порочные политические режимы, культурная порча и все мыслимые социальные изъяны – вот что определяло в глазах людей того времени разрушительный характер технических достижений, порождало все более изощренные и эффективные технологии смерти. В крайнем случае, порождаемое техникой социальное зло объясняли ее исторически обусловленным несовершенством, слабостями ее конкретных форм. Скепсис не обращался непосредственно к технике, к ее природе, так как та была лишена каких-либо самостоятельных, автономных начал и обуславливала внешними биологическими, антропологическими и религиозными порядками.

Вместе с тем, война, в которой техника стала чуть ли не главным козырем, оказала той неоценимую услугу, привлекая к ней самое пристальное внимание и выводя ее на поверхность научного и общественного сознания. Ранее вопросы природы техники, специфики ее развития и положения в обществе редко выходили за довольно узкий круг технических специалистов. Мыслителей, обратившихся к ней вне собственно техническими

ских параметров и прикладных производственных проблем, можно было перечислить по пальцам. В послевоенное время о технике пишут публицисты и философы, историки и социологи. Формируются отдельные школы и направления ее анализа, множатся обобщающие концепции и к технике подходят уже с различных концептуальных позиций: культурно-исторических (Ф. Дессауэр, Т. Литт), социологических (В. Зобмарт, Х. Шельски) феноменологии (Э. Гуссерль), философии жизни (А. Бергсон, О. Шпенглер), экзистенциализма (К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер), философской антропологии (А. Гелен, Г. Плесснер) и др.

Война буквально расчищала путь технике в сознании современников. Идеалы разумности и гуманизма не выдерживали натиска противника. Они были бессильны в объяснении газовых атак и миллионных жертв, уступая место иным, куда более «прочным» идеалам. Превращение техники если не в идеал, то в один из непреложных ориентиров социокультурного развития – довольно длительный процесс, и Первая мировая война, как некогда индустриальная революция, стала ключевым моментом в его ускорении. Огневая мощь давила иные надежды и высшие смыслы, давила уже не столько руками человека, сколько все более изощренными устройствами и механизмами, утверждая техническое превосходство, нелицеприятное, но подчас столь очевидное превосходство техники над человеком, над всем живым. Она казалась мощней, надежней и быстрей, а главное, демонстрировала поражающие воображение перспективы, переносившиеся уже на самого человека. От «помощи», от «увеличения силы человека», о которых писал А.К. Байов, не так далеко и до технического усовершенствования.

Когда Природа, Бог, иные высшие порядки уже утратили свою определяющую силу, «Человек» остался последним препятствием на пути возвышения техники. И Первая мировая война, как ничто иное, преуспела в расшатывании прежней веры в обретенную меру всех вещей. Начало антропологического кризиса, или кризиса человеческого существования, принято отсчитывать с конца послевоенного десятилетия, но переломным моментом в нарастании подобных настроений следует все-таки считать Первую мировую войну. Лавинообразно нараставшие в первую четверть прошлого века ощущения опустошения, потери идеалов, стабильности, цельности существования к 20-м годам, все ближе подбирались к их первоисточнику. За упадком культуры, крахом цивилизации, за социально-

политическими антагонизмами различали распад того образа человека – «творца», каким его видели еще совсем недавно, в XIX столетии. Не случайно именно после войны представление о том, что техника есть всего лишь средство в руках человека вызывала все больше нареканий с самых различных углов интеллектуального пространства. Неотомист Ф. Дессауэр и экзистенциалист М. Хайдеггер, историософ О. Шпенглер и социолог А. Гелен видели технику в качестве самостоятельного феномена, первичного по отношению к обществу и человеку, который «выдан» технике, «востребован» ею.

Война преумножала сомнения в самопровозглашенном «венце творения» и его идеалах, в его ценностях и культуре, из-за устоев которой, по словам Л.М. Лопатина, «выглянуло на нас такое страшное звериное лицо, что мы невольно отвернулись от него с недоумением»[10, с. 2–3]. В одном сомневаться не приходилось – в технике, которая, если и вызывала нарекания, то опосредованно, через того же человека, что оказался виновен во всех мыслимых грехах, но, прежде всего, в собственном неразумии. Это человек убивал и на том наживался, это он держал винтовку и штурвал самолета, открывал газовые баллоны и натягивал колючую проволоку, в конечном итоге, все тот же человек развязывал бойню, именно в бесмысленности своей казавшуюся многим столь трагичной.

Переживания культурного кризиса, краха всех ценностей в ряду расходящих признаков интеллектуальных настроений послевоенной Европы скрывали очередную их переоценку, очередную ревизию традиций. Скомпрометированные устои и смыслы жизни по завершению военных действий нуждались в поддержке и поддерживала их, кроме прочего, также техника. Гаснувшие упования на разумные начала подкреплялись, а то и подменялись технической рациональностью, слабевшая вера в человека все очевиднее апеллировала к результативности его технического праксиса. Сам человек все чаще идентифицировался как существо техническое, а совершенствование техники превращалось в призвание и новый смысл жизни.

Роль техники в Первой мировой войне обнажила ее значимость и зависимость ключевых сфер жизни социума от технического обеспечения. В условиях войны и максимального напряжения государственных ресурсов, стремления найти опору в научно разработанных технологиях социального управления и проектирования выходят на первый план, и полем приложе-

ния тех или иных технологий, все более эффективных, оказывались принципы военных действий, стратегии и тактики, обеспечение фронта, государственной политики в целом и международных отношений. Условия и характер военных действий в очередной раз доказывали, что машинизация не ограничивается производством, а захватывает все сферы жизни человека, совершая повсеместное предметное ее опосредование, претендуя на контроль и подчинение новым порядкам в мыслях, эмоциях и отношениях.

Уже в Новое время артефакты со всей очевидностью теснили организму, мускульный труд, умственные усилия заменялись механизмами, а эмоции уступали место формулам и схемам. Первая мировая война придала этому движению дополнительный импульс. Армия полагалась своего рода военной машиной из живых людей. Автоматическое оружие, дальнобойная артиллерия, авиация и моторизированные части заменяли на фронте человека, казавшегося беспомощным и бессильным на фоне «Большой Берты», «Мк-І» или «Адъютанта Венсено». Считали уже не людей, а количество орудий, самолетов и дирижаблей, танковых подразделений и т.д. Не так давно даже при наличии флота, артиллерии, огнестрельного оружия живая сила сохраняла определяющую роль. Первая мировая война в корне меняла расстановку приоритетов, человеческий фактор отходил на второй план и рассматривался подчас в качестве придатка техники. Это далеко не всегда осознавалось тогда, но стало вполне очевидным позже.

Первооружение меняло стратегию и тактику войск, выдвигало новые требования к человеку: командующему, военному специалисту, солдату, в идеале соответствующему, адекватному новой технике. Сказать определенно – техника ли усиливает естественные возможности человека, либо последний компенсирует ее недостатки, становилось все сложнее. Технизация природы, социума с принудительностью объективного закона влекла за собой техническое преобразование/совершенствование человека, сулившее открытие безграничного диапазона его ресурсов и резервов. Война превращала наметившиеся ранее тенденции в тактику выживания. Казалось, что из ресурсов человеческой природы можно черпать так же смело, как из окружающей среды. Техническая искушенность оборачивалась искущением техникой, венчавшей прежнюю тенденцию механизации человека. В артикулированной ранее связке «орган – орудие» видели уже микросинтез инструмента и психосоматики отдельного человека с пре-

тензиями на ускорение и многообразное преобразование его нервно-психические потенциалов, не только усиление природных возможностей, но и новое психологическое качество, шаг в эволюции психики.

Осознание технико-технологических детерминант подталкивало к актуализации прежде редко формулируемых вопросов: поддается ли технический прогресс управлению и можно ли поставить его на службу социальным проектам как важную и при этом составную часть функционирования больших социально-экономических систем? Или же техника – самостоятельная сила, формирующая общество и человека? И не отменит ли, в конце концов, техника органическую природу и психику *Homo sapiens*? Актуализация подобных тем на фоне растущих сомнений в человеке и его независимости, буквально подводила к иному пониманию техники, преодолевающему довольно узкие границы орудийно-инструменталистских установок. Промышленная прагматика, столь привычная в анализе влияния Первой мировой войны на новое положение техники, оправдана в объяснении дальнейшего роста влияния и преумножения технических наук. Однако она бессильна в выявлении причин ослабления утилитарно-прикладного характера оценки техники и расширительной трактовки ее природы, что теснила прежние константы ее понимания.

Ориентир на преодоление инструменталистских подходов, редуцирующих технику до машинно-механизмного оснащения деятельности, как, впрочем, и восприятие ее в качестве «средства облегчения условий человеческого бытия» (по словам Ф. Бэкона) наметился еще в конце XIX века. Тогда же возрождалась традиция видеть в технике своего рода искусство и сопутствующую совокупность знаний, умений и навыков. Однако именно в послевоенное время отчетливо заявили о себе тенденции к предельному углублению понимания техники, когда она полагалась некоторым «участием в творении...» (Ф. Дессауэр), в котором угадывались черты любой целенаправленной практики и своеобразного типа рациональности, ориентированного на операционизм и инструментализм. Расширенный подход нашел свое выражение в работах самых различных исследователей, распознавших в технике очередного носителя рационального начала в эстафете европейской ментальности.

Расширение понимания техники поддерживалось ликвидацией очередных, в частности, географических границ в ее применении и размахом

технических перспектив. В начале прошлого столетия мир казался открытым и доступным для преобразующей деятельности человека, западного человека, амбиции которого подкреплялись колониальной системой и мировыми рынками, средствами коммуникаций и транспорта, в конце концов, идеологиями с характерными общемировыми претензиями. Еще на заре промышленной революции идеологические основы социально-политического проектирования предлагались под видом универсальных практик и к XX веку они обрели параметры глобального экономического, военно-политического господства, мировых войн и революций. В этом ряду первый в истории военный конфликт, разросшийся до мирового масштаба, силой оружия отстаивал глобализм европейского сознания.

Техника, с поразительной легкостью преодолевавшая природные и географические ограничения, удивлявшая масштабами разрушений и масштабом поражения, предельно расширяла горизонты технической реальности. Расширение всемерно подтверждалось реалиями политики и экономики, установками научного знания и господствовавшим миропредставлением. В послевоенный период общепланетарные масштабы превратились в расхожие параметры анализа закономерностей и тенденций технико-технологических процессов, полагавшихся универсальными, общезначимыми принципами развития. Выстраивались они на все еще устойчивой парадигме прогресса, обеспечивающей в отвлеченной мысли единство технико-технологического развития.

Пессимизм и упадничество, царившие в послевоенном обществе, отнюдь не поколебали уверенности в том, что техника послужит одним из ключевых моментов социокультурного прогресса. Наоборот, ее значение на фронтах и в тылу воюющих государств с логикой поступательной техницизации армии только укрепляли новую веру. Сомневались в социальном прогрессе, и теплящаяся надежда возможности общественного совершенствования во многом опиралась как раз на технико-технологические перспективы. Будущее социального развития пока по-прежнему связывалось с социально-политическими или же экономическими изменениями, но последние уже не мыслились вне соответствующего уровня технического обеспечения. А потому и гармоничное общество оказывалось гарантировано человечеству только уровнем развития техники и технико-технологическими нововведениями, революционизирующими социальную сферу.

Воплотившая в жизнь промышленно-технические чаяния максимальной концентрации, организации и мобилизации, а заодно компрометировавшая наличные социально-политические силы Первая мировая война буквально предопределила торжество техницизма. Послевоенный его вариант полагал технико-технологическое развитие исключительно в своем прогрессивном качестве, оправдывая любые технические новации и декларируя исчерпанность социального прогресса, как такового, прогрессом техники. Технические начала, предстающие синонимом эффективности и организации, двигателем всех изменений в обществе и человеке, постепенно превращались в некую самоценность. Тогда как расширение трактовок техники в ее противопоставлении антропогенным началам вело к признанию за ней «автономии развития» как в смысле наличия имманентного эволюционного потенциала и собственной логики трансформаций, так и в смысле независимости от социокультурного контроля и самодостаточности оснований (вплоть до понимания техники в качестве *causa sui*).

Характер совершенствования технических систем все чаще признавался эмерджентным, не испытывающим никакого детерминационного влияния извне, со стороны других социальных феноменов. Напротив, техническое развитие начинает рисоваться финальной детерминантой всех социальных преобразований и культурных модификаций. Так, вера в безусловную благотворность развития техники для человечества оборачивалась верой в определяющий характер ее воздействия, а подчас и в некий технический фатализм, как в случае с такими социологами как А. Гелен и Х. Шельски. Основы технического детерминизма были артикулированы значительно раньше, но именно в послевоенное время они обрели, наконец, отчетливые очертания и ясное концептуальное выражение с представлениями об автономии технической рациональности, ее «трансцендентной» сущности и способности к саморазвитию. Техника все чаще толковалась «судьбой» современного Запада и перед ней исследователи нередко останавливались как перед «последней данностью», послушной лишь своему собственному закону, своей собственной логике, уже не подлежащей анализу [11, с. 12–25]. Задача человека сводилась чуть ли не к тому, чтобы не мешать самореализации принципов технического развития, лежащих в основе технического обновления. Нотки страха перед неизбежностью технологического роста только угадывались и, как правило,

если речь и заходила о «бесконтрольности» развития техники, неотвратимости технического прогресса, то скорее в позитивном ключе и удивлении от той силы, что создал человек или же привел ее в движение.

Логическим продолжением освященного войной техницизма стало оформление технократических теорий на прочной, как никогда, основе индустриализма. Как минимум, растущая техническая оснащенность войск и подстегиваемая войной индустриализация с ростом инновационных секторов экономики обусловили заметное усиление роли инженерных профессий, технического образования, технических наук. Конечно, идеалы технократии так же не были принципиально новы, но никогда прежде не играли существенной роли, тогда как в 20-е годы, охватив значительные круги технических специалистов и представителей иных областей интеллектуального пространства, они обрели свои организационные основы.

Просматривая оценки техники тех лет, когда казалось все, включая мировую военную катастрофу, оправдывало поступательную технизацию, напрашиваются выводы о торжестве постулатов техницизма в самых различных своих формах, порой завуалированных социально-политическими лозунгами и экономическими закономерностями. В технологическом росте открывали лишь возраставшие перспективы развития и многообещающие изменения жизни. Техника и технологии сулили возможности для наращивания производства и удовлетворения материальных нужд в масштабах, каких человечество еще не знало. Складывалась новая система ценностей, оправдывавшая ситуацию, когда техническое параметры пронизывали и подчиняли все сферы жизни общества, а его будущее связывалось с перманентным ростом и усовершенствованием технологий. Оформление технократических теорий и популярность техницистских установок только подтверждали смену социокультурных приоритетов с превращением техники в одну из ключевых доминант научного знания и мировосприятия в целом. Западная культура уже признала себя в качестве культуры «технической», что выступало в ряду иных позитивных и основополагающих ее характеристик.

Содержание техники безудержно разрасталось – от орудия к средству, от вещи к мысли, от объекта к самой объективности и далее по пути ее вочеловечивания и наделения морально-этическими чертами. Ф. Дессауэр рассматривал технику уже в порядках, схожих с кантовским категориче-

ским императивом, полагая ее автономные и преобразующие мир последствия свидетельством того, что та является трансцендентной моральной ценностью. В конечном итоге, немецкий мыслитель переносил концептуальные основы техникознания в область откровенной метафизики. И на этом пути он был далеко не одинок. В том же направлении, но иными дорогами шли М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет и др. Для подобных выводов, для того, чтобы доводы Дессауера, наделявшего технику мистической значимостью и полагавшего ее некоей божественной заповедью, не вызывали недоумения, должны были качественно измениться принципы восприятия. А они на волне признания безусловной благотворности техники действительно преображались, утверждая качественно новый всепоглощающий образ уже целого мира, вполне автономного мира техники и технологий, в котором уггадывались основные очертания человеческой культуры и самого человека.

Предостережения и опасения технической экспансии не пробивалась на поверхность послевоенного техникознания, практически не затронутого общим разочарованием и скептицизмом. Это не означает, что предостережения остались в прошлом. Нет. Наоборот, в силу актуализации проблем техники их стало только больше, но они терялись среди панегириков техническому прогрессу, они лишались остроты и резкости в силу усложнения представлений о мире техники и технологий. Сомнения по-прежнему рождала не сама техника, но технический праксис человека и спорадичные опасения дальнейшей эскалации технической реальности формулировались вне прямой связи с войной, столь наглядно раскрывшей свой технический потенциал. Сложившееся положение во многом было обусловлено тем, что критика техники и техногенных реалий (биотехнических, социотехнических) опиралась на прежние парадигмы, выстраивающиеся, с одной стороны, наrudиментах патриархальных и традиционалистских порядков, что со временем только слабели, а с другой, на усиливавшейся романтической традиции.

Под воздействием оформлявшегося нового дискурса техники с расширенным вариантом ее понимания обскурантистский заряд, извечно присутствовавший в ряду мотивов неприятия и отторжения техники, преобразовался, прикрываясь критикой технической ментальности. Прямые формы отрицания технического прогресса встречались все реже и на пер-

вый план постепенно выходили темы негативных аспектов технлизации социума: обезличивание, формализация и стандартизация отношений, грозившие утратой духовных ценностей, потерей жизненного потенциала в пресыщении и зависимости от мира творений своих. Последние прикрывали извечные националистические, религиозные мотивы осуждения технических оснований новоевропейской культуры, как в случае с такими отечественными авторами, как В. Эрн или Н. Бердяев.

Несколько иной вариант осуждения оказался популярен на Западе. Вспоминается знаменитый певец «заката» Западного мира О. Шпенглер. В его нашумевших пророчествах техника играла далеко не последнюю роль, и как раз техническое «перенасыщение», общий техницизм культуры представлял одним из ключевых признаков упадка. Но на фоне привычных традиционалистских инвектив в его доводах уже отчетливо пропускали те опасения всепоглощающих технических начал, разрушительного характера технической деятельности и непоправимого вреда природе, что станут столь актуальны спустя несколько десятилетий: «Механизация мира оказывается стадией опаснейшего перенапряжения. Меняется образ земли со всеми ее растениями, животными и людьми. Все органическое подлежит тотальной организации, искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный. Сама цивилизация стала машиной, которая все делает или желает делать, по образу машины» [12, с. 487–488].

Романтическая традиция обрела прочную почву на том же очевидном разногласии технических проблем с господствующей парадигмой прогресса, что часто служило инвективам традиционалистов. Некогда Ж.Ж. Руссо критиковал в своих «Размышлениях о науках и искусствах» (1750) идею просветителей о том, будто научный и технический прогресс автоматически способствует культурному развитию общества, соединяя материальное благосостояние с добродетелью. В XX столетии просветители уступили место техницистам различного сорта, а на роль Руссо претендовали представители философии жизни и экзистенциализма (А. Бергсон, К. Ясперс, Г. Марсель и др.), которые за фасадом прогресса техники и совершенства технологий усматривали притупление и подавление существенных элементов человеческой жизни. В послевоенное время приоритеты романтической критики несколько изменились, она так и оставалась скорее критикой человека и общества, но насквозь технического

общества, пронизанного техникой, что признавалась судьбой человека, причем судьбой, с которой, как известно, не спорят.

Спорной оказывается роль Первой мировой войны и ее влияние на общее понимание техники. Война в известной мере подстегнула становление социокультурной расшифровки техники, которая на первых порах редко выходила за рассуждения «по поводу техники», когда последняя представляла данностью, с которой человек считается и которую он использует. Научно-технический прогресс трактовался без особых опасений за судьбу человека и окружающего мира, поскольку отрицательные воздействия техники якобы устраниются передовым общественным строем. Именно эта взаимосвязь и взаимоподдержка социокультурного и технического развития даровала технике своеобразную непогрешимость. С ослаблением же взаимосвязи слабело и социокультурное оправдание, а утверждение представлений об автономии техники, наличия независимых закономерностей ее развития предвещало превращение в непосредственного виновника чуть ли не всех социальных и экологических недугов.

Иначе говоря, покуда человек представлялся творцом техники, он и был ответственен за все ее изъяны и негативные последствия. Тогда как широкое признание некоей технической реальности, существующей по своим, отличным от известных ранее принципам, превращало технику в непосредственный объект инвектива и нападок. Произойдет это позже, во второй половине XX столетия, когда мир техники и технологий представит уже в совершенно ином свете независимости и автономии. Пока даже для Ф. Дессауера, воспевающего «могущество» техники, превосходящее «мощь горных хребтов, рек, ледникового периода или даже планеты», она все же создавалась людьми и от них зависело это могущество. Однако в послевоенном интеллектуальном пространстве на фоне торжества технического подтасовывания его основы. Развенчание человека и компрометация социальных перспектив лишило алиби и технику, а идеализация технических начал, непомерные, заведомо нереализуемые ожидания и обязательства, возлагаемые на них, артикулировались на основаниях будущей дискредитации технической реальности. Именно в послевоенном дискурсе техники проступают легко узнаваемые нотки страха перед всепроникающей и всепоглощающей ее силой, с ощущением беспомощности в «железных тисках» технического прогресса. Человек прощался с непорочной

техникой и технической добродетелью. Никогда более они не предстанут в столь «чистом» и светлом облике, не замутненном сомнениями и разочарованиями. Пусть не напрямую, но опосредованно, обостряя социокультурный кризис новоевропейского сознания, война приближала ревизию и технической его компоненты. Ведь торжество техницизма обернулось его апогеем в европейской культуре, завершением эпохи радужных и безоблачных технико-технологических перспектив и фантазий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Энгельмайер П.К. Технический итог XIX века. М., 1898.
2. Энгельмайер П.К. Философия техники. М., 1912. Вып. 2.
3. Горохов В.Г. Техника и культура. Возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия (Сравнительный анализ). М., 2009.
4. Dessauer F. Philosophie der Technik: Das Problem der Realisierung. Bonn : F. Cohen, 1928, a также: Tüchel K. Die Philosophie der Technik bei Friedrich Dessaue. Ihre Entwicklung, Motive und Grenzen. Fr. am M, Verlag Josef Knecht, 1964. S. 12).
5. Бердяев Н.А. Дух и машина // Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
7. Байов А. Суворов и будущая война // «Не числом, а уменьем: Военная система А.В. Суворова» / Сост. А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов. – Российский военный сборник, Вып. 18. М., 2001.
8. Троцкий Л.Д. Война и техника / Л.Д. Троцкий. Сочинения. Т. IX. М.; Л., 1927.
9. Степун Ф.А. Из писем прaporщика-артиллериста. Томск, 2000; Read H. Introduction to The War Diary. Extracts from a Diary // Read H. The Contrary Experience. Autobiographies / Foreword by G. Greene. NY., 1973. P. 59–146.
10. Лопатин Л.М. Современное значение философских идей кн. С.М. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. М., 1916. Кн. 131 (1).
11. Давыдов Ю.Н. Индустриальная социология как наука о социальных отношениях крупнопромышленного общества и высокотехнологизированного труда // ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника – интеллектуалы – культура. М., 1989.
12. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век: Антология / Перевод, сост. С.Я. Левит; Отв. ред. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. М., 1995.
13. Аладышкин И.В. Война и техническая добродетель // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXV междунар. годичной конф. Санкт-Петербург. отд. Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в Первую мировую войну» (24–28 ноября 2014 г.) Вып. XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. – 340 с. ISBN 978-5-906782-04-5

**К. П. БОКЛЕВСКИЙ И ВОССОЗДАНИЕ РОССИЙСКОГО
ВОЕННОГО ФЛОТА: К УЧАСТИЮ ПОЛИТЕХНИКОВ
В ПОДГОТОВКЕ К ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1908–1914 ГГ.)**

Сараевское убийство и объявление 1 августа 1914 года войны Германской империи Российской застало русские вооруженные силы в стадии активной перестройки. В 1912 г. была принята к реализации масштабная по размаху судостроительная программа военного флота, в 1914 г. подобный же комплекс мер правящими органами был принят по отношению к сухопутной армии. Затраты на перестройку государственной обороны страны перед войной исчислялись в 1606 000 руб., что ежегодно составляло до трети бюджетных ассигнований Российской империи вообще [1, с. 554–569]. Общий просчет сроков стратегического планирования обозначил неготовность русских вооруженных сил к длительному военному противостоянию, по ходу обретавшего новые, тотальные формы.

Сложность внешнеполитической конъюнктуры первого десятилетия XX века для Российской империи, характеризующейся непостоянством, многоаспектностью и отсутствием однозначной определенности в геополитической ориентации, провоцировало правящие круги придерживаться стратегии равномерного развития армии и флота. Вместе с тем, различность взглядов на их состояние, во многом мотивированное их проявлениями в последнем военном конфликте русско-японской войны 1904–1905 гг., создавало очередность и иерархию в понимании их актуальности. Разгромные поражения на море и, как следствие этого, практическое отсутствие военного флота у империи давало этому направлению выраженную приоритетность. В марте–мае 1907 г., в результате ряда совещаний представителей правительства, морского и военно-сухопутного ведомств под общим руководством монарха, этот приоритет в пользу первого был определено обозначен [1, с. 55–560].

Вместе с тем, плачевность военно-тактического результата флота в русско-японской войне, эволюционный скачок в мировом кораблестроении и тактическом применении боевых типов судов, общественный подъ-

ем и новые политические реалии страны, обозначенные Манифестом об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. делали невозможным решение данного вопроса исключительно «в недрах» профильных ведомств с использованием сугубо административно-командных механизмов. Игнорирование данных условий властью весьма ярко проявилось в попытке законодательного утверждения ключевой меры первого этапа строительства нового флота – ассигнования на постройку 4 российских дредноутов 25 мая 1908 г. 125 000 000 руб. было отклонено большинством депутатов Государственной думы [2]. Этот отказ основывался на значительной работе думской комиссии по государственной обороне по исследованию текущей ситуации в морском ведомстве, отечественном казенном кораблестроении, а также на основе информации, возникшей в результате контактов с представителями морского управления, состава флота и морской общественности, и сопровождался требованиями реформирования системы управления морским ведомством, необходимостью кадрового обновления министерства, и прежде всего, соответствия организации производственных мощностей судостроительной промышленности кораблестроительным планам и техническим требованиям новых типов судов. Кроме того, выявившаяся в период 1906–1907 гг. конфликтность стратегических и финансовых интересов двух силовых ведомств, с 5 мая 1905 г. объединенных с целью координации деятельности в Совет государственной обороны, руководимый представителями военно-сухопутного генералитета, подвергавшихся как корпоративной, так и общественной критике, провоцировала искать новые схемы организации управления государственной обороной, руководимые незаинтересованной стороной. Этой стороной было определено правительство, руководимое стрессоустойчивым председателем П.А. Столыпиным, в чьи руки на протяжении второй половины 1908 г. – первой половины 1909 г. переходит контроль за основными этапами подготовки и проведения широкой модернизации и постройки военного флота. 18 февраля 1909 г. правительственное курирование процесса постройки новых судов закрепляется высочайшим повелением о межведомственном совещании по судостроению при Совете министров [3, л. 1–42; 4, с. 143]. Стоит отметить, что и правительство, и премьер-министр ранее никогда не привлекались к контролю, а тем более управлению процессами, связанными с военно-морской ко-

раблестроительной сферой, находящихся к этому моменту на острие внимания политической, военно-морской, производственной и финансовой общественности в России и заграницей. Ввиду этого, новой инстанции требовалось проведение основательного, но политически взвешенного и научно-технически авторитетного обследования ситуации, и самое главное, осуществленного корпоративно не ангажированной фигурой, тем не менее, имеющей заслуженный авторитет в заинтересованных общественных и политических группах... 26 января 1909 г. личным представителем премьер-министра России в этом вопросе назначается профессор кафедры корабельной архитектуры, декан кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского политехнического института К.П. Боклевский, которому П.А. Столыпин дает личное распоряжение провести анализ производственных мощностей судостроительной промышленности, а также собственного представительства в заседаниях межведомственного совещания, касающихся технических вопросов судостроения и правом личного доклада премьеру [5, л. 115]. Профессиональная подготовка и компетентность (К.П. Боклевский был автором одного из проектов русского дредноута, представленных на конкурс, но отклоненных морским министерством), авторитет среди кораблестроителей и научно-технического сообщества России в его лице для этой миссии существенно дополнялась вовлеченностью его персоны в общественные и благотворительные структуры, вносявшие свою лепту в дело воссоздания русского флота. Кроме того, участие К.П. Боклевского в дискуссиях морской общественности по проблемам флота, оживленно происходивших в 1905–1908 гг., и популяризация им своих идей и взглядов на будущее развитие русского кораблестроения (особенно повсеместного использования дизельных двигателей внутреннего сгорания взамен паровых), обеспечивало ему признание в инженерно-технической среде, приверженной прогрессивным судостроительным тенденциям. Соучастие его в основании либерального, демократического партийного строительства в 1905–1906 гг., и знакомство с их лидерами обеспечивало его благожелательным отношением к его мнению со стороны значимых фигур политического бомонда [4, с. 184; 6; 7, с. 48–50].

В апреле–мае 1909 г. К.П. Боклевский, и образованная при межведомственном совещании подкомиссия под его началом, к работе в которой привлекаются также и коллеги-корабелы, профессора-политехники

И.Г. Бубнов, И.Н. Воскресенский, рассматривает сметы и проекты будущих дредноутов и приходит к выводу, что постройка русского дредноута исключительно силами отечественных корабелов в поставленные программой сроки (4 года с момента закладки судна) невозможна, потому соглашается с необходимостью иностранного сотрудничества корабелов с русского Балтийского завода, проект которого был отобран к постройке по результату конкурса Морского министерства в 1908 г., с английской фирмой «Джон Браун» [8, л. 8–9, 56]. Обоснование возможности постройки дредноутов на русских верфях, вынесенное авторитетным корабелом, снимает с повестки дня одно из самых острых требований, предъявляемых политической общественностью к морскому ведомству и правительству: обязательность постройки новых типов линейных судов силами русской промышленности. Впоследствии, в июне-декабре 1909 г. подкомиссия К.П. Боклевского рассматривает вопросы организации производства заводами морского ведомства для постройки дредноутов. Произведенная работа приводит к констатации того, что имеющаяся мощность отечественных заводов не позволяет построить дредноуты в назначенный судостроительной программой срок, без предварительного их переоборудования. Вместе с тем, К.П. Боклевским отмечается, что часть производств заводов морского министерства признается вполне пригодной для изготовления нужной продукции, предназначенной для оснащения дредноутов. В связи с чем им была предложена возможность выдачи нарядов на постройку башен для дредноутов Ижорскому и Обуховскому заводу, а Невскому судостроительному – постройки мелких транспортных судов морской программы. В результате деятельности К.П. Боклевского премьер-министр П.А. Столыпин впервые получил законченную, независимую и профессиональную обзорную оценку качества выполнения предстоящих судостроительных мер, а также неотъемлемые условия для их осуществления. Экспертное заключение К.П. Боклевского ускорило принятие морским ведомством мер по реорганизации своих заводов. Выводы, сделанные К.П. Боклевским в личных докладах председателю Совета министров, позволили правильно оценить обстановку в кораблестроении не только профессионально-технически, но и политически, позволяя, не вступая в явный конфликт с морским министерством, позиция безостановочной постройки дредноутов которого находила полное одобрение у царя, и тем не

менее, принимать законодательно те меры, на которых настаивало общество в лице Государственной думы. По результату оперативно проделанной работы для межведомственного совещания, отраженной в личных докладах профессора К.П. Боклевского председателю Совета министров П.А. Столыпину, он был награжден присвоением 18 апреля 1910 г. чина действительного статского советника [8 л. 49–51 об.; 9, 90–90 об.]. Впоследствии, мнение компетентного в состоянии отечественного судостроения консультанта премьера, владеющего полной информацией, привлекается и в рамках Высочайшего обследования деятельности управления кораблестроения, заводов и портов морского министерства членами Госсовета, назначенного под давлением Государственной Думы в августе-декабре 1910 г. и пришедшей к сходным выводам, вполне располагающим к дальнейшей реализации судостроительной программы с учетом модернизации производств [10, л. 79]. Стоит отметить, что причастность в 1909 г. декана кораблестроительного отделения к тесной профессиональной работе с премьер-министром России, а также доверие последнего к его мнению по части военно-морской сферы вообще сказывались и на основании авиационного дела в рамках морской сферы, в результате чего при поддержке П.А. Столыпина в 1909 г. при данном отделении Политехнического института основываются первые авиационные курсы, открытые по инициативе К.П. Боклевского в 1911 г. К началу войны курсы подготовили 210 морских офицеров-авиаторов [11, с. 63–67]. Повседневная представительная деятельность К.П. Боклевского на межведомственном совещании по судостроению в течение 1909–1912 гг. в отношении распределения судостроительных заказов по русским заводам также соответствовала деятельности нраву представителя премьера. Однако отсутствие широких полномочий у данного органа не позволяло ему осуществлять контроль за самой постройкой, на что неоднократно обращало внимание П.А. Столыпина его доверенное лицо, в марте 1911 г. заявлявшее о весьма скромных достижениях совещания по судостроению в деле надзора за исполнением заказов по судостроительной программе. Тем не менее, в результате работы этого совещания им неоднократно выявлялись случаи лоббирования распределения нарядов на заводы со стороны чиновников морского ведомства, а также приводили к противостояниям с ними, одно из которых закончилось скандальным разоблачением и отставкой товарища морского министра

стра М.В. Бубнова в апреле 1912 г. [12, с. 134–135] Стоит отметить, что деятельность К.П. Боклевского в качестве личного представителя Председателя Совета министров и эксперта, его профессионализм и авторитет позволили правительству в кратчайшие сроки объективно оценить ситуацию, создавшуюся в отечественном кораблестроении к моменту начала воссоздания флота. Эта оценка позволила определить и начать ликвидировать главные организационные и технические недочеты судостроительных производств России без коренной ломки-перестройки судостроительной промышленности, на которую рассчитывали оппозиционно-общественные силы и отдельные слои финансово-предпринимательских сил России. Правильная организация кораблестроительной промышленности оказалась крайне важной для форсированного воссоздания российского флота в условиях надвигающейся войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Шацилло К.Ф.** Корни кризиса вооружений русской армии в начале Первой мировой войны / Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998.
- 2.** Государственная Дума. Созыв III. Сессия I. Стенографические отчеты. Зас. 61–98: (с 7 мая по 28 июня 1908 г.). СПб., 1908. Зас. № 72,73. Стб. 1400–1484.
- 3.** РГИА. Ф. 565. Оп. 7 Д. 27934.
- 4. Крылов А.Н.** Мои воспоминания. М., 1956.
- 5.** РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 623.
- 6.** Кронштадтский Вестник. 1906. 21 июня.
- 7.** Политические партии России: партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916. М., 2002.
- 8.** РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 494.
- 9.** РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 121.
- 10.** РГИА. Ф. 1599. Оп. 1. Д. 1.
- 11. Смелов В.А.** Указ. Соч.
- 12. Лавертычев В.Я.** Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982.

УДК 94(47)084.1

Б. Б. Дьяков, М. А. Зитерев

РОССИЙСКОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Введение

Ученые и война. Как часто перед ними возникают вопросы жизненной важности: Что нужно сделать для победы? Что можно сделать для науки?

Интересно представить, в каком соотношении находились ответы на эти вопросы. Не менее интересно сравнить отношения ученого сообщества к войне в воюющих государствах. Была ли это безоговорочная поддержка государства учеными или всего лишь сетования на трудности? Предпринимались ли попытки преодоления разрыва научных связей и нарушения привычного образа существования? Насколько велико было стремление решить конкретную задачу в конкретном месте и сделать так, чтобы это решение было использовано и способствовало победе?

Такие вопросы, зафиксированные в воспоминаниях и исторических исследованиях уже на протяжении 100 лет, стали ключевыми для мирового ученого сообщества в целом, как и для физиков стран-участниц Первой мировой войны.

Основной целью данной работы является представление масштабов научной и общественной деятельности, выпавшей на долю физиков в России.

Фундаментальная физика: теория относительности, атомная физика, квантовая механика, физика твердого тела, радиофизика

А.Эйнштейн в Германии продолжал создавать свою теорию относительности и теорию квантов света. Подтверждение квантовой теории было сделано в 1913 году датским физиком Н. Бором. В 1914–1915 гг. появилась его теория водородоподобных атомов. Важнейшим итогом его работ стало установление принципа соответствия (1918 г.).

В годы войны крупнейшие физики-теоретики того времени, научные руководители нескольких поколений физиков А. Зоммерфельд (Германия)

и П. Эренфест (Голландия, перед войной несколько лет провел в России) продолжили свои исследования в области атомной физики. В России была особенно высока роль П. Эренфеста. В военные годы он, будучи подданным нейтральной страны, имел возможность как переписки с российскими коллегами, так и публикаций в русской научной периодике [1, с. 479–485; 2, с. 590–598].

Именно благодаря этим ведущим физикам новые области науки получили свое начальное развитие. При этом очевидно, что если бы не война, последующие успехи и многие открытия появились бы раньше.

Зоммерфельд был не только одним из основателей квантовой механики, но и создателем основ физики атома, опубликованных в 1915–1916 гг. Фундаментальным итогом стал его труд «Строение атома и спектры», выпущенный сразу после окончания войны (1919 г.) и ставший основным учебником по теории атома для следующего поколения физиков.

Если упомянуть еще работы по спектроскопии рентгеновских лучей Г. Мозли (Англия, ученик Э. Резерфорда), В. Косселя (Германия), а также немецких физиков Д. Франка и Г. Герца, которые в своих работах 1912–1914 гг. изучали неупругие удары электронов с молекулами газа (пары ртути) и получили экспериментальное доказательство дискретности уровней энергии атомов, подтвердив теорию Н. Бора, то можно отметить, что фундаментальная физика, получив теоретические и экспериментальные доказательства новых идей, находилась на подъеме, который война не остановила.

Но как раз именно молодые ученые оказались в траншеях по обе стороны фронта в развязанном не ими мировом конфликте. Так, например, не ставший еще знаменитым французский физик Л. де Бройль после окончания Парижского университета в 1913 г. был призван на военную службу и зачислен в инженерный корпус. Во время войны он служил в радиотелеграфном дивизионе. Его основные достижения были еще впереди. А английский физик Э. Эплтон, ученик Э. Резерфорда и Дж. Дж. Томсона в Кембридже, в 1914 г. служил в пехоте, а затем в инженерных войсках, где тоже занимался радиосвязью: исследовал проблему затухания радиосигналов и работал с вакуумными трубками, став после войны крупнейшим специалистом в этих областях. В армии оказались и другие физики, упомянутые выше: Г. Мозли (погиб на фронте), Г. Герц и Д. Франк, англичанин Л. Брэгг, ставший в 1915 году Нобелевским лауреатом по физике,

вместе со своим отцом и соавтором Г.Брэггом за большой вклад в изучение структуры кристаллов с помощью рентгеновского излучения.

На этом фоне развитию фундаментальной физики непосредственно перед войной и во время войны в немалой степени способствовали российские физики. Темы их исследований и до войны, и в период войны в значительной степени отражали упомянутые выше тенденции.

Работы в области физики твердого тела. В первую очередь нужно отметить исследования в области физики твердого тела. В стенах Политехнического института в Петрограде весной 1916 года начал работать в будущем исторический для отечественной физики семинар профессора А.Ф. Иоффе, к участию в котором он привлек молодых сотрудников и студентов: П.Л. Капицу, М.В. Миловидову-Кирпичеву, Я.Г. Шмидт, П.И. Лукирского, Н.Н. Семенова, Я.И. Френкеля и других [3, с. 529–568].

Фундаментальная работа Иоффе [4, с. 261–296] была выполнена им в физической лаборатории Политехнического института вместе с преподавателем этого же института Миловидовой-Кирпичевой, принадлежавшей к первому поколению его учеников. В работе исследовалась электропроводность ионных кристаллов. Авторы доказали, что ток переносится ионами, т.е., что в ионных кристаллах осуществляется электролитический механизм электропроводности и что последняя слагается из двух составляющих: примесной, существенной при относительно низких температурах, и собственной, становящейся доминирующей с ростом температуры. Сейчас известно, что это характерно и для полупроводников – новой тогда дисциплине физики твердого тела. Значение работы подчеркивается тем фактом, что ее результаты после войны были представлены А.Ф. Иоффе на крупнейшем международном научном Сольвеевском конгрессе 1924 года и получили полное признание.

По приводимым ниже фактам можно представить развитие фундаментальной физики в России, если и в Первую мировую войну здесь были сделаны достойные работы упоминавшихся выше П.Л. Капицы, Я.И. Френкеля, П.И. Лукирского, Н.Н. Семенова, а также В.Р. Бурсиана, Ю.А. Крутковой, С.А. Богуславского, А.А. Чернышева, М.А. Левитской и др. [5, с. 19–30, 33–72; 6, с. 87–100; 7, с. 138–156; 8, с. 297–318; 9, с. 77–100; 10, с. 237–254].

Работы в области теории относительности. Восприятие русскими учеными теории относительности не ограничилось периодом ученичества

и популяризации специальной теории относительности (СТО). В работах отечественных физиков, вышедших во время войны: К.К. Баумгарта, С.И. Вавилова, Д.А. Гольдгаммера, Я.П. Грдины, Л.Б. Слепяна (преподаватель Петроградского политехнического института), К.Н. Шапошникова и других [11, с. 1–38; 12, с. 354–365; 13, с. 150–157; 14, с. 251; 15] делались различные выводы – от ее полного отрицания до серьезной поддержки [16, с. 7–70]. Впрочем, это соответствовало общемировому отношению к необычной для классической физики теории. Для нашей темы важно, что интерес отечественных физиков к теории относительности сохранялся и поддерживался все это трудное время.

Работы по квантовой физике. Эта область новой физики еще не получила название «квантовая механика» и первые исследования отечественных ученых использовали разную терминологию. Среди них нужно отметить и работы военного времени, в частности, Ю.А. Круткова [17, с. 43–76; 18, с. 67]. Впоследствии развитый им метод адиабатических инвариантов сыграл существенную роль в развитии квантовой теории до создания квантовой механики, а сам автор справедливо считается одним из основателей советской теоретической физики. К периоду войны относятся и первые работы Я.И. Френкеля, сразу же после нее выпустившему фактически первые вузовские учебники, как по квантовой физике, так и по теории относительности (1921–1924 гг.) [19, с. 58–64]. Проблемами теоретической физики во время войны успешно занимался профессор Московского университета С.А. Богуславский в области электроники (расчет движения электронов в электрических и магнитных полях, предвосхитившие будущие потребности электроники и физики плазмы).

Весьма характерным для отечественной науки в разных дисциплинах был интерес к глобальным, «общечеловеческим» проблемам, включая, например, идею «ноосферы» В.И. Вернадского или к развитию зарождавшейся в начале века науке – биофизики (в современном понимании этой науки). В этой области значительными были работы русского физика П.П. Лазарева. Только в Журнале русского физико-химического общества (ЖРФХО) в военные годы он опубликовал не менее шести статей, из ко-

торых «Физико-химическая теория возбуждения» [20, с. 267–291] представляет фундаментальный обзор проблемы.

Прикладные военные исследования представителей фундаментальной физики

Вопросы создания нового вида вооружений волновали ведущих физиков – включая А.Эйнштейна [21]. Другой знаменитый физик Дж.Дж. Томсон во время первой мировой войны работал в Управлении исследований и изобретений и был советником британского правительства [22, р. 273–284].

Что касается конкретных исследований «на войну», то они были связаны с проблемами, которые без ученых решиться не могли. Например, обнаружение подводных лодок. Этим занимались: в Англии – Г. Брэгг, во Франции – П. Ланжевен и русский ученый-эмигрант К.В. Шиловский [23].

Затем: звуковая разведка для обнаружения артиллерийских батарей противника и корректировка огня собственной артиллерии – Л. Брэгг (Англия), защита от перехвата и дальность радиопередач и улучшение их приема – М. Вин (Германия), бомбометание – А.А. Фридман, Н.Е. Жуковский (Россия), медицинская диагностика с помощью рентгеновских лучей – М. Склодовска-Кюри (Франция), А.А. Глаголева-Аркадьева (Россия). Последняя закончила физико-математический факультет Московских высших женских курсов в 1910 г., в войну работала в рентгеновском кабинете при военном госпитале в Москве и изобрела рентгеностереометр – прибор для точного определения положения пуль и осколков в теле раненых.

Разработки Ланжевена-Шиловского оказали сильнейшее влияние на стратегию и тактику военно-морских операций. Ланжевен предложил использовать кварцевый пьезоэлектрический излучатель ультразвуковых волн. Этот способ может применяться не только для поиска подводных лодок, мин, защиты кораблей, но и в медицине. Отсюда начала развитие новая отрасль физики – ультраакустика.

Задачей тогдашней радиотехники было генерирование незатухающих колебаний и избирательного приема электромагнитных волн. Военное значение этой проблемы и пути развития были сформулированы Максом Вином (двоюродным братом одного из авторитетнейших немецких физиков того времени, Вильгельма Вина). До этого практическое значение «беспроволочного телеграфа» было весьма ограничено. Основная задача

заключалась в обеспечении устойчивой связи конкретных приемо-передающих станций без какого-либо влияния других, что было невозможно в начальный «искровый» период радиопередач. С помощью новой системы Германия во время войны поддерживала связь со своими африканскими колониями и обеспечивала связь между кораблями флота.

С другой стороны фронта метод звуковой разведки под руководством Л. Брэгга хорошо зарекомендовал себя в сражениях 1917–1918 гг. Младший лейтенант Л. Брэгг (впоследствии майор) проявил себя как организатор этой службы в войсках [24].

На военном поприще проявили себя и русские ученые. Среди них отметим А.А. Фридмана, добровольцем вступившего в армию, который во время службы в авиации проявил себя и как ученый-практик. Он разработал новый метод бомбометания вместе с расчетными таблицами, превративший мирные аэропланы в оружие «дальнего прицела», и применил его на практике. Отечественный историк науки В.Я. Френкель разыскал любопытные материалы, хорошо иллюстрирующие «военные» страницы биографии этого физики-теоретика [25, с. 481–516]. При этом Фридман проявил и личное мужество в военных действиях русской авиации, будучи и летчиком-наблюдателем, и бомбардиром, и был награжден «Георгием» за храбрость.

Вообще, российская школа аэродинамики, возглавляемая Н.Е. Жуковским, и авиация до войны были сильной стороной отечественной науки и техники. Поэтому во время войны организовалась целая когорта ученых и конструкторов, несмотря на сложные условия, проявившая себя с лучшей стороны и как носители идей, и как блестящие их реализаторы. Среди них, кроме упомянутых, были и ученые-теоретики, и конструкторы, и инженеры, в том числе, профессора Петроградского политехнического института Г.А. Ботезат, С.П. Тимошенко, А.П. Фан-дер-Флит, профессор Горного института (а перед этим преподаватель Политехнического института) А.А. Лебедев. Их деятельность была связана, в частности, с расчетами и испытаниями новых моделей лучшего бомбардировщика войны «Ильи Муромца» конструкции И.И. Сикорского. Д.П. Рябушинский создал до войны аэrodинамическую лабораторию, где во время войны по заданию Главного артиллерийского управления испытывались новые виды вооружения.

Еще одна область науки – радиофизика – выдвинула большое число своих приложений, играющих важнейшую роль со времен Первой ми-

вой войны – радиосвязь, радиоразведка и затем – радиолокация. Для России это имело особое значение. Радио и радиосвязь («беспроволочный телеграф») родились в России, но во время русско-японской войны ее преимуществами воспользовался противник. Одной из причин такого положения являлся даже не уровень техники у противоборствующих сторон, а степень подготовленности персонала к наилучшему выполнению технических обязанностей в боевых условиях. За период до 1914 г. в России было много сделано для преодоления этого отставания, но образованного персонала по-прежнему не хватало. Поэтому молодые русские физики считали своим долгом служить именно в этих частях российской армии и одновременно совершенствовать это «оружие». Среди них были будущие академики А.И. Берг, С.И. Вавилов, Г.С. Ландсберг [26, с. 302–322], прапорщиком стал Л.С. Термен, который в 1914 г. поступил в Петроградский университет, одновременно учась в консерватории по классу виолончели, а в начале Первой мировой войны окончил офицерскую электротехническую школу и служил прапорщиком в электротехническом отряде. Уже в первые послевоенные годы он стал изобретателем и создателем первых в мире электромузикальных инструментов.

Организационные мероприятия в физическом сообществе России под влиянием событий на фронтах войны и внутриполитического кризиса

В составе Российского физико-химического общества (РФХО) по Отделению физики в 1914 г. было 205 членов (среди них 10 женщин) (химиков, членов Отделения химии, было примерно в три раза больше). Число подписчиков ЖРФХО составляло 203 при тираже 600 экз. Общество получало из заграницы 45 научных журналов, в том числе 7 немецких (к примеру, из САСШ – всего один), и 43 отечественных.

К 1916 г. в его составе уже 234 члена (из них 14 женщин), но получено заметно меньше научных журналов: иностранных – 18 (из них 3 немецких), отечественных – 35, как общероссийских, так и отдельных институтов, учреждений и обществ, публиковавших работы по физике, в том числе, популяризаторские. Здесь интересно отметить новые издания книг Я.П. Перельмана по популяризации наук, вышедшие в годы войны, которыми тогда и сейчас увлекалось множество читателей [27; 28].

На заседании отделения физики РФХО 15 сентября 1915 г. под председательством А.Ф. Иоффе было принято решение:

1. Обратиться в комитет военно-технической помощи с предложением Отделения физики и войти в непосредственные отношения с отделом изобретений Центрального военно-промышленного комитета.
2. Довести через газеты до сведения отдельных заводов и лиц, работающих на армию, о деятельности Отделения.
3. Обратиться к членам Отделения с просьбой сообщать в Совет о тех задачах, которые в той ли иной форме известны членам Отделения и разрешению которых могло бы способствовать отделение.
4. Избрать представителями от отделения в комитет военно-технической помощи А.П. Афанасьева, А.Ф. Иоффе, Д.С. Рождественского [29, с. 549].

Однако масштабной работы в Комитете для физиков не оказалось, да, и крупных оригинальных идей тоже, и в следующем году в сообщении с заседания РФХО 8 марта 1916 г. говорится об освобождении Афанасьева, Иоффе и Рождественского от членства в Комиссии по военно-технической помощи. Вместо них Отделение физики решило ограничиться одним своим представителем – Н.Н. Георгиевским. В тот момент он был помощником редактора ЖРФХО, а ранее – учеником и сотрудником изобретателя радио А.С. Попова [30].

Особенно контрастным на этом фоне выглядело участие в работе руководящих российских правительенных органов их коллег-химиков. Здесь мы ограничимся следующим сравнением.

Уже 11 сентября 1914 г. Отделение химии заслушало доклад В.И. Похитонова «Современное состояние русской химической промышленности», среди основных положений которого звучали призывы к решительным мерам в области производства стратегической химической продукции: «Необходимо установить раз и навсегда определенный взгляд, что, если Россия нуждается в каком-либо продукте в целях ли государственной обороны, снабжения населения и т.п., то не должно быть места соображениям неправильно понимаемой экономии. Производство такого продукта должно быть установлено и поддержано во что бы то ни стало» [31, с. 201–209].

Первую мировую войну действительно называли войной химиков. Но поскольку цель данной работы показать роль именно физиков, то упо-

мянем и о вкладе физиков В.К. Аркадьева, Б.Б. Голицына и др. в «химическую» войну [32; 33, с. 1147; 34, с. 7].

Однако, трудности и научной, и повседневной жизни все возрастили и в 1917 г. выход ЖРФХО был фактически приостановлен – вышло всего 2 выпуска. Только в 1918 г. журнал продолжил свое существование, когда вышли одним томом его 3–9 выпуски.

Из журнала исчезла реклама продукции рентгеновской и другой физической аппаратуры предприятия «Первый русский завод трубок Рентгена Н.А. Федорицкого». Само предприятие было разорено в годы войны и последующей разрухи и уже при Советской власти пришлось это производство создавать заново под руководством ставшего уже академиком А.Ф. Иоффе, одного из основателей (1918 г.) и первого директора Государственного рентгено-радиологического института (ГРРИ). Это будущий Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе.

В эти годы отечественная физика несла значительные потери. Одной из них была кончина академика Б.Б. Голицына [35]. И это была не единственная тяжелая потеря отечественной физики – ученых, деятельность которых, продолжись она далее, принесла бы огромную пользу отечественной науке. В 1915 г. умерли один из крупнейших отечественных физиков – профессор Московского университета Н.А. Умов, А.Л. Гершун – создатель отечественной оптической промышленности. Дело создания оптического стекла приборного качества для полевых биноклей, дальномеров, прицелов, стереотруб, перископов, т.е. сугубо военных изделий, а также микроскопов, телескопов, спектрографов и многих других приборов – перешло в руки Д.С. Рождественского, ставшего уже в советское время классиком мировой оптики и спектроскопии.

Серьезной потерей и были большие перерывы в публикациях результатов научных исследований практически всех ведущих отечественных физиков, особенно – в конце войны.

Сотрудничество и связи с зарубежными физиками в годы войны

Здесь, конечно, следует выделить отношение российского физического сообщества с немецкими учеными. Связи русских физиков с Германией были особенно сильны и привлекательны до войны. Это относится и

к учебе, и к научным контактам, и к публикациям русских физиков в немецких изданиях и, наоборот, немецких ученых в российских, что было хорошей практикой.

Эта тема вполне заслуживает отдельного рассмотрения, также как и выход из сложившейся ситуации во время войны и после нее. Здесь мы ограничимся несколькими характерными примерами. Так, публикация одной из работ М.А. Левитской в ЖРФХО сопровождается примечанием: «Работа сделана в Геттингенском университете» [36, с. 169–175]. М.В. Миловидова-Кирпичева публикует специальный обзор работ немецкого физика В. Косселя из немецкого журнала во время войны [37, с. 265–278]. И это в условиях, когда аннотации к статьям в ЖРФХО приводились не на немецком языке, а на французском.

Более того, выполняя указание российского правительства (министерства просвещения), РФХО было переименовано – вместо прежнего официального названия «Российское физико-химическое общество при Санкт-Петербургском университете» появилось «Российское физико-химическое общество при Петроградском университете».

Ряд российских физиков к началу войны оказался вне России. Вернувшийся из Шотландии П.Л. Капица, студент 3-го курса Политехнического института, добровольцем пошел на фронт (шофер санитарной машины) [38, с. 9]. Те, кто учился или работал в Германии, были интернированы. Из них особенно нужно отметить В.К. Фредерикса, который получил возможность работать в Геттингене, где остался на 8 лет (1910–1918 гг.), у Д. Гильберта, лидера мировой математики. После своего возвращения в Россию Фредерикс ознакомил своих русских коллег-физиков с общей теорией относительности (ОТО) А. Эйнштейна. Он немало способствовал впечатляющему вкладу отечественных ученых, в первую очередь, упоминавшихся выше Фридмана, Круткова и самого Фредерикса, в ОТО (уже в советское время) [39, с. 106–142].

Фундаментальные изменения во взаимоотношениях научного сообщества и государства в годы войны

Если говорить о делах государственного масштаба того времени в области науки и ее организации, то наиболее заметным и инициативным

со стороны российского ученого сообщества, в первую очередь, его ведущих представителей – ученых мирового масштаба В.И. Вернадского, Б.Б. Голицына, Д.С. Рождественского и других – было участие в создании (в начале 1915 г.) и работе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Подобного рода деятельность ведущих деятелей науки в других воюющих странах и те задачи, которые ими решались, привели к резкому изменению академической науки в мире. Война создала новые связи между научным сообществом, государством, армией и промышленностью [40, р. 47–60].

Наиболее решительные шаги были сделаны в САСШ [41, с. 114–135], позже всех вступивших в мировую войну, как со стороны научного сообщества во главе с такими знаменитостями, как изобретатель Т. Эдисон, астроном Д. Хейл, физик Р. Миликан, так и со стороны правительства и Конгресса. В первой половине 1916 г. был учрежден новый орган – Национальный совет по науке, который координировал научную работу и выполнение заданий армии и флота, сотрудничая с Советом по национальной безопасности. Например, физическая лаборатория Гарвардского университета была полностью ориентирована на военные нужды.

Необычные события происходили в академической жизни в Англии, в которой университеты имели солидную автономность. Но участие английских (британских) ученых в войне привело к резкой смене их ориентации и усилению настойчивости, с которой их научное сообщество требовало вмешательство государства в науку и высшее образование даже в классических университетах. Дискуссия и диалог с государством шли на страницах ведущих научных и общественных изданий [42, р. 221–222] Не менее актуально и остро шло обсуждение послевоенной организации науки – вплоть до обсуждения в парламенте [43, р. 180–185; 44, р. 29–30; 45, р. 321–327].

В Германии финансируемые правительством институты и лаборатории, в первую очередь, смогли в кратчайшие сроки сориентироваться на военные нужды. Кроме того, организация «большой науки» и координации исследовательских инициатив способствовала деятельность Общества кайзера Вильгельма, основанного в 1911 г. и включавшего вне университетов авторитетные научно-исследовательские институты, которые получали поддержку правительства. Уже во время войны было учреждено Военно-

техническое Общество кайзера Вильгельма, ставшее координатором научных исследований в стране. Хотя Германия изменила свою государственность после поражения, но значительная часть научных структур осталась, кроме того, основывались после 1920 г. новые институты Общества.

По сути дела с этого же началось становление государственной науки и в Советской России, в отличие от весьма ограниченного числа научных учреждений до 1917 года [46, с. 14–28].

Заключение

В качестве главного вывода настоящей работы, отметим: научная деятельность (учебная из-за призыва студентов почти прекратилась) российских физиков, включая работы на оборону и армию, оказалась крайне затруднена по рассмотренным выше причинам, в том числе, и из-за разрыва научных связей. Прикладные исследования, непосредственно связанные с приложением физических знаний к насущным военным вопросам в области распространения радиоволн и совершенствования радиосвязи, артиллерийской внешней и внутренней баллистики [47, с. 334–381], приемов бомбардировок с воздуха, защитой от отравляющих веществ, полевой рентгеноскопии и т.д. проводились и были успешными. В годы войны продолжали издаваться книги и учебники по физическим дисциплинам [48; 49; 50; 51]. Но трудности и научной, и повседневной жизни все возрастили.

А еще предстояла гражданская война...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Эренфест П. Об интерференционных явлениях, имеющих место при прохождении рентгеновых лучей через двухатомный газ // ЖРФХО. 1915. Т. 47 (вып. 7).
2. Эренфест П. Замечания о капиллярной теории кристаллической формы // ЖРФХО. 1915. Т. 47 (вып. 9).
3. Френкель В.И. Пятьдесят лет Физико-техническому институту им. А.Ф. Иоффе АН СССР // УФН. 1968. Т. 96 (вып. 3).
4. Иоффе А.Ф., Кирпичева М. Электропроводность чистых кристаллов // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 8А).
5. Френкель Я.И. Строение атомов в свете радиоактивных излучений // ЖРФХО. 1917. Т. 49 (вып. 1). Ч. 2.

- 6.** **Бурсиан В.Р.** Об условиях устойчивости термодинамического равновесия в связи с точной формулировкой принципа Ле Шателье-Брауна // ЖРФХО. 1917. Т. 49 (вып. 3-9).
- 7.** **Богуславский С.А.** К термодинамике периодического движения // ЖРФХО. 1917. Т. 49 (вып. 3-9).
- 8.** **Капица П.Л.** Инерция электронов в амперовых молекулярных токах // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 9). Ч. 2.
- 9.** **Чернышев А.А.** Роль земли и верхних слоев атмосферы в распространении электромагнитных волн вокруг земной поверхности // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 3). Ч. 2.
- 10.** **Семенов Н.Н.** К теории прохождения электричества через газы // ЖРФХО. 1916 Т. 48 (вып. 7).
- 11.** **Грдина Я.** Физический или ограниченный принцип относительности // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 1).
- 12.** **Шапошников К.Н.** Принцип относительности // ЖРФХО. 1915. Т. 47. (вып. 10Б).
- 13.** **Слепян Л.** Истинный принцип относительности и основание формул преобразования классической механики // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 3) Ч. 1.
- 14.** **Вавилов С.** Об одном возможном выводе из опытов Майкельсона и др. // Вестн. оп. физ. и элемен. математики. 1915. № 634.
- 15.** **Гольдгаммер Д.А.** Новая теория электромагнитных явлений в движущихся средах // Изв. Казан. Физ.-мат. Об-ва. 1915. Т. 21 (№ 1-2).
- 16.** **Визгин В.П., Горелик Г.Е.** Восприятие теории относительности в России и СССР // Эйнштейновский сборник, 1984–1985 (сб. статей). М.: Наука, 1988.
- 17.** **Крутков Ю.А.** О теории квантов // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 2А). С. 43–76
- 18.** **Umov N.A.** Ein möglicher Sinn der Quantentheorie // Приложение к Временному Обществу им. Леденцова. 1915. Т. 5 (№ 5).
- 19.** **Дьяков Б.Б.** Первые вузовские учебники по квантовой механике и теории относительности. Политехнический институт. 1922–1925 гг. // Межд. науч.-практ. конференция, посвящ. 110-летию начала занятий в Петербургском Политехническом университете, 30 октября 2012 г. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2013.
- 20.** **Лазарев П.П.** Физико-химическая теория возбуждения // ЖРФХО. 1914 Т. 46 (вып. 8Б).
- 21.** **Френкель В.Я., Явелов Б.Е.** Эйнштейн: изобретения и эксперимент. М.: Наука, 1990.
- 22.** **W. Van der Kloot.** Lawrence Bragg' role in the development of sound-ranging in World War I // Notes Rec. R. Soc. 2005. V. 59.
- 23.** **Клюкин И.И., Шошков Е.Н.** Константин Васильевич Шиловский 1880–1958. Л.: Наука, 1984.
- 24.** **Zuoyue Wang.** The First World War, Academic Science, and the «Two Cultures»: Educational Reforms at the University of Cambridge // Minerva. 33: 107–127, 1995.
- 25.** **Френкель В.Я.** Александр Александрович Фридман // УФН. 1988. Т. 155 (вып. 3). С. 481–516. V. Ya. Frenkel. Alexandre Alexandrovich Fridman // UFN. 1988. Т. 155 (вyp. 3).

- 26.** Ландсберг Г.С. Детекторы беспроволочной телеграфии // ЖРФХО. 1915. Т. 47 (вып. 9Б).
- 27.** Перельман Я.И. Занимательная физика. 1 книга. Пг., 1916. 2-е изд. 230 с.
- 28.** Перельман Я.И. Занимательная физика. 2 книга. Пг., 1916. 225 с.
- 29.** ЖРФХО. 1915. Т. 47 (вып. 8).
- 30.** ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 2). Ч. 2.
- 31.** Похитонов В.И. Состояние российской химической промышленности // ЖРФХО (Ч. Хим.). 1914. Т. 46 (вып. 7).
- 32.** Аркадьев В.К. Научно-технические основы газовой борьбы. М., 1915. 2-е изд.
- 33.** Голицын Б.Б. Об Охтинском взрыве 15/29 апреля 1915 года // Изв. АН. 1915. Т. 9 (№ 11).
- 34.** Ландезен Г.А. К борьбе с удушливыми газами // Уч. записки Юрьевского университета. 1915. Т. 23.
- 35.** Семенов-Тянь-Шанский П.П. Академик князь Б.Б. Голицын. Пг., 1916.
- 36.** Левитская М.А. Явление Зеемана в спектре палладия // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 6).
- 37.** Кирпичева М. Химические свойства изотопов по гипотезе Косселя // ЖРФХО. 1916. Т. 48 (вып. 8).
- 38.** Кедров Ф.Б. Капица: жизнь и открытия. 2-е изд., доп.. М.: Моск. рабочий, 1984.
- 39.** Визгин В.П., Френкель В.Я. Всеядод Константинович Фредерикс – пионер релятивизма и физики жидких кристаллов в СССР // Эйнштейновский сборник, 1984–1985 (сб. статей). М.: Наука, 1988.
- 40.** Kevles D. Into Hostile Political Camps: The Reorganization of International Science in World War I // Isis. LXII (Spring 1971).
- 41.** Штрупп К. Восприятие германской науки и исследований в Америке во время Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Тюбинг. ун-т (ред. Э.И. Колчинский, Д. Бай-рой; ред.-сост. Ю. А. Лайус). СПб.: Нестор-История, 2007.
- 42.** Science and the State. Nature. XCII (29 October, 1914).
- 43.** Fleming J.A. Science in the War and After the War // Nature. XCVI (14 Oct., 1915).
- 44.** The War—and After // Nature. XCIV (10 September, 1914).
- 45.** An Advisory Council on Industrial Research // Nature. XCV (20 May, 1915).
- 46.** Дьяков Б.Б. Становление ученого сообщества в годы утверждения Советской власти в России // Российский социум: прошлое, настоящее и будущее СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – С. 14-26. ISBN 978-5-7422-4611-4
- 47.** Динник А.Н. О распределении напряжений в стенках артиллерийских орудий. 1914. Т. 46 (вып. 10А)
- 48.** Итоги науки в теории и практике. Кн. 37 и 38. М., 1915
- 49.** Короленко А.Н. О рентгеновских кабинетах России. Пг., 1915.
- 50.** Мещерский И.В. Сборник задач по теоретической механике. Пг., 1916
- 51.** Тимошенко С.П. Курс теории упругости. Ч. 2. Пг., 1916.

ЮБИЛЕЙ РУССКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Научно-техническая общественность России в 1916 году отмечала 50-летие Русского технического общества (РТО). В это время шла Первая мировая война, в которой участвовала Россия. И это обстоятельство не могло не отразиться на характере юбилейного заседания, в котором освещение традиционной проблематики деятельности РТО за полувековую историю его существования сочеталось с новациями последних лет, привнесенными в деятельность Общества его председателем – Владимиром Ивановичем Ковалевским, находившемся на этом посту с 2 декабря 1906 г. по 23 января 1916 г. в течение максимально возможного по Уставу РТО времени (3 срока) [5].

В чем же состояли преемственность и новаторство В.И.Ковалевского на посту председателя Русского технического общества? [1, с. 11–14].

Они определялись в первую очередь особенностями социально-экономического и политического развития России в 1906–1916 гг. Каковы же были эти особенности?

Напомним их:

С 1905 г. – новый подъем внутренних сил России: начало русского конституционного строя параллельно с расцветом так называемого германского засилья в политической и экономической жизни России. Начало Первой мировой войны в 1914 г., к которой Россия пришла совершенно неподготовленной. Новые законы о нормировании рабочего дня, страхования рабочих от несчастных случаев, о труде женщин и подростков, обязательной врачебной помощи рабочим, о больничных кассах и школах для подростков и пр. Безземелье и хуторская система, потребовавшая организации землеустройства и мелиорации.

В то же время чрезвычайные расходы на перевооружение, военное кораблестроение, портовые сооружения и растущие железнодорожные расходы и затраты. Безграничный рост косвенных налогов и таможенных пошлин, казенная винная монополия, нормировка сахарного производст-

ва, поощрительные вывозные премии на спирт и сахар, нерасчетливая игра железнодорожными поощрительными тарифами на вывоз продуктов за границу. Крайнее обременение наших финансов, сильная задолженность и валютная реформа, так называемая золотая девальвация. Комиссия по «оскудению центра» и нарастающие новые промышленные кризисы. Застой в изучении и разработке наших природных богатств и полная зависимость от иностранной индустрии, скучающей за бесценок наше сырье. Крайняя отсталость в общем и, особенно, в техническом образовании. Отсутствие прочных организаций по упорядочению спроса и предложения, по борьбе со спекуляцией и растущей дороговизной предметов первой необходимости. Легкие влияния и экстренные переходы от одних мероприятий к другим. Боязнь научной, строго основанной системы и устроения прочного народного хозяйства, недоверие к общественным силам в деле создания своей культуры [2].

В связи с вышеназванными особенностями социально-экономического и политического развития России, охарактеризуем основные направления деятельности Русского технического общества в 1906–1916 гг.

Эта деятельность велась двумя путями: во-первых, непосредственным содействием развитию промышленности и техники с помощью съездов, выставок, разработке специальных вопросов, экспертизы, поощрений производства и изобретений, а также и работ по прикладным знаниям; во-вторых, содействием распространению среди населения технических и предварительных общих знаний посредством открытия курсов, училищ для взрослых, школ для подростков и детей рабочих, изданий и т.п.

Создание новых отделов в 1900-х гг. (после перерыва с 1874 г.): X – сельско-технического (1906 г.), XI – промышленно-экономического и XII – содействия труду (1907 г.), XIII – горного (1908 г.), XIV – технике городского и земского хозяйства (1910 г.) и XV – мелиоративного (1915 г.).

Количественный рост РТО к 1916 г.: 998 действительных членов, 43 почетных члена, из них 15 иностранцев, 5 членов-корреспондентов, из них 3 иностранца, 4 члена-соревнователя. К 1916 г. РТО имело: 33 иного-родных Отделения (от 17 до 2000 членов в каждом), имеющих 16 изданий, а всего с изданиями РТО-21. Бюджет РТО в 1915 г. (наиболее скромный) составлял 380 тыс.руб. из них 27600 руб. – расходы на техническое образование по смете Постоянной комиссии; по общей деятельности общества –

52 тыс.руб.; по Отделам 51780 руб.; состояние капиталов Общества около 150 тыс. руб.

При РТО состоял ряд учреждений и комиссий. В их числе: финансовая комиссия, библиотечная постоянная комиссия, ряд редакционных комиссий, фотографический павильон, химическая лаборатория, музей технических производств – технический отдел музея прикладных знаний. Постоянная комиссия по техническому образованию. В ведении Постоянной комиссии состояло 57 училищ, которые делились на две большие группы: специальные училища и образовательные. Одной из важных целей Общества было содействие техническому образованию в России, необходимость которого всегда осознавалась В.И. Ковалевским. Отсутствие достаточного числа инженеров и техников – одна из причин слабого технического развития страны и засилья иностранных специалистов, (сказанное помогает уяснить линию преемственности в работе В.И. Ковалевского).

К заслугам В.И. Ковалевского следует отнести и то, что он сумел отстоять Устав Общества и не допустил внесения в него нежелательных изменений, связанных с ограничением его целей лишь узко специальными рамками. В.И. Ковалевский понимал, что плодотворной работа Общества может быть лишь в том случае, если оно будет оказывать помощь промышленности не только наукой и техникой, но и содействием в установлении целесообразной экономической политики. Поэтому РТО по инициативе В.И. Ковалевского часто выдвигало на разрешение, кроме развития различных отраслей промышленности, вопросы финансовые, экономические, юридические, общего и технического просвещения, защиты и охраны труда и др. В этом проявилась новаторская линия деятельности В.И. Ковалевского. Особенно отчетливо эта линия выразилась в его речи в мае 1916 г. по случаю 50-летия Общества [3, с. 15–20]. В ней он указывал на необходимость после завершения мировой войны начать другую войну, войну за экономическую независимость России, войну длительную и упорную, в которой РТО должно быть в рядах передовых бойцов. С этой целью В.И. Ковалевский предлагал организовывать последовательную разработку тех органических мер, которые были намечены в его докладе «Основные нужды русской промышленности» от 29 апреля 1915 г. и одобрены общим собранием РТО.

Приведем в достаточно подробном изложении этот замечательный доклад В.И. Ковалевского «Основные нужды русской промышленности» от 29 апреля 1915 г., опубликованный в «Записках Русского технического общества» в мае 1915 г. [4, с. 6–12]. Но прежде отметим, что в юбилейной речи в мае 1916 г. В.И. Ковалевский обратил внимание и на новое поприще в деятельности РТО; связанное с новой зарождающейся экономической Россией – Россией кооперативной, для которой Общество призвано создать общественную технику, содержание которой столь же разнообразно, как и сама кооперативная жизнь: от консультативной помощи до устройства и объединения производительных кооперативов.

Приступая к изложению доклада В.И. Ковалевского от 29 апреля 1915 г., обратим внимание на одно важное обстоятельство, связанное с тем, что В.И. Ковалевский до своей отставки в 1902 г. в течение ряда лет занимал пост министра финансов (позднее Министерства промышленности и торговли) и достаточно глубоко знал вопросы техники и промышленности России. Обратим внимание еще на одно обстоятельство.

Хотя В.И. Ковалевский 23 января 1916 г. покинул пост председателя РТО, который он занимал с 2 декабря 1906, его авторитет в Обществе был столь непрекаем, что и после ухода с поста председателя Общества, именно ему было поручено произнести речь по случаю 50-летнего юбилея Общества в мае 1916 г.

Приступаем к изложению доклада В.И. Ковалевского от 29 апреля 1915 г. «Основные нужды русской промышленности», опубликованному в «Записках Русского технического общества» в мае 1916 г. [4, с. 6–12].

В.И. Ковалевский начинает свой доклад с утверждения, что промышленность, как и всякая сфера человеческой деятельности, требует благоприятной обстановки для своего развития: политической, экономической, общественной и моральной. И отмечает, что положение русской промышленности в этом отношении далеко не может быть признано удовлетворительным.

Промышленность находится на положении терпимости, рассматривается многими как необходимое зло, и далеко не пользуется тем значением, которое ей принадлежит по праву в общей системе народного хозяйства. И как полагает В.И. Ковалевский, причины этого лежат глубоко.

1. Прежде всего, промышленность и земледелие почитаются враждебными экономическими лагерями: интересы их якобы не только не совпадают, но взаимно уничтожают друг друга. Покровительство промышленности угнетает сельское хозяйство и население.

2. В недавнее время борьба между министрами, в ведении которых состояли промышленности добывающая и перерабатывающая, рассматривались, как доказательство несовместимости этих отраслей народной производительности.

3. Далее, промышленность угрожает развитием третьего сословия и, следовательно, может оттеснить ныне преобладающие влияния.

4. Затем, промышленность несет с собою развитие пролетариата, создает самостоятельный рабочий класс со всеми последствиями этих явлений.

Таковы главнейшие нарекания, полагает В.И. Ковалевский, пагубно отражающиеся на поступательном движении нашей промышленности. Администратор, судья, крупное землевладение и даже законодательные учреждения далеко еще не всегда разделяют взгляд на важное значение промышленности в государстве, на большое место ее в системе народного хозяйства и труда.

Отношение центральной власти к промышленности не содействует укреплению такого взгляда. Министерство торговли и промышленности не установило определенной и ясной промышленной политики. Оно действует без плана и программы. Нет преемственности в понимании характера и объема задач в области правительской работы для удовлетворения основных нужд промышленности.

При таком отсутствии программы нельзя рассчитывать ни на широкие кредиты для нужд промышленности, ни на поддержку законодательных учреждений. Все это дает грустную картину внутреннего уклада нашей промышленной среды. Что же нужно делать для изменения существующего положения вещей. Прежде всего, необходимо подчинить промышленное дело в государстве определенной политике, обеспечить защиту интересов промышленности в ее целом, т.е. не только крупной, но также средней и мелкой, и всеми доступными мерами содействовать укреплению взгляда, что промышленность есть благо, необходимый фактор государственной мощи и экономического развития страны, и что рост ее не только не идет вразрез с процветанием земледелия, а является основным

условием преуспевания и благоустройства сельского хозяйства. Без всего этого промышленность не может занять в России достойного и прочного положения.

Никогда еще требования к нашей промышленности, утверждает дальше В.И. Ковалевский, не достигали такой напряженности, никогда еще ее слабое развитие и прорехи не обнаруживались с такой выпуклостью, как в переживаемое нами время. Необходимо использовать все полученные, которые несет это исключительное время, чтобы переустроить нашу промышленность на более надежных и прочных основаниях. С полной очевидностью выяснилось, что если вычесть «немца», из нашего торгово-промышленного оборота, то получается очень печальное сальдо.

В будущем, экономическому угнетению России германцами должен быть положен конец. Отсюда две магистральные задачи: первая – самим занять их место, и вторая – так как еще долгое время не удастся обойтись без чужих капиталов, предприимчивости и знания, привлекать их, как полезную экономическую, а не как враждебную политическую силу. Первая задача предполагает интенсивную, неотложную и организационную работу правительства, самой промышленности и ученого-технического мира. Еще одной важной задачей является гармоническое и прочное развитие обоих родов промышленности – производящей сырье и обрабатывающей – может обеспечить России независимое экономическое положение в будущем.

Во втором разделе своего доклада В.И. Ковалевский остановился на проблеме правового порядка и законности, вообще.

Успешное экономическое развитие вообще, а, следовательно, и развитие промышленности, полагает Ковалевский, возможно лишь на основе правового порядка и законности. Но помимо общей благоприятной обстановки промышленность требует и своих специальных условий, своей покровительственной политики в широком значении понятия покровительства. Каковы же эти специальные условия и требования? До настоящего времени покровительство ограничивалось почти исключительно таможенной охраной – в виде протекционных пошлин. Но важен был и так называемый автономный тариф, при выработке ставок которого задавались ограждением существующих производств от иноземной конкуренции. Но он был в России совершенно расшатан.

В.И. Ковалевский полагает, что настало время для пересмотра нашего таможенного тарифа по существу, дабы согласовать его с изменившимися у нас экономическими условиями и с новыми требованиями, предъявляемыми к промышленности.

Точно также необходимо подвергнуть критическому анализу и самые принципы заключения торговых трактатов. Данная созидательная работа предполагает целую совокупность общих и частных мер, при отсутствии которых таможенно-протекционная политика получит грубо – первобытный характер.

Меры общего характера для роста и благоустройства нашей промышленности заключается, по мнению В.И. Ковалевского, в следующем:

- а) Прежде всего, необходимо снять различные стеснения, связывающие русскую промышленность.
- б) Далее, настоятельно требуется освободить нашу промышленность от сложного, затяжного, устарелого порядка открытия промышленных предприятий, как он установлен действующим законодательством.
- в) Закон об учреждении и деятельности акционерных обществ для паяевых товариществ настолько устарел, что он почти не применяется ввиду его совершенного несоответствия с современными условиями.
- г) Промышленного кредита в России почти совершенно нет. Банки коммерческого кредита не удовлетворяют и не могут удовлетворять нуждам в таком кредите.
- д) Недостаток среднего и в особенности низшего технического персонала, а также профессиональной подготовки рабочих неблагоприятно отражаются на прогрессе нашей промышленности. Отсюда необходимость широкого распространения технических и ремесленных училищ и школ, выработка плана технической подготовки рабочих на наших заводах и фабриках.
- е) Железнодорожное строительство, развитие водных путей, постройка шоссейных и улучшение грунтовых дорог должны быть подчинены определенному плану.
- ж) Действующее законодательство об охране промышленной собственности требует коренного пересмотра для согласования его с современными периодами промышленности и для ограждения наших интересов от напора иностранной волны.

з) Синдикатные соглашения нуждаются в законодательном урегулировании.

и) Охрана промышленности от неправильного отношения к ней фиска тоже должна входить в программу здоровой и целесообразной экономической политики.

к) Ныне промышленное и торговое законодательство представляет сводку большею частью архаических постановлений и совсем не отвечает современному положению торговли и промышленности их нуждам.

л) Отделение права собственности на недра от права собственности на поверхность приведет нас к благоприятным результатам в отношении развития горной промышленности как и в других странах.

м) Весьма важно издание положения о водном праве.

н) Совершенно обоснованную и обширную группу представляют общие меры по охране труда в широком значении. Сюда относятся: государственное страхование рабочих, учреждение примирительных камер, устройство бирж труда, пересмотр закона о продолжительности рабочего времени, объединение рабочих для удовлетворения их профессиональных нужд и пр.[4, с. 6–12].

Завершает свой доклад В.И. Ковалевский обобщенной характеристикой особенностей современной эпохи, в том числе и для промышленности и о тех непростых задачах, которые предстоит решить для удовлетворения основных нужд русской промышленности. Таковы основные идеи и положения доклада В.И.Ковалевского «Основные нужды русской промышленности» от 29 апреля 1915 г., на которые он опирался в своей речи, посвященной 50-летнему юбилею Русского технического общества, с которой он выступил в мае 1916 г. и которыми он предлагал руководствоваться для улучшения уровня отечественной промышленности и повышения благосостояния России на современном этапе ее развития [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Иванов Б.И.** В.И.Ковалевский и Русское техническое общество (1906–1916 гг.) // Доклады и сообщения научной конференции «Владимир Иванович Ковалевский» (Санкт-Петербург, 24 декабря, 1993 г.), СПб ГТУ.
- 2. Филиппов Н.Г.** Научные технические общества России (1866–1917). Уч. пособие. М.: 1976. 214 с.

3. К 50-летию Русского Технического Общества (Речь В.И.Ковалевского Общему Собранию 25 мая 1916 г.) // Записки РТО. 1917. № 2-3.
4. Основные нужды русской промышленности / Доклад комиссии по промышленности В.И. Ковалевского // Записки РТО. 1916. № 5.
5. **Иванов Б.И.** 50-летний юбилей Русского технического общества и Первая мировая война // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXV междунар. годичной конф. Санкт- Петерб. Отдел. Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в Первую мировую войну» (24–28 ноября 2014 г.) Вып. XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. – С. 305–306. ISBN 978-5-906782-04-5.

ПРОБЛЕМА НОВЫХ ВООРУЖЕНИЙ В РУССКОЙ АРМИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

В условиях промышленной и научно-технической революции в конце XIX века активно дискутировался вопрос о будущей возможной войне. Конечно, были силы, которые полностью отрицали ее возможность в наступающем «цивилизованном XX веке». Однако более воинственно настроенные политики считали, что военное столкновение мировых держав неизбежно. Среди них были и консерваторы, которые полагали, что главное – это боевой дух солдата и офицера, а также и сторонники активного военного прогресса. Последние ратовали за военное использование принципиально новых видов вооружений: подводных лодок, гигантских дредноутов, аэропланов, бронированных машин, скорострельного оружия.

Было нелегко, например, рассмотреть за неуклюжими этажерками аэропланов будущее грозное оружие нового типа – авиацию. Необходимость тратить на развитие принципиально новых видов вооружений значительные денежные средства, казались консерваторам бессмысленными тратами.

В начале XX века Россия продолжала оставаться абсолютной монархией. Ничто, казалось, не предвещало глобальных перемен, но русско-японская война и начавшаяся первая русская революция 1905–1907 годов радикально изменили обстановку в стране. Новые реформы были подготовлены всем ходом русской жизни; они вызывались потребностями экономики, социально-классовыми сдвигами, эволюцией государственно-политических структур, развитием духовной культуры, влиянием европейского опыта).

Созданный в годы Первой русской революции законодательный орган Государственная Дума не осталась в стороне в вопросе о развитии обороноспособности страны [5]. Требовалось определить главные направления в развитии различных видов вооружений.

Для России роль «последней войны» сыграла Русско-японская (1904–1905). Заводы морского ведомства в этот период находились в крайне печальном состоянии. Лишь благодаря активной политике Государственной Думы Обуховский и Ижорский заводы за несколько лет были приведены в относительный порядок. Законодатели отмечали, что в российском флоте огромное количество адмиралов и высших офицеров при почти полном отсутствии флота. Государственные деньги шли не на содержание боевых кораблей, а на выплаты адмиралам.

Борьба вокруг морской программы привлекла самое пристальное внимание общества. Она совершенно не случайно оказалась в самом центре жестокой конфронтации между Думой и правительством. Перед страной, еще не совсем оправившейся от позора войны с Японией, стояла задача быстрейшего восстановления флота и общего перевооружения русской армии, которой катастрофически не хватало современного вооружения. Особенно сильным было отставание в тяжелой артиллерии – решающей силы армий того времени.

В марте 1908 года Николай II повелел составить общую программу возрождения флота и перевооружения сухопутной армии, рассчитанную на ближайшие 10–15 лет. Ее выполнение должно было начаться со строительства четырех броненосцев.

Положение дел в военно-морском флоте стало предметом особых слушаний, острых столкновений на заседаниях Думы. А.И. Гучков в своих речах подвергал проект морской программы, предложенный правительством, жесткой критике. Он выступал против создания в Балтийском море эскадры линкоров, полагая, что в закрытом море их действия будут ограничены, что необходимо строить здесь относительно малые маневренные корабли. Но император и его ближайшее окружение страдали гигантоманией. На так называемую «малую морскую программу» для Балтийского флота (строительство четырех линкоров) предполагалось выделить полмиллиарда рублей. Вновь обострились дискуссии на тему, какой флот, какие базы и где они нужны России и зачем строить линкоры для «маркизовой лужи». Но Николай II повелел провести морскую программу через Государственную Думу и Государственный Совет. При этом он в марте 1912 года заявил председателю Совета министров Российской им-

перии В.Н. Коковцеву: «Это дело так близко моему сердцу, что я заранее одобряю все, что вы придумаете, чтобы провести его в Думе» [1, с. 414].

После отъезда императора Коковцов занялся проведением через Думу морской программы. Техническая сторона дела была подготовлена морским министром и группой молодых морских офицеров во главе с капитаном I ранга А.В. Колчаком, но была и весьма сильная оппозиция, отмечавшая огромную дороговизну данного проекта.

В этой сложной для правительства обстановке Коковцов сделал упор на то, что кредиты на новые дредноуты полностью обеспечиваются за счет «финансового благополучия», солидного превышения доходов над расходами и новые корабли можно было строить, не прибегая ни к увеличению налогов, ни к займам. Это было правдой. Остаток от расходов, который оставался в казне, достигал суммы в 800 млн. руб. Линкоры стоили около половины этой суммы.

Следует отметить, что у «Морской программы» оказался еще один защитник, сыгравший в деле очень важную роль. Речь идет об известном представителе технической интеллигенции: ученом, математике, корабеле, академике Л.Н. Крылове.

В 1912 г. он являлся профессором Военно-морской академии и состоял для особых поручений при морском министре адмирале Григоровиче. Министр обратился к нему за помощью, прося составить для выступления в Думе краткий, но убедительный доклад в пользу строительства для Балтийского флота эскадры линейных кораблей. Морской министр опасался, что Дума откажет в весьма значительном кредите. Доклад, подготовленный морским штабом, кажется ему неубедительным и длинным.

Крылов отлично выполнил поручение. Написанная им речь, озвученная в Думе адмиралом, убедила колеблющихся и громадным перевесом голосов кредиты были отпущены. Суть доводов Крылова сводилась к напоминанию о падении Порт-Артура и заявлению, что без линкоров в Балтийском море та же участь постигнет столицу, так как неприятель, господствуя на море, может высадить десант в любом пункте побережья [2, с. 179].

Выполнение «Морской программы» (было построено за четыре года 8 линкоров) значительно отодвинуло сроки перевооружения сухопутных войск; оснащение их тяжелой артиллерией и прочим новейшим вооружением. Последнее могло быть развернуто лишь после выполнения

«Морской программы» и должно было завершиться только в 1918 году. К этому сроку русская армия по вооруженности, огневой мощи должна была превзойти германскую.

Но немцы вступили в войну в выгодное для себя время. Русская армия оказалась к 1915 г. практически без артиллерии и снарядов. Началось ее отступление. А в это же время новейшие линкоры, на которые были израсходованы огромные ассигнования, предназначенные на оборону страны, стояли в военном порту Свеаборге (Гельсингфорс, Хельсинки) под защитой минных полей и береговых батарей и в боевых операциях реального практического участия не принимали.

Одновременно с первыми полетами авиаторов появилась идея применения аэропланов для военных нужд. Как и в Европе, во многих городах России возникают аэроклубы, воздухоплавательные общества, студенческие кружки, начинают выходить новые авиационные журналы, активизируются изобретатели летательных аппаратов и от моделей и планеров переходят к созданию первых аэропланов. Многие видные деятели понимали ее значение и всячески стимулировали развитие авиации в своих странах. Не была исключением и Россия, хотя к этой гонке она подключилась с некоторым опозданием. Франция и Германия уже ушли вперед.

Среди тех, кто сразу оценил значение авиации, был Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин. Он старался всемерно содействовать ее развитию в России. П.А. Столыпин, придавая этой проблеме государственное значение, в 1909 г. поднял вопрос о подготовке научных и инженерных кадров для новой зарождающейся отрасли промышленности страны. Первоначально предполагалось организовать в Москве специальный Имперский институт аэронавтики, однако группа петербургских ученых во главе с профессором К.П. Боклевским предложила в целях экономии средств пока ограничиться созданием курсов воздухоплавания при высших технических учебных заведениях. Так, в 1910 г. на кораблестроительном факультете Петербургского политехнического института имени Петра Великого, который возглавлял К.П. Боклевский, и был создан первый такой курс, готовивший инженеров по воздухоплаванию [3, с. 99]. К сожалению, убийство Столыпина в сентябре 1911 года не позволило воплотить все его планы в жизнь.

Для преподавания на курсах воздухоплавания приглашались лучшие научные силы Петербурга, профессора и преподаватели столичных вузов. Подготовка инженерных авиационных кадров по-настоящему придавалась важное государственное значение.

Активная работа отечественных конструкторов постепенно давала положительные результаты. В 1910 г. оторвался от земли самолет-биплан, созданный профессором Киевского политехнического института А.С. Кудашевым. В том же году молодой киевский авиаконструктор И.И. Сикорский поднял в воздух свой самолет. Затем состоялся полет самолета петербургского инженера Я.М. Гаккеля.

В дореволюционной России существовало 17 авиашкол и курсов. В обществе возник огромный интерес к полетам. Был учрежден Императорский Всероссийский аэроклуб, а вслед за ним в 1908–1910 гг. возникают аэроклубы и воздухоплавательные общества в Одессе, Киеве, Москве, Харькове и ряде других городов России, в вузах создаются кружки. Одной из наиболее крупных и оснащенных была созданная в 1911 г. военная авиационная школа в Санкт-Петербурге.

25 марта 1912 г. в Москве торжественно открылась Вторая Международная Выставка Воздухоплавания. Присутствовало более 600 приглашенных. Среди них представители московской администрации, весь генералитет, известные общественные деятели, члены Московского общества воздухоплавания и представители всех спортивных организаций. На выставке было представлено 80 экспонатов, среди них 22 аэроплана [3, с. 54].

Основоположник аэrodинамики как науки профессор Николай Егорович Жуковский в своей приветственной речи отметил исключительный интерес к выставке русских конструкторов, результаты деятельности которых позволяют убедиться в крупных практических успехах национального воздухоплавания. Подводя итоги 2-й Международной Выставки Воздухоплавания, пресса с удовлетворением отмечала, что российская авиация бурно развивается и из залогов ее успеха – молодые талантливые силы.

Особо отмечался И.И. Сикорский. Ему во время этой выставки предложили должность главного конструктора авиационного отдела Русско-Балтийского вагонного завода. Он принял это предложение и в апреле 1912 г. подписал контракт на пять лет.

Абсолютное большинство российских авиаторов летало на зарубежных летательных аппаратах. Игорь Сикорский в интервью журналистам заявил следующее: «Русская военная авиация, насколько мне известно, стоит очень высоко по количеству летчиков, а в особенности по качеству их... В настоящее время [1912 г. – С.К.] я занялся разработкой нового типа аэроплана, приспособленного для больших перелетов с несколькими людьми на борту и с двойным управлением... Я горячо предан русской авиации и надеюсь созданием этого аппарата внести свой посильный труд в дорогое для нас всех дело» [3, с. 56–57].

Акционерное общество русско-балтийского вагонного завода, где стал работать И. Сикорский, положило начало активному русскому вагоностроению, производству различных сельскохозяйственных машин, автомобилей. Немалое количество последних приобретала армия. Военные тщательно проверили производственный процесс данного предприятия и не подписывали контракт, пока не убедились, что изготовление этих автомобилей ведется из отечественных материалов. На случай войны это было очень важно.

Значительному прогрессу завода, его расширению компания была обязана председателю Совета акционерного общества, Михаилу Владимировичу Шидловскому, одному из выдающихся деятелей России, сделавшему большой вклад в развитие отечественной авиации.

М.В. Шидловский отлично осознавал, что отечественная авиационная промышленность лишь тогда сможет выйти на мировой уровень, когда освободится от патентной зависимости и будет в состоянии строить самолеты, разработанные своими конструкторами из местных материалов. Копировать иностранные самолеты – значит всегда отставать, зависеть от комплектующих деталей. Особенно остро эта проблема могла встать в условиях будущей войны. Вот в это время и понадобился главный конструктор со свежими мыслями, смелыми идеями. Выбор пал на Игоря Сикорского.

Новым этапом в развитии не только отечественной, но и мировой авиации явилось создание в России под руководством И.И. Сикорского самолетов «Русский витязь» и «Илья Муромец». И.И. Сикорский с 1912 г. работал главным конструктором в авиационном отделении Русско-Балтийского вагонного завода (РБВЗ) в Петербурге. Там по его проекту и был построен биплан «Русский витязь». За создание первого в мире мно-

гомоторного самолета Государственная дума выдала И.И. Сикорскому премию в 75 тыс. руб.

Командование русской армии, предвидя надвигающуюся в военном деле механизацию и моторизацию, приступило весной 1912 г. к строительству грандиозной по тогдашним меркам Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства. В состав ее должно было войти Воздухоплавательное отделение.

Появление в России уникальных и первых в мире самолетов «Русский Витязь» и «Илья Муромец» было не случайным. Оно предопределилось всем бурным развитием науки и техники страны, что позволило нашей стране сделать значительный рывок и опередить по некоторым направлениям, в том числе и по тяжелому самолетостроению, самые развитые на то время страны мира.

Самолеты «Русский витязь» и «Илья Муромец» были первыми в истории авиации четырехмоторными самолетами, самыми большими самолетами в мире. Уже в августе 1913 г. на РБВЗ велась работа по созданию нового четырехмоторного тяжелого самолета, который получил название «Илья Муромец» в честь русского былинного богатыря. Это имя стало собирательным для целого класса тяжелых машин, построенных на заводе с 1913 по 1917 г. «Илья Муромец» стал первым серийным многомоторным самолетом. Работы Сикорского полностью опровергли утверждения об опасности и технической неэффективности тяжелых многомоторных самолетов и открыли дорогу этому направлению в самолетостроении.

Рекордами, поставленными на «Илье Муромце» была сломлена сильная оппозиция в Государственной думе, которая, несмотря на заинтересованность военного ведомства, препятствовала приобретению этих самолетов русской армией. Эти депутаты искренне, (а может, и корыстно) отстаивали идею закупки новых самолетов за рубежом, в первую очередь, во Франции.

Несмотря на моральную поддержку, оказанную талантливому авиаконструктору Николаем II, общее финансирование его проектов было явно недостаточным. И. Сикорский, будучи блестящим инженером, не был столь же талантливым предпринимателем. Как позднее писали его друзья: «Возможно, что если бы Сикорский избрал целью своего рекордного полета не Киев, а Москву, где ему следовало поклониться тамошним золотым тельцам, то московские меценаты, поливавшие в свое время шампан-

ским дорожки в саду у Шарля Омона, «чтобы не пылило», или жертвовавшие в 1905 г. «миллион на революцию», и сделали бы что-либо.

Но шум моторов «Муромца», летевшего из бюрократического Санкт-Петербурга в Киев, не достиг Москвы, и постройка «Муромцев» продолжалась в маленькой мастерской Русско-Балтийского завода» [4, с. 217].

На момент начала Первой мировой войны Россия имела самый большой воздушный флот в мире (Россия – 244, Германия – 232, Франция – 156, Австро-Венгрия – 65, Англия – 30, США – 30) [3, с. 131]. Но в нашей стране основную массу их составляли самолеты устаревших конструкций «Ньюпор-4» и «Фарман-16» лицензионной постройки. Нужны были новые машины. Особые надежды возлагались на «Муромцев».

При этом значительная часть русских самолетов была построена на семи отечественных заводах. В ходе войны в строй вступило еще пять заводов. Но огромным недостатком самолетостроения было то, что военное министерство фактически устранилось от координации выпуска самолетов, поэтому в большинстве случаев выпускались аэропланы иностранных конструкций. Иностранные же фирмы не спешили передавать российской стороне свои новейшие технические разработки, они делились только устаревшими. Хотя понятно и логично, что союзники России по Антанте, Великобритания и Франция, новейшие образцы своего оружия использовали на своем театре военных действий – на Западном фронте.

Один из соратников Сикорского К.Н. Финне, уже находясь в эмиграции, написал книгу «Воздушные богатыри И.И. Сикорского» (Белград, 1930). В ней он попытался объяснить подобное отношение к пионерам русского воздушного флота: «В самом деле – в России было немало талантливых ученых, специалистов по всем вопросам техники; эти специалисты нисколько не уступали заграничным, а иногда и превосходили последних. С мнением наших ученых считались в странах с высокоразвитой техникой и промышленностью»[3, с. 37–38].

Причину неудач Российского императорского военно-воздушного флота в условиях войны «на истощение» он объяснил следующим: «русская лень, при отсутствии у нас привитого воспитанием уважения к своему русскому, вместе с преувеличенным представлением о достоинствах всего иностранного, вело к более легкому выходу – получать все в готовом виде из-за границы.

К сожалению, подобные взгляды глубоко укоренились в широких слоях нашего так называемого интеллигентного общества, и робкие попытки отдельных лиц отстаивать русскую самобытность готовы были отождествлять с отсталостью, надеяя пытавшихся стать на защиту национального достояния и достоинства различными эпитетами вроде наемников правительства, квасных патриотов, черносотенцев и прочее [3, с. 217–218].

Суммы, которые затрачивались на создание отечественной авиации, были в разы меньше, чем деньги, отпускаемые на модернизацию военно-морского флота. Но у моряков было очень сильное лобби во властных структурах и законодательном органе страны.

В самом начале войны, в августе 1914 года, мастер Русско-Балтийского машиностроительного завода в Риге Пороховщиков обратился в ставку Верховного главнокомандования русской армии с предложением оригинального проекта быстроходной боевой гусеничной машины для движения по бездорожью. Но этот интересный проект остался выполненным лишь в единственном опытном экземпляре, хотя английские «танки» и немецкие «панцеры» вскоре показали свою силу и мощь на фронтах мировой войны.

Нельзя сказать, что русская армия накануне Первой мировой войны полностью отказалась от идеи перевооружения. К сожалению, была сделана серьезная ошибка: значительные средства были потрачены не на сухопутные силы, не на новые виды вооружений (авиация и броневые машины), а на флот. Это сыграло свою негативную роль, особенно в условиях затянувшейся позиционной войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Смирнов А.Ф.** Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Челябинск, 2010.
- 2. Крылов А.Н.** Мои воспоминания. М., 1984.
- 3. Катышев Г.И., Михеев В.Р.** Крылья Сикорского. М., 1992.
- 4. Финне К.Н.** Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского. М., 2005.
- 5. Кулик С.В.** Настроения в Государственной Думе Российской Империи в начале Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXV междунар. годичной конф. Санкт-Петербург. отд. Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в Первую мировую войну» (24–28 ноября 2014 г.) Вып. XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. – С. 165–166. ISBN 978-5-906782-04-5

УДК 94(47)084.1

Л. Б. Остапчук-Петровская

П. А. СТОЛЫПИН И ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Во вступительной части, предваряя раскрытие основной темы, небезынтересно будет проследить связь времен через людей, живших в них и имевших прямое отношение к созданию в Петербурге Политехнического института, кроме того, историческими событиями, связавшими Премьер-министра России Петра Аркадьевича Столыпина со знаменитым Политехом и, также, удивительными историями моей семьи Остапчуков и моей лично как автора этой статьи.

Являясь многими поколениями киевлянкой, волею судьбы, я оказалась в г. Жданове (Мариуполе), точнее судьбоносным для семьи назначением моего отца Остапчука Бориса Макаровича начальником Ждановского Особого проектно-монтажного управления системы «Тяжпромэлектромонтаж» для восстановления и развития металлургических заводов юга. Я заканчивала опорную кафедру Института Электросварки им. Е.О. Патона АН УССР при Ждановском металлургическом институте (далее – ЖдМИ). В эти годы студенты металлургического факультета Ленинградского Политеха вместе с преподавателями летом проходили у нас учебно-производственную практику и отдыхали на берегах Азовского моря в пансионате ЖдМИ. В свою очередь, преподаватели нашего института и студенты периодически принимали участие в научных конференциях, проходивших на базе Ленинградского Политеха, в то время возглавляемого ученым-металлургом В.С. Смирновым. Об этом мне уже в наши дни рассказывала Ольга Николаевна Гаврилова, – дочь директора ЖдМИ Николая Александровича Колошина. В Жданове наши семьи жили по соседству, и мы до сих пор поддерживаем дружеские взаимоотношения.

Сама я впервые побывала в стенах Санкт-Петербургского Политехнического института только в 2002 году, но это не было связано с моей профессиональной деятельностью. В издательстве «Нестор», которое тогда располагалось в стенах Политеха, готовился к выходу в свет очередной выпуск журнала «История Петербурга», и его главный редактор, д-р ист. наук, профессор Сергей Николаевич Полторак, принял для публика-

ции в нем мою статью «Двенадцать лет с семьей Столыпиных». Первый абзац статьи начинался такими словами: «Жизнь моей семьи Остапчуков (они же Степанчуки) на определенном этапе прошла рядом с семьей Петра Аркадьевича Столыпина, что на долгие годы оставило свой глубокий нравственный след» [1, с. 15–22].

Тогда я еще и не могла предположить, что через год стану работать доцентом кафедры Инженерно-строительных дисциплин Архитектурного факультета Академии Художеств (так исторически продолжают называть Институт им. И.Е. Репина РАХ в Санкт-Петербурге).

Именно Императорской Академии Художеств отдал 18 лет жизни на посту ее Вице-президента князь Григорий Григорьевич Гагарин. Великая княгиня Марина Николаевна, которая являлась президентом Академии этого периода, при уходе Г.Г. Гагарина по собственному заявлению, ходатайствовала о награждении своего заместителя Г.Г. Гагарина чином Действительного Тайного Советника, с глубоким сожалением согласившись на его просьбу об увольнении от должности [2, с. 318].

Младший сын Г.Г. Гагарина, Андрей Григорьевич, будущий первый директор Санкт-Петербургского Политехнического Института, родился, когда его отцу было уже 46 лет. Живя в квартире отца в Академии Художеств, он учился в Ларинской гимназии, затем на математическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета (1873–78 гг.), далее, с 1880 по 1884 г. была Михайловская Артиллерийская Академия, где появились первые научные статьи.

В эти же самые годы, 1880–1884 гг., П.А. Столыпин поступает и учится на том же математическом факультете университета, который А.Г. Гагарин закончил в 1878 году. В 1899 г. он уже опытный инженер-оружейник, имеющий изобретения, усовершенствования, научные статьи, патенты. А.Г. Гагарин назначается председателем комиссии по постройке первого в России Политехнического Института. Чтобы устроить лучший в России институт, А.Г. Гагарин объезжает с инженером-архитектором 36 подобных заведений в Европе. Когда он стал директором института, и в 1902 году начались занятия, два года все, происходившее в институте, напоминало идиллию [3, с. 359].

Но начались события 1904–1905 гг.: демонстрации, полиция. Пять лет с этого момента А.Г. Гагарин борется, как только может, за права сту-

денческой автономии. В 1909 г. обожаемого студентами директора за попытки оградить подопечный институт от полицейского произвола предают суду Сената за «бездействие власти» и отстраняют «без прошения».

Студенты шлют ему приветствие с подписями до двух тысяч, однако восстановить князя Гагарина в прежней должности не удается. Оставшиеся годы жизни А.Г. Гагарин продолжает заниматься научной деятельностью, вопросами военной техники, одновременно по проекту И.А. Фомина он строит дом в Холомках на Псковщине. Строительство было закончено в 1913 г.

На момент отстранения А.Г. Гагарина от должности П.А. Столыпин уже был в должности Премьер-министра России и, скорее всего, это не происходило без его ведома.

Сейчас, глядя на эти годы из нашего далека, мы не можем не поражаться тому как люди 1900–1910 гг., даже самые разносторонне образованые и сведущие в русской истории, не слышали того гула, который доносился до них уже прямо из-под ног [3].

Для полного понимания ситуации, уместно будет привести некоторые сведения из жизни П.А. Столыпина в отрезке времени 1902–1906 гг. 1902–1903 гг., всего около 10 месяцев, П.А. Столыпин в соответствии с назначением исполнял должность Гродненского Губернатора (Беларусь). Здесь он очень эффективно занялся нуждами сельскохозяйственной промышленности. Гродненское общество успело полюбить Петра Аркадьевича и его семью. Однако 15 февраля 1903 г. П. Столыпина Высочайшим именным указом вновь неожиданно назначают губернатором в Саратов, в самую трудную в политическом отношении в тот момент губернию. Это назначение исходило лично от Министра внутренних дел В.К. Плеве. Когда П. Столыпин, по воспоминаниям родных, просил оставить его в Гродно рядом с их литовским именем Колноберже, В.К. Плеве жестко ответил: «Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют и не могут быть приняты во внимание. Я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов» [3, с. 356–366]. Позднее Николай II скажет по поводу назначения П.А. Столыпина в Саратов: «...даю Вам эту губернию поправить» [4, с. 155].

Печальным и трагичным фоном для первого периода жизни Столыпиных в Саратове была Русско-японская война, которая разразилась 27 января 1904 года. Прекрасно понимая гибельность и бессмысленность войны для России, Столыпин, тем не менее, сделал все, что было в его силах для нужд фронта. Он также всячески помогал Красному кресту формированием специального отряда для отправки на фронт и произносил речи, которые в сердцах граждан зажигали огонь патриотизма. В доме Столыпиных ежедневно собирались по вечерам дамы и барышни, желающие работать на раненых – шить одежду. Уже в тот период решимость и энергичность П. Столыпина в борьбе с беспорядками была замечена в Петербурге. Личное мужество, его убежденность в необходимости непременного присутствия во всех опасных ситуациях для выявления обстоятельств и разрешения вопросов, были чреваты самыми серьезными последствиями для его жизни и жизни его близких. В июне 1905 года П. Столыпин объезжал вверенную ему губернию, побывал в 21 селе Балашовского и Аткарского уездов. В одной из деревень в него дважды выстрелили. Это было первое покушение на П.А. Столыпина, и семья с тех пор постоянно опасалась за его жизнь. Саратовские террористы приготовили маленького сына Столыпиных, Аркадия, к смерти путем отравления. В доме, где жили Столыпины, по приезду поселили генерала В.В. Сахарова. Он должен был непосредственно руководить усмирительными экспедициями и тем самым снимал ответственность за действия войск со Столыпина. В.В. Сахаров был убит двумя выстрелами прямо в рабочем кабинете террористкой Амалией Поповой, которая якобы пришла просить его защиты от погромщиков. Какое психологическое влияние это могло оказывать на П. Столыпина, если в доме в тот момент была его семья? Маленькие дети увидели кровь только что убитого человека. Понятно, что такие вещи ожесточают, но сам Петр Аркадьевич в этот сложнейший период говорил: «Я буду продолжать свое дело. Да сбудется воля Господня!». И он продолжал бороться с революцией. При всем этом, П.А. Столыпин прослыл в губернии достаточно либеральным губернатором, т. к. никогда не отличался жестокостью и не прибегал к силе без реальной нужды. Он постоянно пытался найти компромисс и держал со всеми силами в губернии ровные отношения.

За несколько месяцев до смерти П. Столыпин принял в Санкт-Петербурге депутатацию саратовской городской думы, которая вручила ему благодарственный адрес за дарование Саратову Университета и Золотую медаль – в честь открытия нового учебного заведения. Его просили еще проявить внимание к ходатайству дирекции Музыкального общества по преобразованию музыкального училища в консерваторию. Он обещал и сдержал свое обещание, но не дожил до ее открытия.

26 апреля 1906 года П.А. Столыпин был вызван в Петербург и, вопреки его согласию, был назначен Министром внутренних дел, сменив на этом посту П.Н. Дурново, назначенного С.Ю. Витте. Николай II прервал дискуссию с просьбой Столыпина не назначать его в эту должность, сказав при этом: «Тогда я Вам это приказываю». В этот же день П.А. Столыпин написал жене, Ольге Борисовне, письмо: «Оля, бесценное мое сокровище! Вчера судьба моя решилась. Я – Министр Внутренних Дел в стране, окровавленной, потрапанной, представляющей из себя шестую часть мира, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит и вразумит меня» [4, с. 157].

Через два с половиной месяца после приезда в С.-Петербург, 8 июля 1906 г., П. Столыпин был назначен Премьер-министром России с оставлением в должности Главы МВД. В тот же день был подписан указ о распуске Думы и от должности Премьер-министра был освобожден С.Ю. Витте. Террористы не простили П.А. Столыпину всех этих государственных преобразований, и 12 августа 1906 г. в воскресенье на даче Министра МВД на Аптекарском острове, где в рабочем кабинете П.А. Столыпин вел свой прием, а семья находилась в разных комнатах строения, был произведен взрыв. В результате взрыва сразу погибло более 30 человек, затем от ран умирали многие. Всего пострадало более 100 человек. При взрыве пострадали и дети П.А. Столыпина – сын Аркадий и дочь Наталья. На ноги девочки обрушился балкон, по которому промчалась карета. Стоял вопрос об ампутации ног. Лишь благодаря исключительному стечению обстоятельств, этого удалось избежать. Сам П.А. Столыпин при взрыве не пострадал и все считали это хорошим знаком.

Даже в эти дни он не снижал интенсивности своей государственной деятельности, чем снискал глубокое уважение и симпатии всего российского общества.

В общих словах, конкретный вклад П.А. Столыпина в реформирование России очень широк: аграрная реформа, укрепление российской государственности в рамках закона, организация переселенческого движения и освоение окраин Империи, развитие земства и местного самоуправления, серьезные шаги к урегулированию национального вопроса, сохранение российского парламентаризма, укрепление армии и возрождение флота. По всем этим направлениям П.А. Столыпин упорно шел вперед и вклад его трудно переоценить.

В целом, в 1906–1914 гг. страна прошла большой путь в направлении модернизации хозяйства, развития грамотности, искусства, философии, науки. Несмотря на авторитарный и консервативный характер политики Столыпина, его хозяйственные реформы носили творческий характер. Во многом в своей деятельности Столыпин неразрывно продолжал то многое, что было начато С.Ю. Витте, использовал и развивал идеи, а также исправлял его ошибки. Но С.Ю. Витте удалось только начать, посеять семена. Победить революцию, развернуть аграрную реформу, наладить новый думский (парламентский) порядок, суждено было только П.А. Столыпину. Современники соглашались с тем, что С.Ю. Витте был гениальным администратором, но не политиком. П.А. Столыпин был не столько администратором, сколько политиком и как политик сумел свершить многое. Но они были разные люди и можно только сожалеть, что у этих двух выдающихся государственных деятелей так и не сложились личные отношения.

Продолжая раскрывать тему «П.А. Столыпин и Политехнический институт», следует, прежде всего, сказать о том, что вопросам, связанным с высшими учебными заведениями, П.А. Столыпин уделял самое пристальное внимание. В большой хронологии жизни и деятельности П. Столыпина трижды отмечены даты встреч с Министром Просвещения А.Н. Шварцем. За 1907 г.: 24 декабря – встреча с кандидатом в Министры Просвещения А.Н. Шварцем (профессор Московского университета, Попечитель московского учебного округа, 1908–1910 гг. – министр народного просвещения); 30 декабря – сильная простуда, встреча с кандидатом в

Министры Просвещения А.Н. Шварцем; 31 октября 1908 года – встреча с Министром Просвещения А.Н. Шварцем [4, с. 172–173].

Осенью 1908 года Столыпин в записке к незаменимому И.Я. Гурлянду (журналист, с 1907 г. член совета Министерства внутренних дел, редактор – издатель официозной газеты «Россия») просил обратить внимание на подготовку хорошей газетной публикации по истории разных организаций. Также пишет: «...Наш ответ оппозиции должен быть таков: школы во время революции стали ареной политической борьбы». ...И далее: «Не забыть недавних уроков, помнить как профессура заискивала перед революцией, всеми средствами противодействовать «отдаче нашей русской молодежи» в распоряжение политканствующей левой профессуры, как готовой мастерской для обработки» [5, с. 273].

Еще одна просьба И.Я. Гурлянду: «Составьте мне краткую справку о различных течениях правительственной мысли в деле упорядочения наших университетов, способ управления ими до 1863 года. Идеи управления 1863 г. Управление 1884 года и его идея. Как отразились управления на студенчестве и на организациях. Идеи Боголюбова, Вановского и его неудачи. События 1905 г., перемены в мире высших учебных заведений, внесенные законом 27 апреля 1905 г. П. С.».

Из вышеперечисленного видно, что недавние студенческие волнения стали предметом внимания главы Кабинета Министров. Теме студенческих забастовок в Петербургском университете посвящается его 10-страничная записка о решениях Совета Министров, в которых предлагаются серьезные меры для наведения порядка в учебных заведениях. Вместе с тем, именно Столыпин обратился к Императору, и вскоре перед законодателями также был поставлен вопрос о допуске женщин к обучению в университете. Особая дружба у П.А. Столыпина была со студентами Политехнического института, о чем в своих воспоминаниях пишет один из студентов того периода (1906–1912 гг.) Константин Федюшин [6, с. 531–536]: «Скоро минует 3 года со дня смерти П.А. Столыпина, но как многое перемен произошло за это время. Многие заветы и начинания покойного уже забыты, его творческая государственная работа до сих пор вызывает в известных кругах злостную критику; но если еще не наступил час для беспристрастной и спокойной оценки Столыпинского наследия, то в одном давно сошлись и его друзья и лояльные противники: в глубо-

ком уважении к благородству характера, талантливости и удивительной разносторонности его натуры.

...В 1906 г. после трехгодичного перерыва открылись высшие учебные заведения. Молодежь набросилась на знания и книги, но уверенности в завтрашнем дне не чувствовалось: все знали силу и влияние революционных партий в университете, ожидая с поразительной покорностью, когда «товарищи» прикажут бросить лекции и разъехаться по домам. Положение создалось тяжелое. «...Тогда маленькая группа моих близких друзей, — пишет К. Федюшин, — пригласила студенчество в особом воззвании не подчиняться постановлению сходки, а сплотиться в тесный товарищеский кружок “чистых академистов” для борьбы с политикой в нашей *alma mater*. ...И в октябре 1908 г. образовался первый академический союз студентов Политехнического института, а вскоре за нами последовали горняки, путейцы и лесники.

...Всеобщая забастовка не прошла, зато началось преследование бедных академистов и для пополнения союзной кассы политехники задумали устроить в конце ноября бал, почетный билет на который решено было поднести Председателю Совета Министров. Разрешение на это поднесение было вскоре получено и дня через три 6 человек собрались к 11 часам в Зимнем дворце, где тогда проживал П.А. Столыпин. ...Он приветливо выслушал нас...

В дальнейшей беседе П.А. Столыпин подробно расспрашивал нас о настроении студенчества, об отношении к нам профессуры и закончил разговор маленькой речью, которую я в тот же день записал в своем дневнике. С тех пор мне пришлось бывать у него несколько раз по делам союза и вскоре затем открывшегося академического клуба.

...Особенно памятен мне его прием осенью 1910 г., когда мы всем правлением приглашали Столыпина к нам в «Лесной» на торжественную годовщину клуба. Народу в приемной было много. Ожидать пришлось долго. Столыпин казался очень утомленным, но как всегда с симпатичной улыбкой поздоровался с нами, расспросил о дела, но приехать отказался, ссылаясь на отсутствие свободного времени:

— У вас торжество 10 октября: у меня до 5 часов день занят, но побывать — побываю в клубе когда-нибудь в другой день.

Тогда я набрался смелости передать ему наше приглашение как «старому студенту от молодых его единомышленников». Он рассмеялся и сказал, что приедет обязательно! «Отказать старый студент молодым едва ли сможет», – шутя, заметил он. На торжество П.А. Столыпин действительно приехал, был растроган нашей встречей и на прощание отметил в маленькой речи, что приветствует в нашем лице “молодую Россию”.

Посещение П. А. Столыпиным собрания студентовъ-академистовъ въ Лѣсномъ, близъ С.-Петербурга,
въ Октябрѣ 1910 года.

...В марте 1911 г. поздно вечером я был неожиданно вызван Председателем Совета Министров и, признаюсь, с небольшим нетерпением и страхом ожидал приема.

Петр Аркадьевич встретил меня с обычной приветливостью и попросил объяснить причины, которые свели на нет академическое движение.

– Мне, – заявил он, – больно видеть, как гибнет хорошее начинание и больно всем, кто вам сочувствует.

Я откровенно рассказал все, что знал, и Столыпин, отпуская меня, взъявленованно заметил:

– Зачем и сюда они внесли дрязги! Пурышкевич (имеется в виду В.М. Пуришкевич – *Л. О-П.*) талантливый человек, но он все губит, за что бы не взялся: я жалею и люблю молодежь, но без внутренних товарищеских усилий и общения между собой вам никогда не осилить врагов школьной жизни и порядка.

Он попросил подробно все изложить на бумаге, что я и сделал немедленно. Больше Петра Аркадьевича я не видел, но его глубокая ласка, его мягкое, чуткое сердце, его любовь и снисходительность к увлечениям молодежи, заботы о ней всегда будут живы у меня в памяти. Для молодежи он был “старым студентом – товарищем” в лучшем смысле этого слова».

В ЦГИА СПб хранится личное дело Федюшина Константина Ивановича (ф. 478, опись 3, ед. хранения 6941). Он занимался на металлургическом отделении, закончил Ставропольскую (на Кавказе) гимназию, из мещан, вероисповедание православное, родился 5 марта 1880 г., адрес проживания: губернский город Ставрополь, улица 2-я станичная, д. 8. Гимназию закончил на “отлично” и при поступлении в Политехнический институт подвергся только поверочному испытанию. Он являлся стипендиатом вначале Союза Земледельцев Сев. Кавказа, затем – стипендиатом Ставропольской городской Думы.

Был и еще очень важный период контактов П.А. Столыпина с Политехническим институтом. Период касался государственной проблемы возрождения Российского Флота после потери кораблей в русско-японской войне. Вот как об этом пишет в своей книге «Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине» старшая дочь Мария Петровна Бок [7, с. 321–322]: «Зимой 1910–1911 г. мой отец особенно интересовался двумя вопросами: проведением земства в Юго-западном крае и проведением новой судостроительной программы, в частности кредитом на постройку дредноутов.

Печать в это время была занята вопросом – нужен ли России флот? Полемика была жгучая. Было два мнения: 1) создать после разгрома нашего флота в Японскую войну эскадренный флот, 2) ограничится созданием флота береговой обороны. Об этом писалось в газетах, печатались книги, об этом говорилось с думской трибуны. Между членами думы споры становились все горячее, и интерес к этому вопросу стал распространяться в широких слоях населения. Считая дело это исключительно важным и не будучи достаточно осведомленным в морских вопросах, отец

мой прослушал целый ряд лекций профессоров-специалистов и не только по стратегическим вопросам, но даже по кораблестроению¹. Вникнув, таким образом, в суть дела, папа твердо встал на точку зрения Морского Генерального Штаба, против большинства членов Государственной Думы. ... Слушая нескончаемые, ни к чему не приводящие споры членов Думы, Товарищ Морского Министра, адмирал Григорович, начал по собственной инициативе постройку четырех дредноутов. ... И я помню, каким он (П.А. Столыпин) себя почувствовал счастливым, когда, наконец, ему удалось убедить большинство Государственной Думы встать на его сторону».

Следует сказать о том, что летом 1911 г. Столыпин жил с семьей в своем литовском имении в Колноберже с приездами в С.-Петербург для участия в заседаниях Совета министров. При этом на заседаниях от 12 и 14 июля, затем 4 и 5 августа слушались вопросы по судостроению. До отъезда в Киев он еще на несколько дней съездил в Ригу, затем через Колноберже направился в Киев. По возвращению после киевских торжеств, связанных с 50-летием отмены в России крепостного права и открытием там памятника Александру II, П.А. Столыпин с новой силой планировал ускорить постройку кораблей и осуществить намеченную им программу преобразования государственного управления России (согласно записям профессора А.В. Зеньковского под диктовку П.А. Столыпина в мае 1911 г.). Программа касалась всех существовавших Министерств и предусматривала создание целого ряда новых. Министерству Народного Просвещения, помимо многоного другого и прочего, вменялось в полном контакте с другими министерствами организовать Академии для подготовки лиц, необходимых для занятия ими ответственных мест в различных министерствах. Слушатели такой Академии, со сроком обучения 2–3 года, могли стать только те лица, кто с отличием по первому разряду окончили высшее учебное заведение, и при знании ими не менее двух иностранных языков.

¹ В 1902 г. в Политехническом институте был открыт кораблестроительный факультет. На нем, в числе других видных специалистов, преподавал академик А.Н. Крылов. Кроме того, П. А. Столыпин и декан кораблестроительного отделения К.П. Боклевский хорошо взаимодействовали между собой по данной проблеме.

В отделение Академий по Министерству Финансов, Государственному контролю и по Министерству торговли и промышленности могли быть приняты лица, окончившие коммерческий институт или экономическое отделение Петербургского Политехнического института [8, с. 87].

Но этому не суждено было сбыться. 1 сентября в зале Киевского Оперного театра в присутствии Государя Николая II и членов его семьи П.А. Столыпин был ранен и, как оказалось, – смертельно. 5 сентября он скончался и 9 сентября был похоронен в Киевской Лавре, как и завещал: «Похороните меня там, где меня убьют».

На одном из венков была надпись: «Запугать тебя не могли, тебя предательски убили» [9, с. 13].

К счастью, первый директор первого в России Политехнического института, Андрей Григорьевич Гагарин жил еще до 1921 г. и вся его жизнь – это гимн техническому знанию. По всей вероятности, его увольнение с поста не могло пройти мимо П.А. Столыпина, не согласившегося с революционным настроем и поведением обучаемых. Ведь неслучайно А.Г. Гагарин получил охранную бумагу от самого В. Ульянова (Ленина) следующего содержания:

«Удостоверение

Представителю сего, инженеру Андрею Григорьевичу Гагарину, разрешается проживать в Псковской губернии Порховского уезда, Шевницкой волости, в Народном доме моего имени «Холомках».

Прошу местные власти Гагарина не беспокоить, в заложники не брать, вещей не реквизировать и давать ему керосину необходимое количество для его занятий, которые я считаю для Республики полезными.

Председатель Совета В. Ульянов (Ленин)

Народных комиссаров

Народный Комиссар М. Владимирский

Внутренних Дел

20 января 1920 г.»

Самому А.Г. Гагарину не мешали заниматься любимым инженерным делом, полезным для новой власти, но репрессии против родных и близких никто не отменял. Пострадали многие.

Когда свершились октябрьские события 1917 года, самому младшему сыну Андрея Григорьевича Гагарина, Петру, было всего 13 лет. Петр был юношей совершенно солнечным. Все люди, когда их вызывали на воспоминания о Пете Гагарине, начинали, как один, широко улыбаться. В конце 1920-го года Петр Андреевич окончил институт и инженером работал в Ленинграде. Он обладал счастливым свойством быть постоянно окруженным друзьями. Возможно, именно эта его черта оказалась в поле внимания НКВД.

Начинались 1930-е гг. В 1932 г. Петра Гагарина забрали в НКВД и предложили работать осведомителем. Он отказался. Его выпустили, но его свобода с этого момента была чисто условной. И он это хорошо сознавал. Петр Гагарин прямо сказал любимой девушке, что не знает, имеет ли права просить ее руки. Но когда это бывало в России, чтобы любящую женщину остановила грозящая любимому тюрьма? В 1933 г. Петр Андреевич венчается с Варварой Васильевной Шешиной, а летом 1934 г. у них рождается сын Андрей [3, с. 356–366].

Петра Андреевича арестовали в конце 1937 г. В начале 90-х сыну удалось прочесть протоколы допроса Петра Андреевича. Ленинградский инженер Петр Гагарин подтверждал, что его отец – директор Политехнического института, князь и Тайный Советник царского правительства, что его брат в Ниорке. Из протокола было ясно, что Петра подвергали пыткам и избивали, но он никого не потянул за собой, никого не оговорил, чтобы спасти себя, – такого в тех стенах не прощали. Через два месяца его свели в подвал и расстреляли. Варвара Андреевна была сослана. Их сыну Андрею тогда было 5 лет. Его забирают дедушка по материнской линии и мамина сестра. После войны у Андрея появился отчим, другая фамилия и другое отчество. Андрей отучился как Бурлаков и как Бурлаков занимался лазерной физикой. Он всегда знал, что большая часть их семьи эмигрировала, но не знал, где они. Наступило время, и Андрей Бурлаков вернул себе свою фамилию и отчество. Гагарин Андрей Петрович – профессор Санкт-Петербургского Политехнического института. Он узнает, что имеет братьев и множество племянников в Париже, Риме, Лондоне, Баден-Бадене, Брюсселе, США.

1 августа 2008 года мы с А.П. Гагариным встретились в аэропорту «Пулково». Знакомство наше состоялось несколько раньше в Обществен-

ных организациях «Потомки дворян». По многочисленным просьбам он возглавлял одну из двух, возникших в С.-Петербурге в 90-е гг.

Оказалось, что мы ожидали прилет одного и того же рейса из Парижа. Он встречал своего племянника, а я, с представителем СПбГУ Олесич Нинель Яковлевой, встречали большую, состоящую из шести человек, семью Аркадия Дмитриевича Столыпина – родного правнука Премьер-министра Императорской России Петра Аркадьевича Столыпина. Они гостили в Санкт-Петербурге с 1 по 9 августа 2008 г. и уезжали с большим желанием еще не один раз вернуться сюда.

Таким образом, связь времен через представителей новых поколений продолжается. Понимая важность этого явления для истории и будущего нашей страны России, мы собрались здесь через 115 лет со времени открытия Санкт-Петербургского Политехнического института, тогда носившего имя императора Петра Великого, чтобы вспомнить о людях, чьи судьбы весьма значимо были связаны с одним из лучших высших заведений нашего Отечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Остапчук Л.Б.** Двенадцать лет с семьей Столыпиных // История Петербурга. 2003. № 1 (11). С. 15-22.
- 2. Кириченко Е.И.** Президенты Императорской Академии художеств. М., 2008.
- 3. Глинка М.С.** Прадеды на часах. СПб., 2003.
- 4. Федоров Б.Г.** Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина: в 2 т. Т. 2. СПб., 2002.
- 5. Сидоровнин Г.П.** П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Изд. 2-е, доп. Саратов, 2003.
- 6. Федюшин К.И.** Петр Аркадьевич Столыпин и студенты // Исторический вестник (Петербург). 1914. Т. 136.
- 7. Бок М.П.** Воспоминание о моем отце П.А. Столыпине. Л., 1990.
- 8. Зеньковский А.В.** Правда о Столыпине. М., 2002.
- 9. Федоров Б.Г.** Памяти П.А. Столыпина. М., 2003.

1914 Г. КАК ПЕРЕЛОМ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Для профессиональных историков вопрос верного определения хронологических рамок исследования является неизменно важным. Актуален он и при исследовании истории отечественной науки периода 1910–1930-х гг. Традиционно в историографии ключевое значение отводится событиям 1917 г., определяя их как роковой перелом во всех сферах жизни общества, включая науку [1; 2; 3; 4]. Нельзя не вспомнить и о столь характерном для историков нежелании признавать частую условность хронологических рамок, что также приводит к не всегда очевидному выводу о 1917 г. как единственной возможной границе в истории науки. Ни в коем случае не подвергая сомнению его значение, мы все же предлагаем к рассмотрению тезис о том, что этот подход далеко не всегда является конструктивным. Учитывая сложность определения границ в истории науки, их жесткая постановка в принципе не всегда корректна. Процесс развития науки проходит постепенно и его при всем желании нельзя привязать ни к какой-либо конкретной исторической дате, ни тем более к какому-либо определенному событию социально-политической истории. Особенно это касается традиционного стремления проводить границы в истории науки по радикальным изменениям в государственном и политическом устройстве страны, масштабным социальным потрясениям. Применительно к ситуации захвата большевиками власти и попыток установления тотального контроля над научной деятельностью, можно вспомнить слова известного историка античности Э.Р. Доддса, писавшего о том, что хотя «отсутствие политической свободы способно повлиять на снижение интеллектуальной активности, однако это вряд ли может считаться определяющим фактором» [5, с. 361]. Перемены в науке были связаны не только с советизацией. Более того, есть все основания говорить, что революция в науке опередила революцию в политике. В частности, для гуманитарных дисциплин предреволюционная пора стала временем небывало бурного развития. Вся рассматриваемая эпоха была некой границей в истории гуманитарного знания в целом, кардинальным сломом в общей методологии человекознания.

На наш взгляд, на развитие науки не менее существенное влияние оказала Первая мировая война. И зачастую именно 1914-й год является по-настоящему переломным для истории науки. Обращение к нему как к границе хронологических рамок исследования способно позволить историку не только отойти от историографических штампов, но взглянуть на проблему действительно комплексно. Мысль о том, что именно 1914 г. стал переломным как для русской, так и мировой науки, уже озвучивалась некоторыми отечественными специалистами. В частности, А. Кожевников полагает, что именно с 1914 г. начинается период строительства «большой науки» в России [6, с. 87–111]. Схожей точки зрения придерживается и А.Н. Дмитриев [7, с. 32–56; 8], а также Д.А. Александров [9]. Разумеется, взгляд на Первую мировую войну как на границу в истории знания является традиционным для западных историков.

Именно Первая мировая война нанесла сильнейший удар по научному интернационализму. Рост патриотических и даже националистических настроений среди научной элиты был характерен для всех воюющих стран. Идея общечеловечности науки сменилась пониманием науки как способа помочь стране и нации, а ученые стали не столько жертвами, сколько носителями и пропагандистами этих идей [10, р. 49]. Особенно пострадала российская наука, чьи связи в силу исторических и географических причин были особенно сильны с наукой немецкой [11, р. 23].

Ученое сообщество Российской Империи было больше других социальных групп связано с заграницей [12]. Поэтому разрыв этих связей стал для нее настоящим вызовом. Потеря научных контактов с зарубежными коллегами, невозможность работы в европейских научных центрах, проблемы с доставкой литературы – все это сильнейшим образом нарушало традиционный уклад научной работы. Также резко сократилось количество публикаций в иностранных журналах («в Германии печатать свои работы было невозможно, но и пересыпать статьи во Францию стало очень трудно» [9]), что являлось необходимым средством трансляции своих взглядов западному научному миру.

Существенным изменением являлось и прекращение практики зарубежных командировок студентов, оставленных при университетах для подготовки к профессорскому званию. Так, согласно подсчетам А.Е. Иванова, если в 1911 г. из 353 студентов, оставленных при университетах, в загра-

ничные университеты было командировано 40 человек (примерно 11%), то в 1915-м из 484-х только 6 (чуть более 1%) [13, с. 211]. Разумеется, особенно болезненным это было для специалистов-восточников и выпускников историко-филологических факультетов, где процент отправлявшихся за рубеж студентов был намного выше среднего. Не лишним будет упомянуть, что среди ученых «первого уровня» тех, кто имел опыт зарубежного обучения и практики, было явное большинство. Также некоторые студенты продолжали обучение за границей самостоятельно, без поддержки университетов.

Голоса тех, кто продолжал ратовать за науку без государственных границ и идеологий подавлялись большинством представителей ученого сообщества. Всем известно воззвание немецких ученых «К культурному миру», ярко символизировавшее полную ориентацию науки на подчинение задачам государственной идеологии и политики. Начиная с 1914 г. в России стали громко звучать призывы к научной автономии, борьбе с зависимостью от науки немецкой, что, учитывая высочайшую степень научных контактов между русскими и немецкими учеными, фактически означало призыв к созданию самодостаточной науки, полностью автономной от стран Запада. Несмотря на некоторые призывы компенсировать потерю контактов с немецкими учеными ростом научного содружества с коллегами из Франции и Великобритании, все же доминирующей стала идея самостоятельного научного развития [14, с. 243]. Она получила мощное развитие и после 1917 г.

Окончание войны не означало немедленного возвращения к довоенной ситуации. Научные контакты восстановились далеко не сразу [15, р. 189], выстраиваясь в 20-х годах больше на практическом уровне [7, с. 38]. Западный историк науки Эл. Крафтворт охарактеризовала межвоенный период как «интернациональная наука без интернационализма» [16]. В Советской России начавшийся с войной период изоляции частично прекратился только в 1922 г., когда ученым вновь разрешили заграничные поездки, а также стала возможной покупка иностранной литературы [12, р. 32].

Стоит помнить, что при всем довоенном и дореволюционном интернационализме, в России развитие науки проходило по своим уникальным сценариям. В частности, далеко не все идеи, торжествовавшие в научном мире нашей страны, находили существенный отклик на Западе (к ним, например, относится «новое учение о языке» Н.Я. Марра). Фундамент под

этую научную интровертность, некое старообрядчество, в особенности характерное для гуманитарных областей знания, был заложен еще задолго до событий второго десятилетия XX в. Русские гуманитарии были готовы перестать оглядываться на Запад, понимая различность общественного, политического устройства и особенностей исторического развития стран. Тем более, что значительная часть гуманитарных наук не так зависит от зарубежных открытий (в частности, отечественная история, русистика), как физика, математика или востоковедение. Подобно отличию большевизма от западного коммунизма, русская наука жила по своим законам или даже негласным правилам (конечно, было бы наивно предполагать, что на Западе отсутствовала, например, практика использования неформальных взаимоотношений, умения договариваться с представителями власти для поисков финансирования научных проектов. В художественной литературе на примере Франции предельно ярко это показано О. Мирбо в романе «Сад пыток». Однако в условиях отсутствия четко работающих механизмов принятия решений в сфере науки в первые годы постреволюционной России практика неофициальных или «обходных» путей к власти стала едва ли не общепринятой.). Безусловно, нельзя снимать с государства ответственность за формирование системы агрессивной идеологизированной конкуренции в научном мире, но стоит помнить о той готовности, с которой ученые (как старые, так и молодые) приняли эти правила игры, начав свое обучение им еще при царизме.

Следующим важным следствием начала войны было усиление зависимости науки от государства. Правительствам воюющих стран как никогда стала нужна помочь со стороны научного сообщества в технических науках, особенно в области военных разработок. Россия, с началом Первой мировой войны ощущившая явное экономическое отставание от развитых капиталистических государств, «начала серьезные исследования своих собственных, практически не освоенных, бескрайних восточных территорий. Тогда же начинают широко воплощаться идеи комплексных экспедиционных обследований» [16, с. 61]. Наиболее ярким примером работы в этой области стало создание Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Схожие требования к ученному сообществу были и у большевиков, следствием чего стало довольно лояльное отношение к техническим спе-

циалистам, к ученым, необходимость которых была очевидна для новой власти. Один из самых ярких примеров – И.П. Павлов, который мог позволить себе не сдерживаться в критике новой власти. Показательны в его отношении слова заведующего Агитпропом ЦК РКП А.С. Бубнова о том, что власть может выслатать А.А. Кизеветтера, но не И.П. Павлова [17, с. 319]. Отношение к специалисту зависело от его профессионализма и компетентности, а не от степени его лояльности новой власти. В качестве примера можно также привести историю химика В.Н. Ипатьева, до конца 20-х гг. продолжавшего работать в России [18, р. 87].

Несмотря на все проявления патриотизма и выражение верноподданнических настроений, характерные для 1914–1915 гг., для ученого сообщества было характерно «желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию» [19, с. 308], что проявлялось в постоянных попытках найти финансовую подпитку различных проектов со стороны государства. Разумеется, значительная их часть не получала поддержки. Одновременно именно Первая мировая война позволила реализоваться ряду важных начинаний, в том числе КЕПС, созданной в рамках Академии наук. Определяющую роль в этом сыграло понимание властью необходимости снятия зависимости от импорта сырья, в первую очередь, из стран-противников России в войне¹. Лозунг важности и возможности опоры только на внутренние ресурсы особенно громко звучал в это время [20, с. 7–15] и был впоследствии подхвачен большевиками.

Со своей стороны ученые продолжали воспринимать себя как сообщество, имеющее право и должное иметь возможности активно участвовать в формировании государственной политики. Таким образом, произошедший после 1914 г. переход «от академического интернационализма к системе национально-государственной науки» [7, с. 32] был понимаем ими и как возможность усиления своей роли, реализации имевшихся претензий на власть, на выполнение неких, по словам И. Сироткиной, «морально-пасторских функций» [21, с. 8; 22, с. 286] в дополнение к непосредственно научной деятельности с целью повышения своего социального авторитета. Это ставило власть перед необходимостью считаться с

¹ Пик подобных настроений среди ученого сообщества приходился на 1915 г.

ученым сообществом, что перекочевало и в постреволюционную Россию. Первые 10–15 лет после Октября 1917 г. организация и этика, дух науки являлись сплавом предреволюционных институтов и революционной идеологии [18, р. 89]. Это прекрасно видно, в частности, на примере главного научного центра страны – Академии Наук, вплоть до рубежа 20-30-х гг. сохранявшей высокую степень независимости от государства. Последнее продолжало понимать ее как главный научный центр страны. Преобразование АН произошло из «“первенствующего ученого сословия в Российской Империи” (§ 1 Устава Академии наук 1836 г.) в высшее ученое учреждение Союза ССР (п. 1 Устава Академии наук СССР 1927 г.)» [23, с. 178].

Несложно провести параллели и между отношением царизма и большевиков к науке. Схема взаимоотношений с властью, зависимости от нее была унаследована с дореволюционных времен. Как замечает Д. Вайнер, «и царское правительство, и радикалы часто рассматривали науку и образование с чисто утилитарных позиций как средство процветания государства или улучшения материальной стороны жизни, с пренебрежением относясь к тому, что называлось «наукой ради самой науки». В государстве, сменившем царский режим и созданном радикалами, большевики в удвоенной степени унаследовали подобное отношение к науке» [22, с. 287].

Начало войны ознаменовалось увеличением зависимости ученого сообщества от власти и резким сокращением частных инициатив. Ученое сообщество во многом само было ориентировано на поиск поддержки со стороны власти [12, р. 14–16]. Понимание собственной зависимости от государства была в целом характерна для России, где не было сильных традиций частного финансирования науки. В условиях мировой войны с началом рождения «большой науки» только государство могло осуществлять организацию и финансирование крупных проектов. Данная ситуация сохранилась и после войны. Как справедливо замечает А. Дмитриев, «всепроникающая и мобилизующая роль государства в научной сфере особенно ярко проявилась именно в межвоенный период» [7, с. 38]. Подобный алгоритм взаимодействия был характерен и для многих стран Запада с богатыми традициями частной поддержки науки.

Усиление патронажа науки со стороны государства и превращение его в практически единственного организатора научной жизни проявились и в смене вектора политики относительно расширения сети образо-

вательных учреждений. Среди начинаний популярного из-за своих либеральных взглядов министра народного просвещения (1915–1916 гг.) П.Н. Игнатьева нельзя не отметить увеличение числа университетов и расширение их географической сети. До войны эти идеи блокировались властью, не без оснований опасавшейся роста числа университетов как центров антиправительственных настроений и революционного движения. После революции эстафету перехватила Советская власть, создававшая массу новых центров высшего образования в различных городах страны. Весьма показательным является то, что большевики унаследовали от царского правительства и настороженное отношение к университетам [12], большинство студентов и преподавателей которых отрицательно относились к новой власти.

Таким образом, нам представляется, что вопрос границы хронологических рамок исследования должен определяться как решаемыми в нем задачами, так и исходными предпосылками. Зачастую оказывается объективно необходимым показать преемственность послереволюционной науки и дореволюционной, для чего необходимо отказаться от принятой в историографии даты 1917 г. и сместить нижнюю границу исследования. Кроме этого, именно 1914 г. более приемлем при историко-культурном подходе к проблеме. Рассматривая науку в контексте развития культуры периода, не представляется допустимым ограничивать нижнюю рамку исследования лишь послереволюционными событиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Иванова Л.В.** Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980. 392 с.
- 2. Лейкина-Свирская В.Р.** Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.
- 3. Курепин А.А.** Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор, 2003. 360 с.
- 4. Берлявский Л.Г.** Власть и отечественная наука (1917–1941). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 359 с.
- 5. Додds Э.Р.** Греки и иррациональное. СПб., 2000.
- 6. Кожевников А.** Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003.

7. **Дмитриев А.Н.** От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред Э.И. Колчинский и Д. Байрау. СПб., 2007.
8. **Дмитриев А.** «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 88 С. 10-38
9. **Александров Д.А.** Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3-24.
10. **Crawford El.** Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population. Cambridge., 1992.
11. **Goussakov M., Fomin A.** National Science and Technology Policies in the Genesis of Soviet Russia and the Problems of International Cooperation of Scientists: Between Isolation and Openness // Internationalism and science / Ed. By Aant Elzinga and Catharina Landström. 1996. London, Los Angeles.
12. **Tolz V.** Russian Academicians and the Revolution. Combining Professionalism and Politics. London, 1997. Р. VIII.
13. **Иванов А.Е.** Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
14. **Дмитриев А. Н.** Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред Э.И. Колчинский и Д. Байрау. СПб., 2007.
15. **Landström C.** Internationalism Between Two Wars // Internationalism and science / Ed. By Aant Elzinga and Catharina Landström. London, Los Angeles. 1996. P. 48; *Nye M.Jo* Before big science: the pursuit of modern chemistry and physics 1800-1940. New York, 1996.
16. **Митин В.В.** Трансформация организационной и научной деятельности РАН в 1917–1925 гг. // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 59-78.
17. **Finkel St.** On the ideological front: the Russian intelligentsia and the making of the Soviet public sphere. New Heaven, London, 2007.
18. **Graham L.R.** Science in Russia and The Soviet Union. A Short Story. Cambridge, 1993.
19. **Ростовцев Е.А.** Университет столичного города (1905-1917) // Университет и город в России (начало XX века). Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009.
20. **Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.** Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3 (35). С. 3-21
21. **Сироткина И.** Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М., 2008.
22. **Вайнер Д.** Активисты природоохранного движения и социальная идентификация // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки. СПб., 2002.
23. **Берлявский Л.Г.** Правовой статус Академии наук в 20-е годы XX века // Право и образование. 2012. № 3. С. 166-179.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К началу 1914 г. русская армия была в основном обеспечена необходимым объемом и номенклатурой вооружений и боеприпасов на мирное время и, по расчетам правительства, имела достаточный запас для успешного ведения большой европейской войны. Производительность казенных и немногочисленных частных военных заводов в России в целом удовлетворяла запросы армии. Однако война внесла свои корректизы в прогнозы правительства. Затяжной и ожесточенный ее характер, колоссальные масштабы военных действий обусловили небывалый рост потребностей действующей русской армии в вооружении и боеприпасах. Имевшихся на складах военного ведомства и производимых на казенных заводах военных материалов стало катастрофически не хватать уже в первые месяцы войны. Русская армия испытывала гигантскую нехватку в вооружениях, боеприпасах, снаряжении и т. д. [1, с. 427–428; 21]. «Размер потребностей, – отмечал в своих мемуарах бывший генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилов, – превзошел все самые широкие предположения и потому удовлетворение их встречало все возрастающие затруднения. Тыл не успевал за фронтом и армия с каждым днем уменьшалась в своем составе, как равно уменьшалась степень ее обеспеченности. Мы стояли перед безусловной необходимостью коренного обновления нашей вооруженной силы» [2, с. 246].

Возникновение кризиса в вооружениях, боеприпасах, снаряжении имело как субъективные, так и объективные причины. Одной из главных субъективных причин явились ошибочные положения русской военной доктрины, делавшей ставку на скоротечность войны, ее маневренный и наступательный характер, убежденность в отсутствии прямой зависимости боеспособности армии от экономического потенциала страны. Следует отметить, что такой же просчет допустили и остальные державы, участницы Первой мировой войны. В основу вооружения армии легли заниженные нормы локальной Русско-японской войны, принципиально отли-

чавшейся от мировой, что привело к быстрому истощению запасов вооружения после начала войны [3]. Поэтому перед правительством и обществом встал вопрос о скорейшей мобилизации экономического потенциала страны для удовлетворения потребностей фронта. Решающим фактором успеха в войне становились перевод народного хозяйства на военные рельсы и максимально эффективное использование уже имеющихся ресурсов для расширения производства в целях ведения боевых действий. Актуальность проблемы многократно возрастала в условиях, когда возможности русской промышленности объективно намного уступали любой из великих держав, вовлеченных в войну.

С началом войны в России был принят ряд законодательных актов, обеспечивавших мобилизацию промышленности, перевод экономики на военные рельсы [4]. В России расширялись полномочия существовавших военных властей, однако создания каких-либо чрезвычайных органов для мобилизации всех экономических ресурсов страны не предусматривалось. Управление хозяйством частично перешло в руки военной администрации. Расширились возможности для вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Российское правительство решало поставленные задачи, опираясь преимущественно на административно-командные методы. Уже осенью 1914 г. стал формироваться механизм прямого регулирования экономики государством: были заморожены цены, введен «сухой закон», предприятия обязывались исполнять в первую очередь военные заказы, запрещалось вывозить за границу нефтепродукты, ряд других товаров и пр. [5, с. 65]. В течение 1914 г. и первой половины 1915 г. некоторым министрам в целях лучшего обеспечения армии продовольствием и вооружением было дано право вторгаться в сферу хозяйственных вопросов. Так сталелитейные и судостроительные заводы были поставлены под контроль морского министерства. В советы по руководству заводами наряду с администрацией были включены представители царской бюрократии. Был установлен надзор за положением дел на предприятиях и т.д. Однако предпринятые правительством усилия не смогли удовлетворить потребности фронта.

Общепризнанно, что продуктивность военной экономики определяется эффективностью проведения экономической мобилизации, т.е. способностью государства максимально использовать производственные

мощности для удовлетворения потребностей армии и населения на период военных действий. Сам характер «машинной войны» требовал от правительства коренной перестройки всей работы тыла [6, с. 128]. По мере того как война приобретала все более затяжной характер становилось очевидным, что упор на казенную промышленность не позволял обеспечить производство вооружений и боеприпасов в том объеме, который потребовала война. Поэтому правительством были предприняты шаги с целью максимально привлечь частную промышленность к обеспечению потребностей армии, принеся в жертву производство гражданских товаров. Реализовать эти намерения, однако, оказалось не просто, ибо в России отсутствовала система мобилизации производственных мощностей частной промышленности для нужд фронта.

Успешное наступление австро-германских войск на Восточном фронте весной и летом 1915 г., вскрывшее вопиющие недостатки в снабжении русской армии всем необходимым, сделало задачу тотальной мобилизации экономического потенциала страны на нужды фронта безотлагательной. Как показала предшествующая практика, обычные звенья государственного аппарата управления экономикой оказались не в состоянии справиться с решением поставленной задачи. Возможным выходом из сложившейся ситуации могло стать создание особых органов управления, наделенных чрезвычайными полномочиями и способными решительно вмешиваться в экономику России. В состав этих органов наряду с государственными служащими должны были быть введены представители частной промышленности. Правительству пришлось признать, что их опыт и навыки хозяйственной деятельности могли быть полезны в деле регулирования, мобилизации и милитаризации промышленности. Такая система чрезвычайных органов военно-экономического регулирования, наделенных весьма широкими полномочиями и призванных заниматься мобилизацией всех хозяйственных ресурсов страны для удовлетворения потребностей фронта была создана в течение 1915 г.

Особые совещания. Первой попыткой учреждения такого органа было образование в мае 1915 г. Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии артиллерийским снабжением. В состав совещания наряду с представителями Военного министерства, других правительственные чиновников были включены председатель

Государственной думы и ряд ее членов, представители частной промышленности [7, с. 113]. В последующем правительство сформировало систему таких учреждений. На основании законов от 17 августа 1915 г. были созданы четыре Особых совещания: 1) по обороне государства (на основе первого Особого совещания); 2) по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны; 3) по продовольственному делу; 4) по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов. Несколько позже 30 августа 1915 г. было учреждено Особое совещание по устройству беженцев [8]. Назначение Особых совещаний заключалось в объединении мероприятий для обеспечения армии и флота предметами боевого и материального снабжения, мобилизации всего народного хозяйства на нужды войны. Общими признаками этих органов были их чрезвычайный и временный характер, а также наделение их широкими правами [6, с. 129]. Для координации деятельности всех подразделений по снабжению армии и флота и организации тыла летом 1916 г. при председателе Совета министров и под его руководством было создано и работало Особое совещание министров, которому формально подчинялись все отраслевые совещания.

Особые совещания являлись высшими государственными учреждениями, создавались как инструмент согласования межведомственного управления. Совещания финансировались Советом министров, должны были представлять отчеты в Государственную думу и Государственный совет. Председатели совещаний – главы соответствующих министерств – обладали широкими полномочиями и несли ответственность только перед царем [9, с. 89].

Создание Особых совещаний было со стороны самодержавия шагом навстречу требованиям буржуазии, выдвинувшей весной 1915 г. лозунг «мобилизации промышленности». В работе совещаний помимо чиновников различных ведомств участвовали представители Думы и Государственного совета, Земского и Городского союзов, Центрального военно-промышленного комитета. При этом Правительство стремилось оставить ключевые посты за собой – Особые совещания возглавили отраслевые министры. Допуская представителей финансово-промышленных кругов к

участию в работе совещаний, правительство сохраняло решающее слово при принятии решений за министерскими чиновниками [7, с. 116].

Вмешательство Особых совещаний в экономику страны осуществлялось посредством их рабочих органов: управлений делами, особо уполномоченных председателей совещаний, отраслевых комитетов, подготовительных комиссий и т. д. Число и круг вопросов, которыми занимались подготовительные комиссии, определялись после обсуждения в совещании его председателем. Члены комиссии избирались совещанием, а их председатели назначались председателем совещания. Рабочий аппарат совещаний опирался на аппарат трестов и синдикатов. Делопроизводство велось канцеляриями соответствующих министерств.

В соответствии с Положением о местных органах Особого совещания по обороне от 17 октября 1915 г. на местах в 12 наиболее крупных районах страны интересы Особых совещаний представляли назначенные центром уполномоченные. Под их председательством организовывались местные совещания, получившие названия заводских. Заводские совещания состояли из представителей местных правительственные учреждений, организаций земского и городского союзов, а также военно-промышленных комитетов. В их работе принимали участие представители снабженческих организаций, заинтересованных предприятий, эксперты и т.п. Заводские совещания занимались обследованием местных предприятий, осуществляли размещение и контроль над исполнением предприятием принятых на себя заказов, рассматривали вопросы их снабжения топливом, сырьем, орудиями производства, обеспечивали организацию сотрудничества предприятий по изготовлению оборонной продукции и т. д. Через заводские совещания Военное министерство могло контролировать повседневную деятельность заводов, выполнивших военные заказы [10, с. 230].

Особые совещания имели право издавать обязательные для исполнения временные правила, распределять и контролировать выполнение государственных заказов. Им предоставлялись широкие права по надзору за предприятиями: определять договорные связи, устанавливать предельные цены на продукцию и размеры заработной платы, в чрезвычайных случаях – проводить секвестр и реквизиции предприятий и имуществ, устраивать администрацию заводов и фабрик [11, с. 230].

Наиболее представительным было Особое совещание по обороне. В его состав вошли председатели и по 9 членов от Государственной Думы и Государственного Совета, представители от ряда министерств и ведомств, крупного капитала. Совещание подчинялось непосредственно императору, а его деятельность находилась под постоянным контролем Совета министров. На совещание по обороне возлагались: высший надзор за деятельностью всех правительенных и частных предприятий, выполнявших военные заказы; содействие в создании новых предприятий и модернизации старых; распределение правительенных военных заказов и контроль над их выполнением [12, с. 184]. В компетенции совещания оказались также общегосударственные проблемы, имевшие к обороне лишь косвенное отношение: выработка мер по расширению портов и общие вопросы перевозок, привлечение к делу обороны общественных организаций, выдача валюты на заграничные заказы и др. [6, с. 130].

Особое совещание по обороне большое внимание уделяло организационным вопросам, выражавшимся в создании всевозможных комиссий, установлении правил и положений. Структурными частями совещания являлись 10 постоянных комиссий и 6 постоянных комитетов, местными органами – районные заводские совещания [9, с. 90]. На первом же заседании совещания были образованы две подготовительные комиссии: по артиллерийскому снабжению и по общим вопросам; комиссия по делам эвакуации важнейших предприятий и размещению их внутри страны; наблюдательная комиссия для контроля над порядком и сроками исполнения постановлений Особого совещания [13, с. 318–319].

Подготовительные комиссии проводили большую работу по подготовке и решению дел о переоборудовании и постройке новых заводов, о передаче им реквизированного имущества, об ассигнованиях на очередные заказы и т. д. На еженедельных заседаниях подготовительных комиссий рассматривалось от пяти до восемнадцати дел. Те из них, которые получали принципиальное одобрение Особого совещания, передавались в исполнительную комиссию, которая вырабатывала условия заключения договоров с заводами и фирмами с финансовой и производственной точек зрения. Наблюдательная комиссия следила за ходом поставок, за правильной и своевременной сдачей заводами заказов, на основании ее выво-

дов принимались решения о секвестрах, реквизициях, о смене правлений заводов и т. п. [6, с. 130–131].

Особое совещание по обороне играло роль центрального координирующего органа, осуществлявшего контроль над всей хозяйственной жизнью страны. В сфере влияния Особого совещания и его заводских совещаний находились крупные предприятия с числом рабочих, составлявших не менее двух третей от общей численности рабочих страны. От совещания и его структурных подразделений исходило до 97% всех военных заказов. Председателю совещания разрешалось «производство заготовлений всеми способами» не только внутри страны, но и за границей. Распоряжения председателя по вопросам его компетенции адресовались военным и гражданским властям для «безотлагательного исполнения». Комиссии Особого совещания, подготовлявшие его решения и проводившие повседневную работу по руководству мобилизованным хозяйством, были связаны непосредственно с Военным министерством и его органами [6, с. 130–131]. После Февральской революции деятельность Особого совещания по обороне продолжилась. Хозяйственно-технический аппарат совещаний был использован и для построения советского государственного аппарата.

Законодательство от 17 августа не уделило достаточного внимания проблеме обеспечения единства в управлении тылом. С одной стороны, практика работы Особых совещаний очень скоро обнаружила острую проблему координации их деятельности. Законодательство обязывало председателей Особых совещаний информировать военного министра – руководителя Особого совещания по обороне – обо всех принимавшихся решениях. Оно же позволяло ему приостанавливать решения других Особых совещаний, если они казались ему нецелесообразными, с последующей, если не удавалось согласовать позиции, передачей дела в Совет министров. Конечно, предоставленные полномочия позволяли председателю Особого совещания по обороне поддерживать определенную степень согласованности в работе органов военно-экономического регулирования. Но они оказывались совершенно недостаточными для того, чтобы эффективно координировать и тем более контролировать деятельность других Особых совещаний. Будучи в принципе равны между собой, Совещания

имели широкие возможности для того, чтобы действовать совершенно самостоятельно, не считаясь друг с другом.

С другой стороны, образование Особых совещаний создало определенные сложности в деле организации управления тылом в целом. На общем поле ответственности за работу тыла действовали равные друг другу и слабо связанные между собой высшие органы государства – соответственно Совет министров и Особые совещания. Законы от 17 августа 1915 г. фактически расчленили управление тылом на две во многом изолированные друг от друга сферы – сферу общеполитическую, составлявшую предмет деятельности правительства, и сферу военно-экономического регулирования, где царили Особые совещания. В результате в тылу возникало своеобразное двоевластие [7, с. 116].

Всероссийский союз земств и городов. Первая мировая война оказала огромное влияние на общественно-политическую жизнь России, вызвала появление не только новых государственных, но и общественных органов, деятельность которых была направлена на поддержание обороноспособности страны. Сосредоточение регулирующих функций в руках государства неизбежно затрагивало интересы буржуазии. Тем не менее, большая ее часть выступила сторонницей государственного регулирования экономики и совместного сотрудничества с правительственные органами. Со своей стороны и правительство со временем осознано, что решить проблему кризиса промышленности без участия общественности невозможно.

С началом войны на волне патриотических настроений в стране создавались различные комитеты и общества для организации помощи правительству в перестройке экономики на военный лад. Русская буржуазия проявила большую активность в создании таких общественных структур, формировании их легального аппарата. Официальной задачей этих структур было содействие правительству в решении важнейших задач помощи фронту. Со временем они стали параллельными структурами управления в экономической сфере.

В первые дни войны дворянством был создан Всероссийский союз земство главе с князем Г.Е. Львовым. Союз объединил земские учреждения более чем 40 губерний. В 1915 г. были созданы фронтовые комитеты союза. 8–9 августа 1914 г. на совещании городских голов представителями буржуазных кругов был образован Всероссийский союз городов под

руководством городского головы Москвы М.В. Челнокова. В союз вошли городские и фронтовые комитеты. Высшим органом каждого союза был съезд уполномоченных. Между съездами делами союзов ведали главные комитеты союзов во главе с главноуполномоченными. В 1915 г. обе организации объединились во Всероссийский союз земств и городов, создав Главный по снабжению армии комитет (Земгор). Возглавил объединение кадет князь Г.Е. Львов. Местными органами организации были областные и местные комитеты. Правительство предоставило Земгору права полувоенной организации, его чиновники носили форму и освобождались от военной службы. В конце 1916 года деятельность Земгора была свернута.

Первоначально задачей союзов была организация помощи больным и раненым. В ходе войны их функции были значительно расширены: они стали заниматься заготовками и поставками в армию обмундирования, снаряжения, боеприпасов и продовольствия, эвакуацией промышленных предприятий, военно-санитарным делом, размещением беженцев. Для целей военного снабжения использовались мелкие предприятия путем распределения заказов военного ведомства. Впрочем, из общей суммы заказов в 242 млн. руб. организации Земгора выпустили продукцию на сумму всего лишь 80 млн. руб. Деятельность организаций имела существенное значение в условиях, когда мелкая кустарная промышленность была распылена и не могла быть использована непосредственно управлениями военного министерства [14, с. 62]. Союз стал одним из инструментов проникновения российской буржуазии в государственное управление.

Военно-промышленные комитеты. Другим инструментом, который был использован буржуазией с этой целью, стало создание в центре и на местах особых органов – военно-промышленных комитетов (ВПК). Идея создания военно-промышленных комитетов была впервые сформулирована в мае 1915 года на 9-ом съезде представителей торговли и промышленности. Инициаторы создания комитетов видели в них, прежде всего, органы общественной помощи правительству в деле мобилизации промышленности и выполнения ею военных задач. 25–27 июля 1915 года состоялся 1-й Всероссийский съезд ВПК, а уже 27 августа того же года были приняты правительственные «Положение о военно-промышленных комитетах» и «Наказ о порядке образования и действия военно-

промышленных комитетов и съездов». Эти программные документы определили правовой статус организаций, их цели и задачи.

«Положение» провозглашало, что Военно-промышленные комитеты учреждаются на время войны для содействия правительенным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия. ВПК объявлялись общественными организациями, не преследующими коммерческих целей, но пользующимися всеми правами юридических лиц: правом заключать договоры с частными и государственными учреждениями и общественными организациями, владеть собственностью, вступать в обязательственные отношения, организовывать приемку и сдачу предметов для нужд армии и флота, выступать в суде. Небольшой первоначальный капитал в 160 000 рублей ВПК получили как взнос от совета съездов представителей промышленности и торговли. Из казны военно-промышленным комитетам было ассигновано 300 000 рублей. Впоследствии Правительством было предоставлено ВПК отчисление в 1 % от всех казенных заказов, размещенных при участии военно-промышленных комитетов. В свою очередь, в Наказе было записано, что труд членов ВПК безвозмезден, жалование выплачивается непосредственно из средств комитетов только обслуживающему персоналу (секретарям, уборщицам, шоферам и др.) [15].

Идея общественной помощи правительству в деле мобилизации ресурсов в поддержку фронта оказалась востребованной и привлекла к сотрудничеству с ВПК самые широкие слои русского общества. Треть членов ВПК составляли предприниматели и финансисты. Они же, как правило, и руководили комитетами. Около 20% приходилось на представителей научно-технической интеллигенции: ученых, инженеров, техников и др. Активными членами ВПК были так же юристы, врачи, учителя, представители других профессий. Достаточно пестрой была партийная принадлежность членов ВПК. Так в составе Центрального военно-промышленного комитета были октябрист А.И. Гучков, кадет В.Т. Кутлер, прогрессист А.И. Коновалов, меньшевик К.А. Гвоздев. И все же, по мнению С.Л. Леонтьевой, «заметнее всего проявлялось тесное, почти «кровное», родство ВПК с партией прогрессистов, так как создание комитетов было реальным воплощением части экономической программы этой

партии – привлечение к решению государственных вопросов широкой части российской буржуазии [15].

В соответствии с Положением были сформированы областные, губернские и городские военно-промышленные комитеты. К концу 1915 г. действовало 24 областных и 215 местных комитетов, а к началу 1916 г. – уже 220 местных ВПК, объединенных в 33 областных [16]. Позднее их число возросло. Крупнейший Военно-промышленный комитет был сформирован в столице. Его возглавил крупный промышленник Э.Л. Нобель. Вторым по значению был Московский комитет, во главе которого стоял известный предприниматель П.П. Рябушинский.

Систему Военно-промышленных комитетов возглавлял Центральный ВПК, который располагался в Петрограде. Там же проходили съезды представителей ВПК. Задача Центрального Военно-Промышленного комитета заключалась в объединении, направлении и координации деятельности местных комитетов. В 1915–1918 гг. выходил его печатный орган – «Известия Центрального ВПК». В состав Центрального ВПК входили 10 представителей от Совета торговли и промышленности, по три представителя от областных военно-промышленных комитетов, Всероссийского земского и Всероссийского городского союзов, пять – от Комитета военно-технической помощи, по два – от городских дум Петрограда и Москвы и Всероссийской сельскохозяйственной палаты [15]. После 2-го съезда представителей ВПК (26–29 февраля 1916 года) в составе ВПК были организованы рабочие группы: 10 представителей петроградских рабочих во главе с меньшевиком К.А. Гвоздевым были избраны в состав Центрального ВПК, а 6 – в состав Петроградского комитета. Председателем Центрального ВПК был сначала Н.С. Авдаков, а затем А.И. Гучков (июль 1915 г. – март 1917 г., май–октябрь 1917 г.). Товарищем председателя был избран А.И. Коновалов, позже им стал депутат IV Государственной Думы Н.К. Волков [17].

Центральный военно-промышленный комитет имел развитую структуру. В его составе были образованы секции по отраслям: механическая, химическая, по снабжению армии, вещевая, продовольственная, санитарная, по изобретениям, автомобильная, авиационная, перевозок, угольная, нефтяная, торфяная и лесная, мобилизационная, крупных снарядов, станков и др. Число секций со временем увеличивалось [18, с. 160–163].

«Положение» закрепляло за ВПК функции содействия правительст-венным учреждениям в деле снабжения армии и флота необходимым сна-ряжением и довольствием путем планового распределения сырья и заказов, своевременного их исполнения и установления цен. Основной задачей ВПК являлось централизованное получение правительственныеых заказов на поставку военного снаряжения и размещение их на промышленных пред-приятиях. Таким образом, ВПК становились посредником между государ-ством и частной промышленностью. ВПК привлекли к обслуживанию ар-мии около 1300 средних и мелких промышленных предприятий и создали около 120 собственных заводов и мастерских [16]. Представляется непро-стым установление точного числа заключенных контрактов, еще труднее установить сумму и количество всех заказов. По мнению П.А. Погребин-ского, в 1915–1917 гг. ВПК получили от казны заказы на сумму около 400 000 000 руб., что составляло не более 2–3% от общего объема размеще-нных заказов. В свою очередь М.Ф.Юрия полагает, что ВПК распределили 17,5% от всех военных заказов, а выполнили – 11% от общей суммы, что для общественной организации, по его мнению, существенно [15].

Со временем ВПК обрели функции, позволявшие им заниматься не просто распределением заказов между предприятиями, работавшими на оборону, но и в значительной мере регулировать их деятельность. ВПК мог устанавливать норму средней нагрузки промышленного предприятия, про-водить разверстку объемов военной продукции между фабриками, устраи-вать проверки на предприятиях, устанавливать обязательные нормы сдачи товара. Комитеты, опираясь по большей части на административные мето-ды управления, вмешивались в работу предприятий, подменяли и контро-лировали деятельность государственных структур [5, с. 66–67]. ВПК также участвовали в улаживании конфликтов между рабочими и предпринимате-лями, используя так называемые «примирительные камеры». По их ини-циативе на заводах были отменены ограничения рабочего дня, использова-ние женского и детского труда на предприятиях, выполнявших военный заказ. В научной литературе существует мнение, что администрирование ВПК оказалось успешнее государственного регулирования. Следует при-знать, что недостаток компетенции не позволил этим организациям содей-ствовать решению многих других важных вопросов работы тыла, таких как смягчение кадрового голода в промышленности и др.

Перечисленные организации в основном были ликвидированы после выхода России из войны в марте 1918 г. После 4-го съезда ВПК (17–29.03.1918г.) их предприятия и часть аппарата были преобразованы в Народно-промышленные комитеты, которые были окончательно упразднены в октябре 1918 г.

Выводы. Таким образом, в течение 1915–1917 гг. российским государством и общественностью была проведена большая работа по усилению военной мощи России. В конце 1916 г. из 2290 предприятий 1800 (81%) были преимущественно ориентированы на выпуск продукции военного назначения. Из 2,4 млн. рабочих, занятых в промышленности, 2 млн.(86%) работали на производствах, обслуживавших нужды фронта [19, с. 27]. Милитаризация экономики, перевод ее на военные рельсы позволили добиться серьезных успехов в деле обеспечения армии востребованной фронтом продукции. Производство вооружений росло очень высокими темпами. Так в августе 1916 г. винтовок было изготовлено на 1100% больше, чем в августе 1914 г. Производство пушек (76-мм и горных) с января 1916 г. по январь 1917 г. увеличилось более чем на 1000%, а 76-мм снарядов на 2000%. Выработка пороха и взрывчатых веществ возросла на 250–300%. Снабжение фронта, таким образом, существенно улучшилось. Однако преимущество германских войск в артиллерии, особенно тяжелой, сохранялось, что обличалось для русской армии сравнительно большими потерями в живой силе [20, с. 12].

Несмотря на впечатляющий экономический подъем, уровень производства, необходимый для полноценного снабжения армии, достигнут так и не был. Действия правительства по регулированию экономикой зачастую оказывались бессистемными и недостаточно продуманными. К концу войны, фактически в отсутствии единого центра управления экономикой, сложилась многоступенчатая система ее регулирования, части которой нередко дублировали друга.

В годы Первой мировой войны на фоне неэффективности мероприятий правительства по мобилизации промышленности для удовлетворения нужд фронта, значительно возросла роль русского капитала в управлении экономикой страны. В экономической, а так же и в политической и жизни Российского государства заметную роль стали играть военно-промышленные комитеты. Во многом благодаря им и отчасти Земгору

была решена проблема переориентации промышленных предприятий на выпуск востребованной армией продукции. Русская буржуазия стремилась превратить Центральный военно-промышленный комитет в центр по руководству работой всей промышленности, распределению ресурсов, а также размещению военных заказов. Достигнутые результаты в деле мобилизации и милитаризации экономики в годы войны дали возможность либеральной буржуазии потребовать ведущих позиций так же и в политической жизни страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Головин Н.И.** Военные усилия в Мировой войне. М., 2009
- 2. Данилов Ю.Н.** Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин, 1924.
- 3.** Крестьянин в миру и на войне: Материалы III Меркушкин. науч. чтений / МГУ им. Н. П. Огарева, ист.соц. ин.-т; [отв. ред. проф. Н.М. Арсентьев; редкол.: Э. Д. Богатырев, К. И. Шапкарин, В. В. Щербаков и др]. –Саранск: Тип. "Крас. Окт.", 2005. – 420 с.
- 4.** Акты, вызванные войной. 1914–1915 гг. В 3-х томах. Пг., 1916.
- 5. Белов С.И.** Мобилизация российской промышленности в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология . 2014. № 1. С. 59-68
- 6. Тимошенко А.И.** Особое совещание по обороне в России в годы I мировой войны // Правоведение. 1968. № 2.
- 7. Сомов С.А.** О «майском» Особом совещании // История СССР. 1973. № 3.
- 8.** dic.academic.ru. Особые совещания. Советская историческая энциклопедия.
- 9.** Российский государственный исторический архив. Путеводитель. Т. 3. М., 2008.
- 10. Погребинский А.П.** Государственно-монополистический капитализм в России. – М., Соцэкгиз, 1959.
- 11. Фомичев А.В, Фомичева Л.С.** История государственного управления в России (IX – начало XX вв.): Учебное пособие . СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2011.
- 12.** Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв.: Справочник / Под общ. ред. А.С. Тургэева. СПб.: Изд-во «Образование–Культура», 2000.
- 13. Букшпан Я.М.** Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства в 1914–1918 гг. М. ; Л., Госиздат, 1929.
- 14. Дякин В.С.** Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 1967.
- 15. Леонова С.Л.** Военно-промышленные комитеты в годы 1 мировой войны; history.mirea.ru/files/Leonova_vok.doc.

- 16.** dic.academic.ru. Военно-промышленные комитеты. Большая советская энциклопедия.
- 17.** dic.academic.ru. Особые совещания. Советская историческая энциклопедия.
- 18.** Погребинский А.П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т. 11. М., 1941.
- 19.** Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957.
- 20.** Кюнг П.А. Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивное исследование. Автореф. дисс.... канд. ист. наук: 05.25.02 – М., 2007. С. 24
- 21.** Фомичев А.В, Фомичева Л.С. Особые совещания и военно-промышленные комитеты в системе органов военно-экономического регулирования в годы Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. 2014.№ 4 (27). С. 244-255.

Раздел II.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И ВОЙНА

УДК 94(47)084.1

И. Н. Афанасьев

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВГОРОДСКОГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ

При введении винной монополии в форме казенной продажи алкоголя государство решило создать специальную сеть местных правительственные учреждений, чтобы возложить на них «заботу о народной нравственности» [1, с. 7].

Министерство финансов указывало, что «борьба с этим застарелым нашим злом не легка. Она требует не только соответственных изменений в условиях питейной торговли, но должна быть, для желательного успеха, – вспомоществуема усилиями всех лучших людей общества.

Недостаточно ослабить соблазны питейного заведения, необходимо еще возбудить в населении расположение к трезвости и воздержанию как противовес этим соблазнам; недостаточно законом устранить от питейной торговли людей, частный интерес которых побуждает их спаивать народ; необходимо еще, чтобы сам народ уразумел смысл и цель предпринятой правительством реформы» [2, с. 1].

Высочайшее мнение Государственного Совета об утверждении Устава попечительства о народной трезвости было одобрено Императором Николаем II 20 декабря 1894 года.

В соответствии с Уставом Попечительства основными направлениями его деятельности являлись:

- 1) Надзор за торговлей крепкими напитками.

2) Распространение среди населения здорового понятия о вреде неумеренного потребления крепких напитков.

3) Предоставление населению возможности проводить свободное время вне питейных заведений путем организаций различных учреждений (чайные, столовые, библиотеки и т.п.).

Средства попечительств составляли суммы, ассигнованные из казны, пожертвования, сборы, поступающие в пользу попечительств от продажи изданий и устройства чтений, правил торговли крепкими напитками, общественных развлечений и т.п., а также суммы, причитающиеся за раскрытие нарушений, в том случае, если эти нарушения обнаружены членами попечительств [3, л. 19 об.].

Делами попечительств заведовали губернские и уездные комитеты. Председателем губернского комитета являлся губернатор, уездного же комитета – уездный предводитель дворянства, а в случае его отсутствия – председатель уездного комитета назначался непосредственно самим губернатором.

Непосредственный надзор за питейной торговлей было поручено осуществлять участковым попечителям. Члены попечительств наделялись правами чинов акцизного надзора в части надзора за торговлей крепкими напитками.

Членам попечительства также присваивался особый нагрудный знак [4, с. 84], который был утвержден в 1895 г.

Для комитетов Попечительства и участковых попечителей в октябре 1896 г. министром финансов были утверждены специальные печати [5, с. 1–2].

В Новгородской губернии попечительства о народной трезвости создавались одновременно с введением казенной продажи спиртных напитков с 1898 года. Это было сделано в соответствии с высочайше утвержденным 8 декабря 1897 года мнением Государственного совета «Об учреждении попечительства народной трезвости в губерниях С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Харьковской и в г. Санкт-Петербурге» [3, л. 27 об.].

Новгородское попечительство о народной трезвости состояло из губернского и одиннадцати уездных комитетов.

В состав губернских и уездных попечительств были привлечены все местные власти и начальство, начиная с губернатора в губернском попечительстве, а уездном – с уездного предводителя дворянства. Были так же привлечены представители учебных заведений, лица судебного ведомства, земские чины и многие другие [5, с. 63].

Так, при создании Новгородского губернского комитета попечительства о народной трезвости в его состав вошли: губернатор Оттон Людвигович Медем, вице-губернатор Александр Александрович Эйлер, губернский предводитель дворянства Павел Павлович Голицын, губернский врачебный инспектор Павел Иванович Полетаев, председатель губернской земской управы Николай Николаевич Сомов.

Судебные, прокурорские и банковские работники были представлены в следующем составе: председатель окружного суда Антон Германович Гизетти, прокурор окружного суда Дмитрий Рудольфович Вилькен, управляющий казенной палаты Иван Иванович Андогский, управляющий отделением крестьянского поземельного банка Дмитрий Иванович Линтварев, управляющий акцизными сборами Николай Николаевич Шишковский.

В губернский комитет попечительства о народной трезвости вошли: депутат от духовного ведомства Павел Ильич Тихомиров, от губернского земского собрания Алексей Петрович Рыкачев и Александр Матвеевич Тютрюмов. Городской голова Яков Иванович Журавлев, Епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ Петр Никандрович Спасский, представитель от военного ведомства генерал Николай Петрович Игнатьев, управляющий контрольной палатой Павел Максимович Луговской, управляющий управлением государственными имуществами Николай Прохорович Лебедев, директор дирекции народных училищ Алексей Кириллович Янсон.

От жандармского управления – начальник губернского жандармского управления полковник Аркадий Иосифович Де-Гайдль.

От Русской православной Церкви – Архиепископ Новгородский и Старорусский Высокопреосвященный Гурий.

Также туда входили почетный гражданин Клавдий Алексеевич Мейснер, делопроизводитель Иван Иванович Сапожков [6, с. 11–12].

Впоследствии при назначении новых лиц на указанные должности, они автоматически вводились в состав Новгородского попечительства.

В состав попечительств входили также почетные члены и члены-соревнователи из лиц обоего пола всех состояний. Почетным членом Новгородского губернского комитета с 1900 г. по 1902 г. состоял Высокопреосвященнейший Феогност, Митрополит Киевский и Галицкий [7, с. 3], с 1909 г. – потомственный почетный гражданин Иван Емельянович Кузнецов, владелец фарфорово-фаянсовых заводов, находившихся на территории Новгородской губернии [8, л. 5].

Первоочередной задачей комитетов новгородского попечительства о народной трезвости стало решение организационных вопросов: избрание членов-соревнователей, участковых попечителей, деление населенных пунктов на попечительские участки. Данное явление было характерно для всех вновь открывавшихся попечительств [9, с. 1].

Отличительной чертой Новгородского попечительства, было то, что при его введении число членов-соревнователей было более 1000 человек, впоследствии их количество значительно снизилось – в 1912 году было всего 179. То же явление характерно для числа участковых попечителей, которых в 1900 г. было 446, а в 1912 – 135. Также стремительно падало число, проводимых попечительством заседаний в 1900 г. – 79, в 1912 г. – 40.

Формы и виды взаимодействия между губернским и уездными комитетами до 1900 года не были полностью урегулированы. Так, губернский комитет сообщал, что к 1 января 1901 года в звании участковых попечителей осталось 27 лиц, избранных Боровичским уездным комитетом. Причиной неутверждения было то обстоятельство, что уездный комитет не представил точных сведений о делении города и уезда на попечительские участки [7, с. 4].

Деление населенных пунктов на попечительские участки в городах осуществлялось исходя из деления города на полицейские участки. Так, в письме от 26 января 1899 г. № 4 Новгородский уездный комитет попечительства о народной трезвости сообщал городской управе, что город Новгород разделен на 6 попечительских участков равных количеству полицейских участков [3, л. 14].

В основу деления уездов на попечительские участки брали или количество избранных участковых попечителей, или деление уезда на волости. Так, например, Старорусский уезд был поделен на 26 попечительских участков.

стков равных числу волостей [7, с. 41], а в Новгородском же уезде на одного уездного попечителя приходилось шесть населенных пунктов [7, с. 22].

Необходимо отметить, что вопрос об избрании участковых попечителей из купцов и мещан в Новгородский уездный комитет о народной трезвости в городе Новгороде был поставлен еще 17 марта 1898 г.

Однако, окончательный список участковых попечителей от купечества и мещанства города был представлен в уездный комитет достаточно поздно: только в феврале 1899 г. [3, л. 15].

В первый год своего существования Новгородское попечительство о народной трезвости не отличалось активной деятельностью на поприще борьбы за народную трезвость. Это можно подтвердить усредненными данными по 5 губерниям, в которых вводились попечительства с 1898 г.

Так на 1 января 1899 г. на 5 губерний приходилось 139 чайных (по 35 чайных на губернию) [2, с. 19], действовало библиотек-читален 45 (или 13 на губернию) [2, с. 25]. Прошло публичных чтений, направленных на пропаганду трезвого образа жизни среди населения – 13 (или не больше 3 мероприятий на губернию) [2, с. 28].

Основным направлением деятельности Новгородского попечительства стало создание предприятий, которые могли бы приносить хотя бы какой-то доход и отвлекать население от злоупотребления крепкими напитками и посещения заведений, производящих торговлю ими. Главенствующую роль среди таких предприятий заняли чайные.

Министерство финансов указывало, что «с самого начала действия чайной, крайне нежелательно вообще придавать большое значение финансовой стороне в деле устройства данного заведения.

Нет сомнения, что возможное сокращение затрат из сумм Попечительств на содержание чайных вполне желательно, так как этим путем освободятся средства для иных видов деятельности попечительств» [2, с. 22].

При этом финансисты отлично понимали, что «в то же время категорическое требование о том, чтобы расходы по содержанию чайных покрывались доходами от продажи чая, легко может привести к продаже чая по слишком высокой цене или к низведению до минимума расходов по содержанию чайных, а в том и в другом случае чайные не достигали бы своей основной цели – дать простому и рабочему люду возможность, не вовлекаясь в непосильные затраты, собираться в просторном, светлом,

чистом и сухом помещении и проводить здесь свой досуг в беседе и в тех или иных нравственных, разумных и полезных развлечениях» [2, с. 19].

При создании попечительствами о народной трезвости чайных, закусочных, не обращалось внимания на моральный облик лиц, которым выдавались соответствующие патенты для открытия данных заведений.

Этим воспользовались предприниматели с весьма сомнительной репутацией. Так Старорусский уездный комитет сообщал, что патенты выдаются людям «сомнительных нравственных качеств, прежним кабатчикам и людям, опороченным по суду за беспатентную торговлю вином, которые, преследуя исключительно свои корыстные цели, препятствуют правильному развитию предприятий попечительства трезвости» [7, с. 6].

В 1900 году продолжилось деятельность Попечительства по созданию сети чайных. Так, в Новгородском уезде удалось открыть 6 новых чайных-читален. В других уездах также были достигнуты определенные результаты. В Старорусском уезде была открыта 1 чайная, в Демянском – 4 новых чайных, в Валдайском – 2 чайные, в Череповецком – 10 чайных, а в Кирилловском уезде открыла свои двери 1 чайная-читальня [7, с. 7].

Так в 1899 году на территории губернии уже действовало 41 чайная. Всего к концу 1900 года в Новгородской губернии функционировало 66 чайных, в которых предполагалось вести широкую пропаганду трезвого образа жизни [10, с. 60].

Подтверждением того, что самой крупной формой деятельности были чайные, является и тот факт, что на их содержание почти полностью шло все казенное пособие. И хотя дефицит, приносимый ими, нельзя признать значительным, так как в среднем дефицит в 1901 на каждую чайную был равен 60–65 руб., но, тем не менее, эти учреждения, по-видимому, работали не особенно продуктивно.

Так среднее число посетителей, приходящихся на каждую чайную в 1901 г. в день равнялось 21 человеку. Следовательно, мы видим, что данные заведения в Новгородской губернии в 1901 г. особой популярностью среди населения не пользовались. Это можно объяснить и достаточно высокой ценой на чай, запрещением употреблять какие-либо спиртные напитки и излишнее морализаторство тех людей, которые старались отвратить пьяниц от их пагубной привычки.

Всего посетителей чайных в 1901 г. было 566 319 человек. Наибольшая посещаемость чайных наблюдалась в Демянском уезде, где в среднем на чайную приходилось 15 000 человек, а наименьшая в Боровичском, давшая только по 2200 человек на чайную. За исключением 6 чайных, использующих бесплатные квартиры, все остальные размещались в наемных частных помещениях.

По удобствам, предоставляемым посетителям, можно привести следующие данные, взяв за достаточно типичный пример Череповецкий уезд Новгородской губернии.

- в 8 чайных имелись ночлежные помещения,
- в 26 – торговали холодными закусками,
- в 19 – чаем и сахаром на вынос,
- в 37 – табачными изделиями
- в 2 – письменными принадлежностями.

При ознакомлении с последними цифрами кажется странным то обстоятельство, что в Череповецких чайных, приспособленных для ночлега, не имелось никаких продуктов, тогда как именно в таких чайных и должна была производиться торговля пищей.

В 1902 г. был составлен годовой отчет новгородского попечительства. В нем давались оценки деятельности чайных заведений в разных уездах губернии, выявлялись особенности, успехи и недостатки в работе. Так, в Старорусском и Демянском уездах чайные успешно торговали чаем в сухом виде. Только в чайных Демянского уезда за год было продано чая на вынос на 3401 руб. [11, с. 202] Это принесло чистую прибыль в сумме 539 руб. 95 коп [11, с. 202].

Как всегда проблемными являлись те уезды, через которые проходили большие дороги. Работа «трезвенных чайных» в Крестецком уезде по сути своей деградировала: «Чайные характеризуются столь малой успешностью, что деятельность их имеет сильное поступательное движение назад. Число проданных порций сильно сокращается из года в год. За последние три года оно уменьшилось в четыре раза (в 1900 году – 121 383 порции, в 1902 году – 32 684 порции)» [11, с. 202]. Объяснение такого сильного уменьшения числа посетителей в «трезвенных чайных» составители отчета находили в следующих ответах:

- 1) В невозможности конкурировать им с частными чайными, в которых ведутся азартные игры и распитие водки и прочих спиртных напитков;
- 2) Однаковыми ценами порций чая в частных чайных по сравнению с казенными;
- 3) Неудобным местонахождением чайных попечительства [11, с. 202].

При этом авторы отчета отмечали, что «борьба с этими тремя причинами для попечительства невозможна вследствие сознания последним своего бессилия» [11, с. 202].

В удаленных от центра уездах дела обстояли еще хуже: «Остальные уезды ничем не охарактеризовали работу своих чайных. Например, Кирилловский комитет, имея всего одну чайную, не дает и о ней никаких сведений. Белозерский же комитет не предпринимал совсем ничего в этом направлении. Отчет за 1902 г. не содержал никаких указаний на то, чем это вызвано [11, с. 202].

Можно предположить, что подобное нежелание отчитываться было связано не с нежеланием заниматься ненужной бюрократической работой, а с практическим отсутствием положительных результатов.

Приводимые доводы не столько указывали на невозможность борьбы с указанными причинами, сколько на несостоятельность самого попечительства. Из документов можно сделать вывод о том, что если комитет, предназначенный для борьбы со злоупотреблением спиртными напитками, не чувствует в себе силы бороться с ними, его работа изначально обречена на провал. Возникает логичный вопрос: чем можно объяснить факты, что комитеты открывали и содержали свои учреждения заведомо в «неудобных» местах? Ведь в таких условиях не было ни малейшей возможности вести честную конкуренцию, и даже более того, вообще сколько-нибудь продуктивную деятельность.

В 1902 г. количество чайных достигло отметки в 82, но, начиная с 1903 г. их число начинает резко сокращаться. К 1912 г оно падает до 11. Сокращение это было связано до 1905 г., в первую очередь с низкой активностью самого попечительства, а начиная с 1906 г. в связи с уменьшением государственного финансирования. Но все же заслуживает внимание тот факт, что с 1902 по 1912 год чайные попечительства посетило более 3000 000 человек, наибольшее число посещений относится к 1903 г. – 616 000, т.е. 38 процентов по отношению к населению [12, с. 72].

Другим направлением деятельности Новгородского попечительства о народной трезвости стало создание читален и библиотек. На этом поприще попечительство сделало значительный вклад, так как число библиотек и читален практически постоянно росло на протяжении всех лет деятельности Попечительства, несмотря ни на что. Так с 1899 г., начиная с открытия всего пяти, к 1905 г. число их достигает 186, с 1906–1908 г. эта цифра снижается, но в 1910 их уже 190, а в 1911–1912 г. – 189.

Наибольшее число библиотек имелось в 1902 г. в Кирилловском уезде – 20, за ним шел Крестецкий – 9, Новгородский – 8, Белозерский – 5, Устюженский – 4 и Старорусский, Боровичский и Череповецкий по одной библиотеке.

Качество работы этих библиотек, количество имеющихся там книг, в разных уездах было весьма разным. Так в отчете 1902 года имелся специальный раздел, касающийся библиотечного дела. В нем отмечалось следующее:

- библиотеки Крестецкого уезда характеризуются достаточной обеспеченностью книгами и вполне удовлетворительной организацией;
- Боровичский комитет отмечает замечающееся благотворное влияние на население своей единственной библиотеки в с. Красном;
- Устюженский комитет признает «негигиеничными» условия, в которых находится библиотека в Устюжене и «неудобство помещения Мегринской библиотеки»;
- Белозерский комитет находит, что дальность расстояния многих селений от библиотеки служит серьезным препятствием для пользования книгами, другими словами, чувствуется недостаток в библиотеках.

В отчете были включены мнения многих заведующих библиотеками. Последние полностью признавали необходимость дальнейшего развития полезной деятельности библиотек. Также поднимался вопрос о срочной необходимости значительного расширения каталога книг, допущенных к обращению [11, с. 203].

За период с 1899 по 1912 г. библиотеки попечительства посетило более 1000 000 человек. За этот же период было выдано более 400 000 абонементов. Цифра эта достаточно высока, и как указывал Д.Г. Булгаковский, «число абонементов доходило до 80% по отношению к грамотному населению Новгородской губернии» [12, с. 72].

Одним из способов борьбы попечительств со злоупотреблением крепкими напитками являлось проведение народных чтений.

В 1900 г. по данным отчета за 1900 г. большинство чтений проводилось в Белозерском – 419 и Новгородском – до 100 [7, с. 1–2] уездах, что составляло на двоих более 90% всех проводимых чтений.

В 1902 г. устраивались народные чтения во всех городах, кроме Старой Руссы и Боровичей, и во всех уездах, кроме Старорусского и Череповецкого.

Почему Старорусский комитет совсем не устраивал чтений? Как пояснял отчет за 1902 г. «за неутверждением лекторов», хотя, конечно, этот пробел в деятельности комитета становился бы понятным только в том случае, если бы сообщалась сама причина, вызвавшая «неутверждение лекторов». Демянский комитет хоть и устраивал чтения, но сведения о них не сообщил, ограничившись указанием, что в его распоряжении имеются 15 фонарей и 181 картина, купленные еще в 1899 году.

Остальные комитеты представляют следующие данные: в городах чтения велись в 17 пунктах, причем, Новгород имел таких пунктов 5, а Кириллов – 6, остальные по одному [11, с. 204].

Народные чтения в г. Новгороде освещались в местной газете. Так, «Волховский листок» писал, что «народные чтения, устраиваемые с января месяца новгородским уездным попечительство о народной трезвости в пяти пунктах города: в здании мужской гимназии и четырех церковно-приходских школах заслуживают самую сердечную и почтительную благодарность за доставление народу в полном и широком значении приятного и полезного развлечения. От души приветствуем благое начинание, с искренним желанием дальнейшего процветания.

Чтения приковывают симпатии публики. Каждый раз далеко до начала все входные билеты проданы, и громадный зал гимназии, где помещается более 500 человек, переполнен. Многим желающим отказывают вход во избежание тесноты и шума. Вполне понятно стремление слушателей чтения: умелая постановка дела, интересная программа для ума и сердца, внятное и выразительное чтение лекторов, прекрасный волшебный фонарь и картины, образцовый порядок в обширной аудитории с чистым воздухом, – все это является приманкой небогатому классу. Сверх того, в антрактах участвует хор певчих и балалаечников. Как тут не

рваться в гимназический зал. К сожалению, в остальных пунктах чтения заметно отстают от гимназии, но необходимо принять во внимание, что не всякий лектор охотно идет в тесное помещение ремесленной управы, или городского училища и потому в последних очень тяжела организация чтений и точное исполнение программы.

Так, например, в афише значилось начало чтения в ремесленной управе ровно в шесть часов вечера, когда предназначалось исполнение по ролям драмы Островского «Гроза», а между тем публике пришлось ждать одного из лекторов до восьми часов.

В целом, подобные недостатки не кажутся автору статьи типичными: «Единичный факт не должен и не может быть обобщен. Хорошо поработали энергичные организаторы чтений Петр Иванович Дворянский и Борис Константинович Масловский» [13, с. 2–3].

В 1902 г. народные чтения в 85 пунктах. Первое место занимал Белозерский комитет, имея 30 пунктов, второе – Новгородский и Валдайский – по 16 пунктов, третье – Тихвинский, 10 пунктов, Крестецкий, Боровичский и Устюженский по 4 пункта и Кирилловский 1 пункт. Во всех 102 пунктах было устроено за год 765 чтений, что говорит о неустановившемся пока в Новгородском попечительстве обычae вести чтения более или менее регулярно. Так, сопоставление этих двух цифр указывает на то, что в среднем чтения устраиваются не чаще, нежели по одному разу в месяц в каждом пункте. Если же обратиться к частностям, то эта средняя для некоторых уездных комитетов падает значительно ниже, например: в 17 пунктах Валдайского комитета устроено 54 чтения, т.е. в среднем по 3 чтения с небольшим на пункт, в четырех пунктах Боровичского комитета – 13 чтений, т. е. тоже в среднем по три чтения на пункт, в одном пункте Череповецкого комитета состоялось 3 чтения. Таким образом, мы видим, что приведенные только что частности еще более убеждают в слабой организации этой части деятельности в губернии. Что касается средней посещаемости чтений, то судя по приводимым отчетом цифровым данным, относящимся до 557 пунктов, мы видим, что она не особенно высока, так как дает в среднем не более 115 посетителей на каждое чтение [11, с. 204].

Положительно о народных чтениях отзывались местные жители. Так местный житель Села Учно, Ратицкой волости, Старорусского уезда Се-

мен Щеголев в 1904 г. писал в газету «Волховский листок», что «в понедельник 23 февраля 1904 года в нашей народной чайной попечительства о народной трезвости состоялось чтение с туманными картинами о жизни и подвигах св. Серафима Саровского. Перед началом чтения местным священником о. А. Добровольским, с хором певчих, был отслужен молебен о даровании нашему храброму воинству победы над врагом на Дальнем Востоке. Народу собралось более 300 человек.

Певчие исполнили «Коль славен наш Господь» и «Боже, царя храни». Почтенная г-жа Хорошавина любезно предоставила для пополнения программы граммофон, которым доставлено истинное наслаждение публике, прослушавшей внимательно и с особым умилением духовные концерты» [13, с. 3].

Этот факт говорит о том, что и Старорусский уездный комитет попечительства о народной трезвости пусть и с некоторым опозданием начал проводить народные чтения.

Количество чтений росло до 1905 года, в котором их состоялось 2467, к 1912 году количество чтений уменьшилось и достигло отметки 1439, примечателен тот факт, что среди всех тем, которым посвящались народные чтения, тема о вреде злоупотребления крепкими напитками занимала ничтожную часть. Так в 1903–1907 гг. она составляла менее 1% [14, л. 12].

Достаточно важным направлением в деятельности Новгородского попечительства за период с 1899 по 1912 гг., являлось устройство воскресных школ и вечерних классов. При этом, следует признать, что работали они крайне неравномерно. Их было устроено в 1902 г. только 5, но на следующий год они закрылись.

К другим мероприятиям относилось открытие книжных складов – всего их было на губернию 1, проведение развлечений: танцевальных вечеров (состоялось более 200), театральных представлений (более 150) [14, л. 12]. Эти цифры говорят о том, что работа велась достаточно слабо, охватывала она весьма небольшое число населения.

Как видно, главная проблема заключалась в том, что, занимаясь зарабатыванием денег, развлекая местных жителей, организаторы забывали главное – систематическую работу по пропаганде трезвого образа жизни, искоренению пагубных привычек.

Значительным событием в деятельности Новгородского попечительства стал 1914 г., когда в г. Крестцы был построен земской уездной управой народный дом при участии Крестецкого уездного комитета попечительства о народной трезвости. Народный дом служил культурным центром. Был там актовый зал, оркестровка, читальня, игровые комнаты, буфет, комнаты для деловых встреч, где обсуждались сделки с купцами и другими деловыми людьми. Приезжали со спектаклями артисты из Петербургского драматического театра, Малого оперного театра. Ставила спектакли и крестецкая интеллигенция, состоящая из учителей, медработников и служащих. Ставились произведения Н.А. Островского, «Лес», «Бесприданница», «На бойком месте», «Свои люди – сочтемся». А.М. Горького – «На дне». На репетиции отпускали с работы с сохранением заработной платы, платили из отчислений за участие в спектаклях, давали хлеб, сахар, варенье.

Значительную роль в финансировании строительства народного дома в г. Крестцы сыграло Новгородское попечительство о народной трезвости.

Так Председатель Крестецкого уездного комитета попечительства о народной трезвости писал следующее: «В 1911 г. по инициативе Крестецкой уездной земской управы был начат сбор пожертвований на увековечение в городе Крестцы незабвенной памяти царя-освободителя, государя императора Александра II. К великому сожалению, ввиду незначительности собранной суммы вместо монумента было принято решение увековечить память императора «путем создания учреждения просветительского типа (народного дома)» [15, л. 2].

Необходимо отметить, что Новгородское попечительство весьма халатно относилось к своим обязанностям по предоставлению отчетов в Министерство финансов. Так и не были представлены отчеты о деятельности попечительств за 1904 и 1912 годы. Подобная безответственность была характерна для многих губерний, можно даже сказать, что это стало общероссийской тенденцией. Так в 1908 г. государственный контролер сообщал министру финансов о постоянном нарушении комитетами установленного порядка по учету средств попечительств и по составлению

ими отчетности на ревизию в контрольные палаты. При этом были выявлены следующие недостатки:

1. Отчетность попечительств доставляется в палаты со значительным опозданием против установленных сроков, нередко достигающих года, а иногда даже нескольких лет;
2. Доставляемая на ревизию отчетность не отличается полнотой и порядком и вообще ведется небрежно, с помарками, подчистками и не относящимися к делу заметками. В приходо-расходных книгах часто не подводится годовых итогов, а некоторыми комитетами эти книги даже и вовсе не ведутся.
3. В отношении порядка расходования сумм попечительств, – как общее явление, – могут быть следующие неправильности: выдача операционных авансов в то время, когда не существует надобности в производстве расходов, и при том в размерах, нередко превышающих установленные нормы; несвоевременность сдачи остатков от авансов казначейства; выдача новых авансов без представления счетов по ранее выданным; производство расходов непосредственно из собранных сумм и возврат сумм израсходованных из собственных средств, сверх авансов без предварительного сношения с контрольными палатами [16, л. 1 об.].

Приведенные факты указывают, что деятельность попечительства в Новгородской губернии хронологически по активности и характеру своей деятельности делилась на два периода:

- 1) с 1898 г. по 1905 г., который характеризуется увеличением числа учреждений попечительства: таких как библиотеки, читальни, чайные, и ростом числа народных чтений;
- 2) с 1906 г. по 1912 г. характеризуется прогрессивным ослаблением деятельности, причиной которых, в частности, являлось уменьшение государственного финансирования, уменьшение членов попечительства, события революции 1905–1907 г. и падение интереса общества к деятельности самих попечительств.

Если же говорить об основной задаче попечительства: борьбу со злопотреблением населения крепких напитков и незаконной торговлей, то можно с полной уверенностью, сказать, что с данной задачей они не справились. Это подтверждается тем фактом, что по данным Главного управ-

ления неокладных сборов и казенной продажи питей за период с 1900 по 1912 г. Новгородским попечительством было обнаружено только 2 случая незаконной торговли, а потребление крепких напитков населением в Новгородской губернии и количество смертей от пьянства на протяжении не уменьшалось, а стабильно росло.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Андреев В.А.** Попечительства о народной трезвости. М., 1901.
- 2.** Попечительства о народной трезвости 1895–1898. СПб., 1900.
- 3.** ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 887.
- 4.** Об утверждении рисунка знака для членов Попечительств «О народной трезвости» с описанием сего рисунка: высочайшее повеление объявленное министром финансов от 10 февраля 1895 г. № 11367 // ПСЗ РИ: ПСЗ РИ: в 33 т. – Собр. 3. СПб.: Гос. тип., 1899. Т. XV.
- 5. Лебедев В.А.** Питейное дело. СПб. 1898.
- 6.** Новгородская памятная книжка на 1900 г. Новгород, 1899.
- 7.** Отчет о деятельности Новгородского попечительства о народной трезвости за 1900 год. Новгород, 1901.
- 8.** ГАНО. Предисловие к описи. Ф. 549.
- 9. Варб Е.** Общественно-педагогическое значение деятельности попечительств о народной трезвости. М. 1899.
- 10.** Попечительства о народной трезвости за 1900 г. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей по Статистическому отделению. СПб, 1903.
- 11.** Вестник попечительств о народной трезвости № 8 от 1904 г.
- 12. Булгаковский Д.Г.** Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895-1909 г.) Ч.1. СПб. 1910.
- 13.** Волховский листок № 179 от 29.02.1904 г.
- 14.** ГАНО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 4.
- 15.** ГАНО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1.
- 16.** РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 327.

СТУДЕНТЫ ПЕТРОГРАДСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В данной статье, раскрывая тезисы ранее проведенных исследований [10], попытаемся поставить ряд проблем изучения студенчества Политехнического института в годы Первой мировой войны.

Осень 1914 г. была отмечена началом призыва студентов российских высших учебных заведений в армию. Естественно, не обошел стороной этот процесс и Петербургский (затем Петроградский) политехнический институт. После сходки по случаю опубликования высочайше утвержденного манифеста о приеме студентов в ряды армии, от имени студентов Политехнического института была направлена телеграмма императору: «Ваше Императорское Величество! Студенты Петроградского политехнического института благодарят за оказанную милость и доверие призывом в действующую армию и выражают готовность лечь костью за Родину, Царя и лучшее будущее России» [1].

Призыву в 1914 г. подлежали в основном студенты, принятые в институт в 1912 и 1913 годах (студенты последнего приема, за редким исключением, не достигли призывного возраста). Студенты, сдавшие зачеты за три первых курса, не призывались, но среди них были уходившие на фронт добровольно. В институте опубликовали списки студентов, подлежащих призыву в действующую армию в 1914 г. В них насчитывалось 2653 человека [2]. Впрочем, В.А. Смелов, приведший эти данные в обширном исследовании дореволюционной истории Политехнического института, не уточняет, какое именно число студентов ушло в армию в 1914 г. В более поздней работе В.А. Смелов и его соавтор Р.А. Панов утверждают, что в «начальный период» войны «массовых призов среди студентов не было, их уход на фронт или, чаще, в военные училища был в основном на добровольной основе» [3, с. 267].

В следующем 1915 г. в армию со студенческой скамьи, по данным Смелова, ушло 1583 человека (чуть более 40 % студентов) [4, с. 562].

5 марта 1916 г. в институте была предпринята неудачная попытка собрать сходку студентов с протестом против призыва в армию и с предложением создавать в воинских частях, куда будут направлены студенты, революционные организации. Распространялась листовка на эту тему, подписанная объединенным комитетом студенческой социал-демократической фракции высших учебных заведений Петрограда [5, л. 253–254]. 31 марта на неразрешенную сходку собирались от 200 до 300 студентов. На этот раз большинство ораторов говорили о необходимости единения для достижения победы в войне [5, л. 263]. Вопрос о степени распространенности среди студентов антивоенных и революционных настроений в период Первой мировой войны заслуживает специального изучения.

По имеющимся немногим данным трудно судить о количестве студентов, уклонявшихся от призыва. Известен случай с Семеном Симановичем, сыном купца Ариона Симановича – личного секретаря Г.Е. Распутина. С. Симанович, призванный в армию в июне 1916 г., был после обследования в Николаевском военном госпитале признан совершенно негодным к военной службе. Произошло это не без участия отца. После восстановления в институте Симанович похвастался перед своими сокурсниками тем, каким образом смог избежать участия в войне, и был награжден пощечинами [4, с. 558].

Любопытно то, что о своем остром нежелании попасть на военную службу упомянул спустя много десятилетий студент В.М. Скрябин, более известный под псевдонимом Молотов и ставший вторым лицом в Советском государстве после И.В. Сталина [6, с. 136–138].

Массовый призыв студентов в армию состоялся осенью 1916 г. Согласно порядку, установленному Военным министерством, в первую очередь призывались первокурсники 1895 г. рождения, во вторую второкурсники 1894 г., в третью первокурсники 1894 г. рождения и так далее. Студенты третьего и четвертого курсов призыву не подлежали. В институте были составлены списки подлежащих призыву, затем публично проведена жеребьевка внутри списков, так что каждый студент знал свой номер. Некоторые студенты, находившиеся в середине или в конце списка или вообще в них не включенные, заявляли о добровольном поступлении в армию и тем самым сдерживали движение очереди. Среди призванных в этот период были будущий маршал Советского Союза А.А. Говоров и

теоретик космонавтики А.И. Шаргей (Ю.В. Кондратюк). Всего в ходе войны на фронт, согласно приблизительной оценке Смелова, ушло не менее половины студентов, бывших в институте в начале войны и поступивших в него до лета 1917 года [4, с. 571].

В другом исследовании авторы Смелов и Панов, говоря о примерных оценках, называют и численность студентов института, побывавших с 1914 по 1917 годы на фронтах Первой мировой: от 3000 до 3500 человек [3, с. 270].

Таким образом, вопрос о численности студентов-политехников, призванных в армию в 1914–1917 годах и побывавших на фронтах Первой мировой войны, может стать предметом дальнейшего изучения.

Студенты, уходившие в армию, обычно сначала проходили четырехмесячную подготовку в военных училищах и после этого начинали службу прaporщиками. Большинство уходило в артиллерию, меньшее количество – в инженерные войска, пехоту, связь и кавалерию. В авиацию и флот попадали единицы. Тем интереснее судьбы российских военных летчиков, бывших студентов Политехнического института. 24 февраля 1916 г. на заседании совета института было зачитано письмо с фронта о пленении бывшего студента механического отделения Александра Мартынова. Будучи летчиком, он вылетел на разведку, попал в сильную облачность и, израсходовав горючее, вынужден был приземлиться на контролируемой противником территории [4, с. 570].

Любопытной, а отчасти комической приметой того времени стала волна перемен немецких (или звучавших как немецкие) названий, имен и фамилий на русские. Коснулась она и студентов, а также выпускников Политехнического института. Так, студент Инженерно-строительного отделения Прусаков стал Андреевым, а его коллега по отделению Николай Оттович Фюрер-Оберштеттер – Николаем Антоновичем Болимовым. Скорее всего, именно в это время бывший студент-электрик Е.А. Фейерабенд превратился в Вечорина [7, с. 6–15]. Вероятно, были и другие случаи перемен имен и фамилий студентов, но их еще предстоит установить.

1 октября 1914 г. принял первых раненых госпиталь, организованный в бывшем первом общежитии института. Образовалась студенческая санитарная дружина, занимавшаяся перевозкой, переноской и регистрацией раненых. При поступлении большой партии раненых (до ста человек)

дружина занималась и перевязочной работой, чему студентов обучили профессиональные медики. Студенты из санитарной дружины занимались также обучением неграмотных раненых чтению и письму. Вслед за тем был открыт госпиталь и в третьем общежитии. 10 октября 1914 г. император собственноручно написал на докладе министра: «Тронут чувствами студентов и ценю их горячую готовность послужить Родине и мне в эту великую войну» [4, с. 537].

Весной 1915 г. в госпиталях трудилось до 220 студентов. Летом их осталось около 50. Осенью многие вернулись. Силами студенческой санитарной дружины было организовано обучение раненых грамоте [4, с. 563].

В 1915 г. при институте были созданы курсы для подготовки радиотелеграфных техников из числа студентов. Действовали они, вероятно, на той же учебной базе, что и офицерские курсы по радиотелеграфии, существовавшие в 1915–1917 годах [8, с. 164]. Деятельность студенческих курсов радиотелеграфных техников почти не получила освещения в литературе и заслуживает более глубокого исследования.

В военные годы развивались самоорганизация и взаимопомощь студентов. Так, в связи с ухудшением снабжения города продовольствием в 1915 г. студенты решили обеспечить себя сахаром, создав снабженческий кооператив с участием полутора тысячи человек, внесших по 2 рубля [4, с. 561]. И этот сюжет достоин дальнейшего изучения.

В ночь на 11 марта 1917 г. студенты Политехнического института приняли участие в сожжении трупа Г.Е. Распутина, убитого в декабре 1916 г. По решению Временного правительства гроб с телом Распутина, первоначально захороненный в Царском Селе, был тайно выкопан. Гроб повезли на автомобиле в Лесной корпус для захоронения или сожжения. По дороге в Пискаревку автомобиль застрял в снегу. Ответственный за уничтожение трупа Ф.П. Купчинский съездил в Политехнический институт и получил от секретаря совета старост института И.Я. Башилова разрешение на сожжение трупа в институтской котельной. В помощь были выделены шесть студентов-милиционеров. О дальнейших событиях рассказывает «Акт о сожжении тела Григория Распутина». Текст этого документа опубликовал В.А. Смелов, указав, что он хранится в Музее политической истории России, но, не приведя точной ссылки:

«Мы, нижеподписавшиеся, между 7 и 9 часами в ночь 10–11 сего марта совместными силами сожгли тело убитого Григория Распутина, перевезенное на автомобиле уполномоченного временного комитета Государственной Думы Филиппом Петровичем Купчинским в присутствии представителя Петроградского общественного градоначальника ротмистра 16 уланского Новоархангельского полка Владимира Павловича Кочадеева. Самое сожжение имело место около большой дороги у Лесного в деревню Пискаревку при абсолютном отсутствии других свидетелей, кроме нас, ниже руки свои приложивших:

Ф. Купчинский, представитель от градоначальника, ротмистр 16-го Уланского Новоархангельского полка Кочадеев, студенты Петроградского политехнического института – милиционеры С. Богачев, Н. Моклович, Р. Фишер, М. Шабанов, В. Владыков, Лихвицкий.

Акт был составлен в моем присутствии и подписи удостоверяю. Дежурный по караулу прапорщик Парвов» [4, с. 592–593].

Смелов отмечает, что приведенный текст акта вызывает вопросы. В частности, упомянутые в нем фамилии не вполне совпадают с имеющимися в архивных материалах. Так, в числе студентов института были не Н. Моклович, а И. Моклович, отчисленный в 1916 г., не М. Шабанов, а М. Шабалин, учившийся с 1912 по 1920 г., не Лихвицкий, а С. Лиховицкий, учившийся с 1916 г. Смелов также указывает на устное свидетельство профессора Е.Д. Кадомского о том, что последний, будучи студентом, находился в оцеплении места сожжения трупа Распутина, и это событие произошло в районе нынешнего стадиона Политехнического института, а не в кательной института, как утверждается некоторыми авторами [4, с. 593].

Автор одной из наиболее обстоятельных биографий Распутина, А. Варламов приводит несколько иной вариант этого текста, в котором в качестве подписавших документ студентов фигурируют «С. Богачев, Р. Яшин, С. Пиро..., Н. Моклович, М. Шабалин, В. Вакулов» [9, с. 708]. Причем Варламов вообще не указывает место хранения документа, а цитирует его по публикации в документально-художественной книге В.А. Возчикова, Ю.Я. Козлова и К. Г. Колтакова «Костер для «святого черта», изданной в 1998 г. в Бийске.

Вероятно, именно к этому документу относится упоминание одного из мемуаристов о виденном им в служебном кабинете А.Ф. Керенского

«протоколе», удостоверявшем обстоятельства сожжения тела Распутина [9, с. 710–711].

К сожалению, при подготовке данной статьи у нас не было возможности провести поиск подлинника указанного документа. Укажем лишь на то, что и обстоятельства сожжения тела Г.Е. Распутина, и участие в нем студентов-политехников также нуждаются в дополнительном исследовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Новое время. 10 октября 1914 г.
2. Новое время. 15 ноября 1914 г.
3. **Смелов В.А., Панов Р.А.** Петроградский политехнический институт в годы Первой мировой войны // Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в истории России XX – начала XXI в. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2013.
4. **Смелов В.А.** Санкт-Петербургский политехнический дореволюционный. СПб.: Береста, 2012.
5. РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 9.
6. **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневников Ф. Чуева. М.: Терра, 1991.
7. **Ведерников В.В.** Воспоминания Е.А. Вечорина: попытка источниковедческой критики // История Санкт-Петербургского политехнического университета в контексте истории отечественной и мировой науки и образования. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2009.
8. **Бочаров А.А.** История Санкт-Петербургского политехнического института в документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота // История Санкт-Петербургского политехнического университета в контексте истории отечественной и мировой науки и образования. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2009.
9. **Варламов А.** Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.
10. **Бочаров А.А.** Студенты Петроградского Политехнического Института в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXV междунар. годичной конф. Санкт- Петерб. Отд. Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в Первую мировую войну» (24–28 ноября 2014 г.) Вып. XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. – С 298 – 299. ISBN 978-5-906782-04-5

МОНАСТЫРСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Христианская благотворительность связана с церковным учением о помощи нуждающимся как отражение всеобъемлющей любви к ближнему, основы которого восходят к первым векам христианства. «В рай входят святой милостыней» – одна эта поговорка, весьма распространенная в дореволюционной России, свидетельствует о прочном усвоении разными слоями общества правила, что вера без дел мертвa. Следует отметить, что личная милостыня была не просто исполнением заповеди о любви к ближнему. «Никакими методами социологического и изучения нельзя вычислить, – писал в конце XX века В.О. Ключевский, – какое количество добра вливала в людские отношения эта ежедневная, молчаливая тысяче-рукая милостыня, насколько она приучала людей любить человека и отучала бедняка ненавидеть богатого» [1, с. 80].

Благотворительный институт Русская Православная Церковь унаследовала от Константинопольской Церкви и Византии. Со времени христианизации Руси до петровских реформ дело благотворительности или «общественного призрения» почти полностью находилось в руках Православной Церкви. Оно было закреплено за Православной Церковью еще церковным уставом князя Владимира, при котором состоялось крещение Руси. Наряду с «чернцами и попами», «нищия, слепые и хромые» считались «церковными людьми». Такой порядок засвидетельствован и в Судебнике 1550 г.: «...а на монастырях жити нищим, которые питаются милостыней от церкви Божией» [2, с. 279].

В дореволюционной России церковная благотворительность осуществлялась приходами, братствами и монастырями. Самоорганизующиеся, финансово независимые приходы могли содержать и поддерживать инвалидов, престарелых и сирот. Так, писцовые книги XVI–XVII вв. свидетельствуют о существовании богаделен при многих приходских храмах.

К середине XIX в. традиция церковной благотворительности несколько ослабла в связи с общим упадком приходской социальной актив-

ности. В попытках возрождения благотворительной деятельности ее сторонники обратились к опыту Юго-Западной Руси, где с XVI в. существовал институт братств. Изначально братства – это собрание духовенства и активных мирян одного либо нескольких приходов, иногда одного города, уезда, реже – епархии. Одной из основных сфер деятельности братств была благотворительность, в которой они достигли определенных успехов. В 1864 г. Александром II было принято законодательство о церковных братствах и церковно-приходских попечительствах, урегулировавшее юридический статус братств и организацию церковно-приходских попечительств. Это создавало определенные благоприятные условия для дальнейшего развития церковной благотворительности. Так, широкую известность приобрели приходские общества Петербурга. Известным поборником приходской благотворительности был священник Александр Гумилевский, основавший в 1863 г. в столице приходское Александро-Иосифовское братство. В одном только Христорождественском приходе действовали приют-школа, рукодельный приют, богадельня для одиноких женщин, бесплатная квартира для нищих, больница, братские обеды для нищих, община сестер милосердия [2, с. 283].

В 1914 г. С. Рункевич отмечал, что за 50 лет в Петербурге возникли 33 жизнеспособные приходские организации с общим капиталом в 5 млн. рублей, дававшие приходское вспомоществование нуждающимся годовым объемом в 4 тыс. руб. денежных постоянных и единовременных пособий и до 200 тыс. руб. на бесплатные обеденные порции. Имелось 1000 мест в собственных богадельнях, 800 мест в детских приютах, 200 – в бесплатных квартирах; далее следует упомянуть несколько библиотек, бесплатную медицинскую помощь [3, с. 23].

Важными центрами церковной благотворительности еще со времен Древней Руси являлись православные монастыри. Однако как в дореволюционной, так и в современной исторической литературе тема монастырской благотворительности не входит в основные направления изучения истории русского монашества [4, с. 7–10].

В Древней Руси различали три вида иноческой жизни: общежитие, житие особное и отходное. Отходному житию посвящали себя люди, стремившиеся жить в полном пустынном уединении, посте и молчании. Оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал

иноческого совершенства в школе общего жития. Особое житие вообще предшествовало монастырскому общежитию и было подготовительной к нему ступенью. Оно было распространено в Древней Руси и принимало различные формы. Иногда люди, отрекавшиеся или помышлявшие отречься от мира, строили себе кельи у приходского храма, избирали даже игумена как духовного руководителя, но жили отдельными хозяйствами и без определенного устава. Другие селились в пустынной местности человека по два, по три, образуя небольшие отшельнические поселки. Такое особое житие само собой переходило в общежитие [5, с. 157–162].

Общежительный монастырь – это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией. Ничего не считать своим, но все иметь общее – главное правило общежития. Общежительный монастырь под руководством деятельного основателя представлял рабочую общину, в которой занятия строго распределялись между всеми, каждый знал свое дело, и работы на каждого шли на «брасскую нужду». Такие монашеские земледельческие общины, располагавшие значительными запасами продовольствия, не только кормили бедных в своих монастырях, но в неурожайные годы помогали соседним селам хлебом и другим продовольствием. Писцовые книги XVI в. при описании монастырских земель и хозяйств очень часто упоминают особые приюты для бедных. Особенно был широко известен своей благотворительностью Троице-Сергиев монастырь. «Туда, – писал во второй четверти XVI в. С. Герберштейн, – ежегодно стекается множество народа, чтобы поклониться святыне… И сколько бы ни собралось людей, всем всегда хватает еды, и всегда остается столько, сколько нужно для пропитания монастырских слуг, так что там никогда нет ни недостатка, ни избытка» [5, с. 192].

В XVII в. за счет доходов от монастырских владений Патриаршей области в Москве был создан приют для нищих на 412 человек. В Савино-Строжевском монастыре под Москвой было две больничные койки на 48 мест для иноков и мирян. В Новгороде за счет епархиальных монастырей содержались две больницы, два ночлежных дома и приют для нищих [5, с. 192].

После Смуты начала XVII в. в некоторых монастырях появились сиротские приюты. В 1651 г. в Троице-Сергиев монастырь было прислано

много сирот – детей павших в сражениях служилых людей. В это время в обители было до 600 сирот, которые не только получали кров и содержание, но и обучались чтению, письму и ремеслам. Большое количество детей было помещено в специально выстроенном для них в 1636 г. доме в Соловецком монастыре, где они содержались за счет монастыря. Особен-но хорошо был организован сиротский приют в Кирилло-Белозерском монастыре. Дети были распределены по кельям, от монастыря получали еду, одежду и на Пасху подарки. Приютом управлял особый монах-воспитатель – «старец для голышни». В возрасте 18–20 лет они уже име-новались детенышами и получали от монастыря дворы с земельными на-делами, на которых вели свое хозяйство и выполняли кое-какие работы для монастыря. Сироты в основном происходили из деревень, расположенных рядом с монастырем [5, с. 192–193].

В ходе Отечественной войны 1812 г. православные обители сделали крупные вклады на создание отрядов народного ополчения. Так, Троице-Сергиева лавра внесла 70000 руб. ассигнациями, 2500 руб. серебром и 5 пудов 20 фунтов 20 золотников серебра в вещах и слитках, Александро-Невская лавра – 25225 руб. ассигнациями и 5 пудов 37 фунтов 85 золотников серебра [6, с. 81].

В начале XX века и накануне Первой мировой войны монастыри ак-тивно участвовали в широко развернувшемся православном трезвенниче-ском движении.

Таким образом, на каждом этапе развития монастырской благотвори-тельности расширялись и видоизменялись формы проявления сострада-тельности к тем, кто нуждается в помощи – к убогим, нищим, сиротам и пр.

Начавшаяся в 1914 г. война, оказавшейся небывало кровопролитной и разорительной, внесла заметные корректизы в традиционные формы мо-настырской благотворительности. Спешно переоборудовались под госпи-тали и расширялись монастырские больницы, открывались новые. Так уже к концу 1914 г. лазареты были открыты в 207 монастырях из 1256 обителей, существовавших к тому времени на территории Российской империи. 139 лазаретов были собственно монастырскими, а 68 принадле-жали другим организациям. В собственно монастырских лазаретах насчи-тывалось 4135 кроватей [7, с. 283].

Наибольшее число монастырских лазаретов открылось в Московской (на 1251 кровать), Петроградской (360) и Киевской (356) епархиях. В Московской епархии особо выделялся лазарет, открытый Троице-Сергиевой лаврой на 200 кроватей. 150 мест насчитывалось в госпитале Московской Покровской общине. Примечательно, что в расходе на его содержание участвовали все московские монастыри.

С началом мировой войны существенно выросла благотворительная деятельность Александро-Невской лавры. Обитель оборудовала и отправила на фронт передвижной лазарет. Существовал еще один этапный лазарет Александро-Невской лавры на театре военных действий, который с 1916 г. во Франции обсуживал русские войска. В самой лавре был открыт небольшой госпиталь на 30 мест. В ее храмах регулярно проводился сбор пожертвований для раненых воинов. В 1915 г. в Серафимо-Антониевском скиту было построено специальное здание для размещения там приютаувечных воинов. Кроме того, на полном содержании обители проживали священники-беженцы из Галиции, по почте оказывалась финансовая и материальная помощь русским военнопленным [8, с. 89, 90]. Лазарет Петроградского Воскресенского женского монастыря был рассчитан на прием 140 человек.

В начале войны была переоборудована под госпиталь образцовая больница Киево-Покровского женского монастыря. В Киеве это был самый хорошо оборудованный госпиталь, принимавший до 225 раненых и больных. Монахини и послушницы работали в нем в качестве сестер милосердия. Лазарет при Киево-Печерской лавре имел 120 кроватей.

Хорошо оборудованные монастырские лазареты были развернуты и в других епархиях. Например, госпиталь в Ростовском Спасо-Яковлевом монастыре, рассчитанный на 150 раненых, имел не только операционную и перевязочную, но и рентгеновский кабинет [7, с. 283].

Действенную помощь солдатам Русской Армии стремились оказать и менее крупные и не столь известные в православном мире монастыри, расположенные в основном в российской провинции. Так, в Белевском Спасо-Преображенском монастыре на средства обители был открыт лазарет на 12 кроватей. Для лазарета настоятель монастыря архимандрит Петр (Зверев) – впоследствии архиепископ Воронежский, ныне прославленный в лике Новомучеников Российских – отвел свои келейные покои, а сам поселился

под колокольней в малоудобном помещении. Монастырь бесплатно кор-мил жен и сирот воинов. Например, в 1916 г. для них было устроено 2562 обеда. Монастырем отчислялись средства в Общество повсеместной по-мощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Переводом также от-сылались средства на строительство храма на Куликовом поле и храма в память павших воинов сухопутной армии и на устройство и поддержание в должном порядке мест для погребения их останков [9, с. 32–33].

Монастыри, размешавшие в своих стенах лазареты других организа-ций, чаще всего отдавали под них гостиницы для паломников («странно-приимницы»). В них могли разместиться порой довольно большие лазаре-ты. Например, военное ведомство устроило в Киево-Михайловском мона-стыре госпиталь на 450 кроватей. Звенигородское уездное земство откры-ло лазарет в Ново-Иерусалимском монастыре. Параскево-Вознесенский женский монастырь Пензенской епархии отвел под госпиталь Земского союза трехэтажный корпус. Всего в монастырях, по неполным данным, были открыты госпитали других организаций и ведомств на 5455 мест. Общее число раненых и больных в этих лазаретах было даже больше, чем собственно в монастырских. Следует особо подчеркнуть, что монастыри, как правило, принимали участие в содержании развернутых на их терри-тории госпиталей. Например. Ново-Иерусалимский монастырь единовре-менно пожертвовал на устройство госпиталя 500 руб., отапливал и осве-щал его за свой счет и бесплатно снабжал продовольствием. Параскево-Вознесенский монастырь оборудовал лазарет на свои средства и участво-вал в его содержании.

Монахини и послушницы ухаживали за ранеными не только в собст-венных монастырских лазаретах, но и в других. Так, сестры Новоторж-ского монастыря Тверской епархии обслуживали лазарет Земского союза на 500 раненых, устроенный в здании духовной семинарии. В различных госпиталях той же епархии работали сестры Тверского, Оршина, Стариц-кого, Мариинского, Вышневолоцкого, Казанского, Кашинского, Шеста-ковского и Ильинского монастырей. Во многих женских обителях были организованы мастерские по шитью белья для лазаретов. В целом жен-ские монастыри, и ранее склонные к благотворительной деятельности, в годы войны особенно активно выступили на этом поприще [7, с. 284].

Некоторые монастыри проявляли заботу о семьях солдат и офицеров, ушедших на войну. Григорие-Бизюков монастырь Херсонской епархии бесплатно снабжал ржаной мукой свыше 750 таких семей. Киево-Михайловский монастырь взял на свое иждивение 12 семей военнослужащих, Нижегородский Оранский монастырь оказывал помощь 60 семьям. В 10 монастырях в 1914 г. были открыты небольшие приюты для осиротевших детей. В 1915 г. число и вместимость этих приютов значительно выросли [7, с. 284].

В годы войны стало меняться отношение монашествующих к делу благотворительности и формам участия в этом деле. Патриотический порыв выразился в служении представителей черного духовенства вне монастырских стен в качестве духовников различных воинских частей и медико-санитарных учреждений. Некоторые иноки заняли должности полковых священников. Многие монахи были командированы в полевые госпитали и лазареты, где они оказывали раненым духовную помощь. Так, молодой ученый иеромонах Александро-Невской лавры Николай (Ярушевич) определением Св. Синода от 26 октября 1914 г. был командирован на театр военных действий с санитарно-питательным поездом в качестве духовника-проповедника, с сохранением звания профессорского стипендиата. Интересно отметить, что этот поезд был организован известным ультраконсервативным политическим деятелем, депутатом Государственной Думы В.М. Пуришкевичем.

Молодой ученый иеромонах, поступивший в ведение протопресвитера военного и морского духовенства, отправился к линии фронта, чтобы утешать раненых в боях воинов, напутствовать умирающих, ободрять павших духом. Приказом протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского от 27 ноября 1914 г. иеромонах Николай был переведен из санитарно-питательного поезда в лейб-гвардии Финляндский полк исполняющим обязанности полкового священника. Этот один из славнейших полков Российской гвардии с началом войны был отправлен для усиления армии, и уже в октябре принимал участие в боях под Варшавой, а ноябрь – в тяжелейших боях под Krakowem. О. Николай прибыл в измотанный сражениями полк на место иеромонаха Нило-Столбенской пустыни Амвросия и сразу же ревностно приступил к своим паstryрским обязанностям. В связи с этим следует отметить, что служение военного духо-

венства в годы Первой мировой войны было поистине подвигническим. Помимо непосредственных обязанностей, строевому священнику предписывалось во время боевых действий находиться на передовом перевязочном пункте, а в случае необходимости перемещаться вперед и, если потребуется, даже за окопы. Он должен был помогать врачам и санитарам при перевязке больных, заведовать уборкой с поля убитых и раненых воинов, заботиться о поддержании воинских могил и вести переписку с родственниками убитых [10, с. 58–59].

Свои впечатления от увиденного на фронте иеромонах Николай отсыпал в Петроградские журналы и газеты. В своих корреспонденциях он нарисовал яркие картины разрушений и человеческих страданий, а также восхищался «самоотверженностью русского христолюбивого воинства». Стремление облегчить физические страдания раненых и умирающих воинов породили у иеромонаха Николая увлечение медициной. Он начал старательно изучать медицинские пособия. Но главной его задачей оставалось духовное утешение страждущих и напутствие на исполнение воинского долга. Впоследствии, уже в советскую эпоху, о. Николай станет одним из самых известных и выдающихся иерархов Русской Церкви – митрополитом Крутицким и Коломенским, председателем отдела Внешних сношений и председателем Издательского отдела Московской Патриархии, постоянным членом Св. Синода и основным помощником патриарха Алексия I в управлении Церковью в 1940–1950-е гг.

Большая благотворительная работа проводилась будущим основателем Русской Зарубежной Церкви владыкой Антонием (Храповицким). Начало Первой мировой войны застало его на Харьковской кафедре. Он лично благословлял части войск, отправлявшиеся на фронт, служил молебны, произносил вдохновенные патриотические проповеди. Но не только словом, но и делом архиепископ Антоний помогал своему народу в трудную минуту его истории. Он жертвовал деньги на устройство новых госпиталей и призывал к тому же свою паству.

В 1915 г. Харьковская епархия наполнилась беженцами, приехавшими из Галиции, Волыни и Холмщины. Владыка старался сделать все, что мог, чтобы помочь прибывающим и облегчить их положение, проявляя при этом искреннюю заботу. Монашествующих он разместил по монастырям Харьковской епархии, белое духовенство при первой возможно-

сти устраивал на приходы. Простому народу предоставлял работу, а часть устраивал на содержание монастырей. За эти труды владыка в 1915 г. был награжден орденом св. Александра Невского [11, с. 394, 395].

Таким образом, в жизненно важное дело врачевания военных ран представители черного духовенства и православные обители в целом внесли значительный вклад. Следует заметить, что он мог быть еще больше, если бы в предвоенные годы не был сделан резкий крен в сторону созерцательного направления в русском монашестве. Поэтому в годину военных испытаний и бедствий трудно было сразу развернуть дело помощи нуждающимся. Кроме того, и в военный период значительная часть монастырей продолжала жить по-старому, ограничиваясь лишь денежными отчислениями на благотворительные нужды. В связи с этим важно учесть, что многие обители сами оказались в весьма стесненных обстоятельствах вследствие уменьшения численности паломников, растущей дороговизны и обеднения населения, сокращения пожертвований, убыстряющейся инфляции, и были вынуждены покрывать разницу в доходах и расходах за счет накоплений прошлых лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Ключевский В.О.** Добрые люди древней Руси // Богословский вестник. 1892. № 1.
- 2. Добровольская Т.А., Мастеропуло А.П., Поддубный М.В.** О перспективах возрождения христианской благотворительности //На пути к свободе совести. М., 1989.
- 3. Рункевич С.** Приходская благотворительность в Петербурге. СПб., 1914.
4. Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002.
- 5. Смолич И.** Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997.
- 6. Мельникова Л.В.** Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002.
- 7. Зырянов П.Н.** Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002.
- 8. Шкаровский М.В.** Александро-Невская Лавра. 1913–2013. Т. 1. СПб., 2012.
9. Герасим (Дьячков), иеромонах. Белевский край. Очерки церковной жизни XX–XXI вв. М., 2010.
- 10. Сурков С.А.** Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.
- 11. Никон (Рклицкий), архиепископ.** Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время 1863–1936. Кн. вторая. Нижний Новгород, 2004.

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ

В 2014 году весь мир отмечал столетие события, определившего ход и характер событий новейшей мировой истории, – начало Первой мировой войны. Роль этой войны в последующих событиях в разных странах столь велика, что с течением времени количество публикаций, постоянных музейных экспозиций и временных выставок, посвященных ей, только возрастает, особенно в нашей стране. Этому есть свои причины, которым можно посвятить отдельную статью, но в данном случае следует обратить внимание на то, что большинство монографических изданий, а также тематических сайтов о Первой мировой войне [1] содержат, прежде всего, информацию о дипломатической истории войны, ходе боевых действий и т. п. В данном случае будем рассматривать не весь массив издаваемой литературы, носящей, в том числе, и околонаучный характер, а исследования и публикации документов, которые могут рассматриваться как нетенденциозные и отражающие современный уровень достижений исторической науки в области изучения Первой мировой войны. Сюжеты же, связанные с большинством населения всех воюющих стран, т.е. гражданским населением в тылу редко оказываются в центре внимания, если только они не связаны с последующими революционными событиями. На этом фоне, особенно в отечественной исторической науке, можно назвать не очень много исследований, в которых сделана небезуспешная попытка рассмотреть феномен мировой войны во всех аспектах [2].

В предлагаемой небольшой статье автор выскажет некоторые соображения по поводу двух экспозиций, посвященных Первой мировой войне: Музея «Россия в Великой войне», открытого к юбилею в Государевой Ратной палате Царского Села и временной выставки «Der Erste Weltkrieg 1914–1918», работавшей летом-осенью 2014 г. в Германском историческом музее (DHM) в Берлине.

Начиная Первую мировую войну, правительства воюющих держав рассчитывали на ее скоротечность. Но уже к концу 1914 г. Антанта и Центральный блок убедились в ошибочности этих расчетов. Потенциал воевавших стран определялся численностью армий, возможностями их вооружения и снабжения, обеспеченностью профессиональными командными кадрами, производительностью общественного труда. В конечном счете, победа в мировой войне определялась уровнем развития экономики.

Для успешного ведения войны решающее значение имело своеевременное снабжение войск оружием и снаряжением. Материальное обеспечение армии состояло в созданных в мирное время запасах и в подготовке военной промышленности, транспорта и финансов в масштабе, обеспечивающем нужды армии в течение нескольких месяцев войны. К началу войны военные запасы во всех армиях были рассчитаны на один год. Затяжная война потребовала привлечения всех внутренних ресурсов для обеспечения армий воюющих держав. До весны 1915 г. западноевропейские армии снабжались продукцией военных заводов. С 1915 г. преобладающее место в производстве военной продукции заняли предприятия, выпускавшие до сих пор продукцию гражданского назначения.

Заготовка сельскохозяйственного сырья внутри воевавших стран значительно сократилась вследствие уменьшения площади обрабатываемых земель и призыва в армию трудоспособного сельского мужского населения. Все воюющие государства столкнулись с проблемой распределения продуктов первой необходимости для мирного населения, которая была вызвана привлечением значительной части продовольствия, в первую очередь, для обеспечения армии. В таких условиях мобилизовать все государственные ресурсы для военных нужд можно было, только создав систему государственного контроля над производством и распределением как военной, так и гражданской продукции, что было в том или ином виде сделано во всех воюющих государствах.

Государство вынуждено было вмешиваться в экономику в значительно большей степени, чем это было принято в дооценный период; переходить к планированию производства и распределения продукции. Складывались новые экономические структуры и механизмы (например, продразвёрстка, т. е. плановые поставки сельскохозяйственной продукции).

Все эти тенденции не могли не затрагивать образа и уровня жизни большинства мирного населения воюющих стран.

В музейной экспозиции «Россия в Великой войне» представлены подлинные предметы вооружения и быта участников Первой мировой войны, документальные материалы, в том числе пропагандистского характера. Здесь можно увидеть также образцы обмундирования и оружия армий государств – основных участников войны. Безусловно, отрадно видеть, что в нашей стране появился такой музей, который, конечно же, будет развиваться и расширять свою экспозицию, в том числе и при помощи средств мультимедиа. Но на фоне весьма многочисленных фотографий и материалов о деятельности членов императорской семьи в годы войны совсем немного материалов о военнопленных и практически полное их отсутствие – о жизни большинства населения огромной империи, которое в разной степени, но испытывало на себе воздействие войны, даже не находясь на передовой. При этом возникает вопрос, насколько название экспозиции в данный момент отвечает ее содержанию. Тем более, что Первая мировая война сыграла колossalную роль в подготовке революционных событий в России, в свою очередь, оказавших в межвоенный период огромное влияние на общие тенденции развития и, особенно, на социальную политику всех участвовавших в Первой мировой войне стран.

Выставка «Der Erste Weltkrieg 1914–1918» в Германском историческом музее (DHM) в Берлине, посвященная Первой мировой войне отражает, в том числе такую неотъемлемую и специфическую часть жизни любой воюющей страны как повседневная жизнь тыла. Повседневная жизнь – не как проявление внутреннего патриотизма и трудового героизма во имя Отечества, а как особенности быта, предметов и материалов, использовавшихся в условиях тотального дефицита, последствий лишений, которые испытывало подавляющее большинство населения Германии, ни одна из частей которой не была оккупирована, в отличие от России, войсками вражеских держав. Тем не менее, здесь мы видим пристальное внимание к истории повседневности германского тыла. На материалах этой выставки хотелось бы остановиться более подробно еще и в связи с тем, что в относительном выражении Германия понесла наиболее высокие человеческие потери в этой войне: 10% населения с учетом уменьшения рождаемости и увеличения смертности [3].

Так как снабжение солдат на фронте было приоритетным, гражданское население во всех воюющих странах испытывало все большие лишения по мере продолжения войны, хотя и поставки продовольствия для солдат и унтерофицеров на фронте вряд ли могли считаться удовлетворительными, особенно в Германии и Австро-Венгрии. Осенью 1914 г. в Германии уже были введены максимальные цены на хлеб, картофель, сахар и жиры. С начала 1915 г., несмотря на протесты крупных аграриев, была установлена государственная хлебная монополия, и весь хлеб должен был поступать в распоряжение Военного общества зерновых продуктов для их последующего распределения.

Общий дефицит с середины 1915 года стал повседневным явлением в тылу. Прежде всего, он присутствовал в снабжении продуктами, товарами повседневной необходимости (таких как мыло), а также топлива. Дефицит продуктов более всего затрагивал население крупных городов, в то время как сельское население располагало дополнительными источниками приобретения предметов первой необходимости путём натурального обмена. Отношения между городом и деревней осложнялись тем, что горожане часто ошибочно полагали, что крестьяне используют дефицит продуктов, чтобы взвинтить цены в деньгах или в натуральном выражении. Причины таких обид заключались в предпочтительном снабжении войск, плохих урожаях, недостаточно хорошо организованном распределении и, не в последнюю очередь, в морской блокаде Германии со стороны Великобритании. Хотя товары по-прежнему ввозились из нейтральных стран, таких как Дания, Швейцария и Нидерланды, но когда в марте 1915 г. Великобритания начала незаконно конфисковывать вывозимые через голландские порты товары, положение в Германии значительно ухудшилось.

Рост в Германии дефицита промышленных товаров повседневного спроса объяснялся также тем, что с 1915 г. преобладающее место в производстве военной продукции заняли предприятия, выпускавшие до сих пор продукцию гражданского назначения. В Германии более 7500 гражданских промышленных предприятий стали выпускать военную продукцию. Если в 1915 г. военное производство в стране давало 38% всей промышленной продукции, то в 1917 г. – 75% [4, с. 61].

У противников Германии, особенно у Великобритании, ситуация со снабжением складывалась немного лучше, хотя и у них были слабые мес-

та, прежде всего у Франции и России. Путём контролируемого государством с января 1915 года распределения хлеба (см. выше) правительство в условиях снижения урожайности хотело гарантировать равномерное обеспечение населения и предотвратить взрыв цен. В последующие военные годы система государственного нормирования распространялась на все большее количество продуктов, так что к концу войны в Германии практически не осталось бескарточной продажи основных продуктов питания.

Параллельно с системой карточного распределения оживленно развивался «черный рынок», на котором по чрезвычайно завышенным ценам можно было приобрести продукты и другие дефицитные товары. За годы войны около половины мясопродуктов и трети молочных продуктов «перекочевали» в рамки «черного рынка» [5, с. 24]. Далеко не у всех имелись деньги в том количестве, которое позволяло бы совершать эти покупки; большинство населения уже в 1917 году вынуждено было ограничиваться так называемым «голодным рационом», содержавшим около одной трети необходимых человеку калорий [5, с. 24].

В начале существования карточной системы и в соответствии с ней людям, занятым физическим трудом, было обеспечено 2500 килокалорий в день, но уже к середине 1916 г. этот уровень снизился до 1000 ккал., т. е. составлял около трети от необходимого. О динамике потребления основных продуктов питания в соответствии с карточной системой их распределения и по сравнению с последним довоенным 1913 годом даёт представление нижеследующая таблица [5, с. 25].

Продукты питания	1913	1916	1917–1918
Мясо и мясопродукты	100%	32%	12%
Хлеб и крупы	100%	39%	17%
Рыба	100%	51%	5%

На довоенном уровне оставалось лишь потребление картофеля, что во многом объяснялось присутствием картофельной муки в суррогатных (Ersatz) продуктах, постепенно заменивших полноценные продукты, распределявшиеся по карточкам.

Эрзац-продукты (хлеб, масло, кофе и др.) получали распространение и на «черном рынке», причем их состав зависел от возможностей и фанта-

зии кустарных производителей и, естественно, качество никак не контролировалось. С течением времени картофельную муку в хлебе стали заменять каштаны и желуди; в масло добавлялся крахмал или подкрашенный творог; в колбасу – растительные жиры, вода, субпродукты, которые не использовались в мирное время. В последние годы войны масло в рационе немцев почти полностью было вытеснено маргарином, сахар – сахарином и т. п. Выпускались поваренные книги с рекомендациями по использованию суррогатных продуктов. Печальную известность получила так называемая «брюквенная зима» 1916–1917 гг., когда едой большинства немцев в тылу стала исключительно брюква в различных видах. Ситуацию усугублял дефицит топлива, и десятки тысяч представителей гражданского населения ежемесячно умирали от истощения. Всего за годы войны в Германии умерло от голода свыше 700 тысяч гражданских лиц [5, с. 25]. Ужас этой повседневности демонстрируют немногие, но красноречивые экспонаты, в частности, картина Генриха Эмзена «Смерть детей» (1917–1918).

Для производства одежды также стали использоваться суррогатные материалы. С 1916 г. хлопок мог применяться только для выпуска военной продукции: взрывчатых веществ и обмундирования. Для изготовления солдатского обмундирования в последние годы войны стала использоваться целлюлоза, получившая широкое распространение сначала в качестве суррогатного материала для гражданской одежды. В текстильном производстве использовались в качестве сырья и такие волокнистые растения как дрок и крапива. На выставке в DHM можно увидеть мужские брюки, сшитые из особо прочной бумаги.

Несмотря на то, что российский исторический опыт не уступит германскому по части жизни в военных или полувоенных условиях, которые всегда влекут за собой лишения и угрозу жизни для гражданского населения, выставка в DHM поражает наглядными свидетельствами военной повседневности в тылу (иногда довольно натуралистическими): фотографиями, письмами, кадрами кинохроники, предметами быта и т. п. Для любого посетителя, а особенно для молодого, эти свидетельства несут колossalный антивоенный посыл. Именно на молодежную аудиторию ориентирована специальная экскурсия с аудиогидом по выставке. Во время такой экскурсии происходит визуализация сюжетов из классических

романов Э.М. Ремарка¹, что усиливает общее впечатление. Но школьник или студент, по какой-то причине, не читавший эти романы, все равно уйдет с выставки другим человеком, воспринимающим войну как наивысшую концентрацию ужаса, какие бы масштабы войны ни имела. Хотелось бы также отметить наличие на выставке аудиогида на русском языке, что не является сейчас характерным для многих германских музеев.

В заключение необходимо констатировать, что более всестороннее отображение жизни России во время Первой мировой войны, использование полилингвальных аудиогидов и мультимедийных средств сделают музей в Ратной палате более привлекательным и познавательным как для наших соотечественников, так и для иностранных туристов, которые не обходят своим вниманием царскосельский музейный комплекс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. История Первой мировой войны 1914—1918 гг. / под редакцией И. И. Ростунова – в 2-х томах. – М.: Наука, 1975; Зайончковский, А. М. Первая мировая война. – СПб.: Полигон, 2000; Миронов В. Б. Первая мировая война. Борьба миров. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014; Уткин, А. И. Первая Мировая война – М.: Алгоритм, 2001 и др.
2. Мировые войны XX века : в 4 кн. / РАН, Ин-т всеобщей истории [и др.] ; редкол.: В. А. Золотарев [и др.] ; рук. проекта О. А. Ржешевский . – М. : Наука, 2002 . – Кн. 1: Первая мировая война : исторический очерк / науч. рук. В. Л. Мальков, отв. ред. Г. Д. Шкундин .— 2002.
3. Деловой Петербург. – 2014. – 18 июля (№ 119).
4. Патрушев А.И. Германия в XX веке / А.И. Патрушев. – М.: Дрофа, 2004.
5. Der Erste Weltkrieg 1914-1918 / Begleitheft zur Dauerfusstellung Deutsche Geschichte in Bildern und Zeugnissen. – Berlin: DHM, 2013.

¹ Ремарк Э.М. «На Западном фронте без перемен», «Возвращение», «Черный обелиск», – любое издание.

**КАДЕТЫ И ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В условиях политической нестабильности очень сложно заниматься вопросами экономической модернизации страны. Государственная Дума Российской империи, как законодательный орган начинает свою деятельность в условиях Первой русской революции 1905–1907 гг.

27 апреля 1906 года при открытии Первой Думы ее председатель С.А. Муромцев патетически заявил: «Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и сами себе, чтобы у всех нас стало достаточно сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной Думы, истекающих из самой природы народного представительства» [1, с. 353].

Не только левые радикалы (эсеры и социал-демократы), но даже и центристы (кадеты) рассчитывали на то, что монархия, как строй, продолжит путь своего ослабления. Их деятельность носила следы политической конфронтации с властью, поскольку император, формально перестав быть абсолютным, по-прежнему концентрировал в своих руках значительное количество полномочий. Известная деятельница кадетской партии А.В. Тыркова-Вильямс так оценивала это выдающееся событие в своих мемуарах: «Объявив созыв Государственной думы, власть плохо отдавала себе отчет, какое детище она родила, какие у правительства обязанности по отношению к этому новому государственному учреждению, поднявшемуся из революционного хаоса, как его использовать в интересах народа, империи, исторической власти» [2, с. 243].

Но роль Думы далеко не всегда понимали и сами кадеты, столь высоко оценивающие роль законодательного органа. Очень часто глобальная стратегия превалировала у них над тактикой. Вопросы власти, контроля за правительством, конституционалистские законы, казались им гораздо более важными вещами, чем повседневные реалии жизни России, конкретные проблемы жизни общества.

За все годы думской монархии Партия Народной Свободы (кадеты) была всегда представлена в законодательном органе страны. В Думе 1-го созыва было 176 их представителей, 2-го – 98, 3-го – 53, 4-го – 59.

Программа конституционно-демократической партии, принятая на съезде в октябре 1905 года, вообще не упоминала о конституционной монархии. Она говорила только о российском государстве, или о державе российской. Статья 13 гласила: «Конституционное развитие российского государства определяется основными законами».

Из этого вытекает, что кадеты, правда, не требовали основания республики в России, но что они не были и сторонниками монархии. Они считали правильным сохранять пока этот пережиток прошлого, не имевший в их глазах никакой ценности, до тех пор, пока суверенная воля народная определенно не выскажется за его устраниние [3, с. 483].

Вскоре после 17 октября 1905 года стали формироваться многочисленные политические партии, стоявшие правее кадетов. Отчасти они держались просто враждебно по отношению к новым государственным реалиям, иногда они даже симпатизировали принципам, провозглашенным Манифестом 17 октября. Однако были и группы, представлявшие чисто региональные интересы (поляки, мусульмане и т. д.).

Оппозиция по своему составу была крайне неоднородной. Либералов пугало, что «С.-р. продолжали террор и жгли дворянские усадьбы, с.-д. старались поднять рабочих на революционные выступления. Обе партии сообща создали Совет рабочих депутатов, который открыто призывал к бунту» [2, с. 206].

Одной из наиболее важных проблем в то время была аграрная. В России самой большой группой населения являлись крестьяне, страдавшие от малоземелья. Решение аграрного вопроса поднималось в программах практически всех политических сил. Со стороны правительства серьезную попытку решения этого вопроса предпринял П.А. Столыпин.

Аграрная программа кадетов носила ярко выраженный компромиссный характер, в большой мере вызванный тактическими соображениями. Кадеты, с одной стороны, не собирались бороться против частной собственности, как таковой, и в их намерения также не входило распространять коллективную собственность как единственную желанную форму. Однако программа их не содержала ничего, что могло бы способствовать распаду сельской общины, и в ней вообще не упоминалось о необходимости объявить подворное имущество собственностью домохозяина [3, с. 256].

Кадеты включили в первый пункт своей аграрной программы (статья 36 партийной программы) следующее: «Добавочное наделение землей трудящегося сельского населения, страдающего от недостатка земли. С этой целью должен был создаваться фонд из казенных и царских поместий, из монастырских земель и из земель, полученных путем отчуждения больших частных поместий.

Принципы, согласно которым земля из такого фонда должна была предоставляться нуждающемуся населению, должны были соответствовать местным формам землевладения и землепользования. Таким образом, земля могла даваться крестьянам в собственность или только в пользование, как собственность частная или сельско-общинная» [3, с. 257].

А.Ф. Керенский в своих мемуарах замечает, что сутью всех споров в Думе, центром которых был аграрный вопрос, был выбор пути развития нашей страны: или Россия пойдет по пути насаждения фермерских хозяйств и иных частнособственнических хозяйств (по немецкому или французскому образцу), или будет развивать артельные, общинные формы. Идея правительства и Петра Столыпина о поддержке сильных, крепких хозяйств в значительной степени противоречила крестьянскому взгляду на жизнь. Но с другой стороны, постепенное становление правового государства, начатое Манифестом 17 октября, «открывало перед крестьянами новые возможности экономического развития с помощью кооперативной системы, что более соответствовало крестьянскому складу ума» [4, с. 69].

Для времени Первой русской революции очень важен вопрос: а в чем же роль и место Государственной Думы в жизни страны? Сам по себе замок, повешенный ночью на двери Таврического дворца, символизировал желание правительства продемонстрировать, кто в стране обладает реаль-

ной властью. Здесь весьма характерным является отношение П.А. Столыпина к роспуску I думы. Так октябрист А.И. Гучков писал своей жене 17 июля 1906 года: «Думу распустили не только потому, что она была неработоспособна, но и потому, что она, да и отдельные депутаты под прикрытием неприкосновенности вносили в страну революционное брожение, которое разлагало и армию, и полицию. Если бы дело продолжалось так месяц – другой, неизбежно наступила бы полная анархия.

Задача правительства в настоящее время следующая: подавить революционное движение силой и в то же время отнять у него всякую почву тем, что само правительство своей властью выполняет теперь же ту часть прогрессивной программы, которая имеет характер неотложной» [5, с. 152].

Октябрист П.А. Гейден несколько наивно считал этот шаг правительства «бесконечной глупостью»: «Всякая новая Дума будет левее и радикальнее, и с нею будет еще труднее» [1, с. 336].

Трагедия депутатов-центристов во многом заключалась в том, что значительная часть русского общества, в особенности интеллигенции, негативно относились к любому «соглашательству» с властями. Весьма скептически воспринимались любые идеи реформ, а не радикального слома существующей государственной системы. Вот как очевидцы описывали открытие II Государственной думы: «Публика, исключительно молодежь и рабочие, осматривала проезжавших и, узнав, что в экипажах находятся депутаты, спрашивала: к какой политической партии принадлежит депутат.

– Вы кто, левого блока?

– Нет, я кадет, – отвечает закутанный в дорогую шубу депутат.

Этот ответ в большинстве сопровождается свистом, а в лучшем – молчанием.

– Вы кто? – спрашивают следующего депутата.

– я эсэр!

Раздается долгое несмолкаемое «ура» [6, с. 3].

Пропасть, разделявшая кадетскую партию от социалистов, значительно углубилась после роспуска Первой Думы. Теперь они хотели избежать роспуска Думы и добиваться всего именно через Думу. Это был четкий отказ от революционной тактики, которой все еще придерживались левые партии, но которая лишь выявила слабость революционных

элементов и вызвала нарастание реакционных сил. Возможно, позиция кадетской партии имела и более глубокие причины: постепенное осознание опасности, которую несла революция как таковая для свободы и для превращения России в правовое государство [3, с. 508].

Николай II имел право на распуск Государственной Думы. Дважды он этим правом воспользовался – 9 июля 1906 года (распуск первой Государственной Думы) и 3 июня 1907 года (распуск второй Государственной Думы). В исторической науке последнее событие получило название «третьеиюньский государственный переворот». Император принял новый избирательный закон, который способствовал изменению состава депутатов. В большинстве своем они стали гораздо более правыми, более промонархическими.

В этих новых условиях Третья Государственная Дума смогла отработать все положенные ей пять лет (1907–1912 гг.). Избранные по куриальной системе депутаты этой Думы были настроены по отношению к власти менее оппозиционно, чем их предшественники первого и второго созывов. Среди них было немало убежденных монархистов и консерваторов, которые считали, что любые преобразования и реформы вредны такой стране, как Россия. Но были и депутаты, стремившиеся к экономической модернизации страны без коренной ломки существующих порядков. Центристам было нелегко. Правые считали их пособниками революционеров, а левые – буржуазными соглашателями.

Лидер конституционно-демократической партии П.Н. Милюков так оценивал роль своих однопартийцев в III Думе: «В Третью Думу сидели кадеты, распределившие между собой деловую работу в думских комиссиях. Мы всегда считали комиссионную работу главной задачей государственной деятельности; но впервые мы получили для нее необходимый досуг и практический материал. Впервые выдвинулся на первое место А.И. Шингарев, бывший уездный врач и земец, и быстро овладел вопросами государственного бюджета, сделавшись постоянным оппонентом министра финансов В.Н. Коковцова. В.А. Степанов специализировался на рабочем законодательстве и внес свой вклад в комиссионную обработку законопроектов по коренным вопросам этого законодательства, хотя и застрявшим в Третью Думе.

Н.В. Некрасов, другой молодой депутат с крупным, хотя и неожиданным для фракции будущим, сосредоточился на железнодорожных вопросах. Н.Н. Кутлер, перешедший во фракцию с министерской скамьи, консультировал фракцию по вопросам финансовым» [7, с. 15].

За время своей думской деятельности Николай Некрасов (он представлял Томскую губернию) много и плодотворно работал в различных комиссиях. В дальнейшем он станет товарищем председателя IV Думы. Этот депутат работал в комиссии по бюджету Департамента железных дорог. В большинстве случаев, когда обсуждались вопросы железнодорожного строительства, он был одним из основных докладчиков. Выступал, например, с обоснованием строительства железнодорожных веток Тюмень – Омск, Екатеринбург – Курган.

Что касается тактики кадетов в Третьей Думе, то она, по мнению Милюкова, заключалась в следующем: «Мы решили всеми силами и знаниями вложиться в текущую государственную деятельность народного представительства. Нам предстояло еще многому научиться, что можно узнать, понять и оценить, только стоя у вертящегося колеса сложной и громоздкой государственной машины.

Нельзя было пренебрегать при этом и контактом с бюрократией министерских служащих, у которых имелись свои технические знания, опытность и рутина. Лучшие из них сами страдали от этой рутины, знакомились с нами в комиссиях. Когда они поняли наши добрые намерения, они сами пришли к нам на помощь в борьбе с этой рутиной – конечно, помимо своего непосредственного начальства» [7, с. 16].

В Третьей Думе правые рассматривали кадетов не только как враждебную России силу, но даже как иностранных агентов. П.Н. Милюков с обидой констатировал факт, что его товарищей по партии не пустили в состав организованной Комиссии государственной обороны. Это произошло на том основании, что, мол, они могут выдать потенциальному неприятелю государственные секреты. Кадеты признавали: «Политика большинства Думы была отвратна, роль оппозиции, особенно поначалу, казалась бесплодной и второстепенной, характер думской работы – мелким и будничным, а ее темп не давал возможности следить за нею и руководить ею со стороны» [7, с. 49].

Другой известный депутат Ф.И. Родичев все меньше верил в законодательные возможности Думы как независимого от мнения правительства института. «Эта дума не народная, а министерская, дума помещичьей злобы», — говорил Родичев в беседе с корреспондентом газеты «Русское слово». Накануне открытия IV Государственной думы Родичев уже не сомневался, что она будет лишь видимостью народного представительства. «Большинство там составят воскресшие дети Аракчеева, народ на выборах подменен 7200 священниками. Это все равно, как завести 7200 граммофонов и потом сказать, что это голос народа», — заявлял он на предвыборных собраниях [1, с. 425].

Кадетам в этих условиях пришлось крайне нелегко. П.Н. Милюков отмечал: «Законодательный почин Государственной Думы был вообще ограничен, и осуществление его предполагало наличие большинства, которого мы не имели. Законодательное предположение могло быть внесено за подписью 30 членов Думы (а нас было 50); но если оно не отвергалось сразу, то сдавалось в комиссию для предварительного обсуждения его «желательности». Только признанное желательным, оно могло обсуждаться в заседании Думы и быть принято во внимание правительством.

Таким образом, нам приходилось, чтобы не разрывать с действительностью, чаще всего проводить свои взгляды, критикуя предположения большинства или заявления и законопроекты правительства. На этой почве мы иногда могли получить и большинство или к нему присоединиться» [7, с. 50–51].

Однако, несмотря на все указанные проблемы деятельности российского парламента, конец первого десятилетия XX века в нашей стране ознаменовался экономическим ростом. Успешно развивались практически все отрасли народного хозяйства, промышленность, банки, транспорт, земледелие. Во время работы третьей Думы правительство создало в Петербурге съезд городских голов для обсуждения городского уложения, финансов, кредитов. Среди съехавшихся городских деятелей оказалось довольно много членов кадетской партии и лиц, им сочувствовавших. Одним из них был городской голова Новониколаевска (ныне Новосибирск) Владимир Ипполитович Жернаков. Именно он смог превратить свой город в образцовый для большинства российских городов. При нем были разбиты сады, проложены хорошие мостовые, проведены трамваи,

электричество, телефон, построены просторные общественные здания, школы, театр, комфортабельные частные дома. Маленький поселок перенес старые города, получил все, что давала тогда передовая техническая цивилизация. В Новониколаевске было введено обязательное начальное образование для всех детей.

Всего этого удалось достичь путем превращения станции Новониколаевск в узловую. В.И. Жернаков практически руководил своеобразным «штабом» по защите проекта строительства железной дороги Новониколаевск – Бийск – Семипалатинск. В борьбу за этот проект включаются Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Семипалатинск [8, с. 143]. Единственная Сибирская магистраль не могла полностью обеспечить интересы местного населения.

Представителям кадетской партии было понятно, что во многом росту городов и промышленности помогала правительенная система кредитов, правильная постановка железнодорожного хозяйства. В России железные дороги частью строились за счет казны, как Николаевская дорога, Великий сибирский путь и другие дороги Азии, частью переходили к государству, после известного срока, от частных компаний. Железные дороги отлично обслуживали интересы населения и в то же время не ложились бременем на казну. Дешевые дифференциальные тарифы для пассажиров и товаров очень помогли быстрому экономическому и просветительному росту. В частности, это видно на примере Сибири.

В условиях относительной стабильности в стране наиболее здравомыслящие представители партии кадетов понимали, что серьезное и успешное реформирование может произойти только тогда, когда объединятся все заинтересованные в этом силы. А.В. Тыркова-Вильямс призналась: «Уж на что у нас было принято ругать каждое министерство отдельно и все правительство в целом, но и оппозиция вынуждена была признать, что министерство земледелия хорошо работает, систематически проводит в жизнь очень разумный план поднятия крестьянского хозяйства. Мелкий кредит, ссуды для кооперации, производительной и потребительской, опытные сельскохозяйственные станции, агрономические школы, разъездные инструктора, склады орудий, семян, искусственных удобренений, раздача племенного скота – все это быстро повышало производительность крестьянских полей» [2, с. 381].

Не были чужды депутатам и новые технические достижения, особенно такие модные, как авиация. В 1914 году, незадолго до начала Первой мировой войны, Государственная Дума постановила выдать известному изобретателю И.И.Сикорскому сто тысяч рублей на дальнейшие работы по усовершенствованию его больших аэропланов [9, с. 33].

Невозможно говорить об экономической модернизации страны, если в ней значительная часть населения является неграмотной. Несомненны заслуги Третьей Думы в области народного образования. Недаром, в том числе, ее называли «Думой народного просвещения» [10, с. 390].

Внесенный в Думу в 1910 г. законопроект о новом Университетском уставе был одобрен ею 12 мая 1910 г. Однако новый министр просвещения («затемнения», как его негативно именовала пресса), Л.А. Кассо, взял закон обратно.

В плане реализации общего плана введения всеобщей грамотности была предусмотрена реформа церковного образования. Дума настаивала на преобразовании духовных семинарий в светские прогимназии с правом поступления выпускников в университеты. Церковно-приходские школы в этом случае преобразовывались в народные, чтобы последовательно, во всех звеньях низшего, среднего и высшего образования провести идеи многоступенчатости образования, создать единую систему.

Святейший Синод, однако, настаивал на сохранении контроля церкви за приходскими школами и сохранения конфессиональности семинарий. В них имели право обучаться лишь дети священнослужителей, и по окончании выпускник обязательно должен был идти в духовную семинарию. Право поступления семинариста в университет давалось только в исключительном случае по особому решению епископата.

Государственная Дума, по мнению Синода, не должна была вмешиваться в дела духовных школ, однако она была обязана выделять на их содержание средства из государственного бюджета. Депутаты Думы оспорили это решение. В спор вмешался лично Николай II. В прощальном обращении к Третьей Думе, завершающей свою работу по истечении полномочий, он заявил: «Меня чрезвычайно огорчило ваше отрицательное отношение к близкому моему сердцу делу церковноприходских школ» [10, с. 391].

На следующий день Дума собралась на последнее заседание. Когда вопрос о кредитовании церковноприходских школ из Госбюджета был

поставлен на обсуждение, то многие депутаты оппозиции демонстративно покинули зал. Кворума при этом не оказалось, и решение принято не было. Этим завершилась работа Третьей Думы.

IV Дума оказалась последней в истории Российской империи. Два года она работала в условиях мира, с 1914 года – в условиях начавшейся Первой мировой войны. Павел Милюков отмечал, что «суть перемены, произшедшей в четвертой Думе, заключалась в том, что компромисс оказался невозможным и потерял всякое значение. Вместе с ним исчезло и то среднее течение, которое его представляло. Исчез «центр», и с ним исчезло фиктивное правительство большинства».

Два противоположных лагеря стояли теперь открыто друг против друга. Между ними, чем далее, тем более, распределялся наличный состав народного представительства.

Но тут вмешался этот третий фактор – война, который, прежде всего, окончательно вывел борьбу за стены Думы» [7, с. 155]. Все вопросы модернизации страны переносились на неопределенный срок, «до победы».

Начало войны было поддержано абсолютным большинством думцев. Она представлялась, как «Вторая Отечественная». Но проблемы на фронте и в тылу дестабилизировали общество, что и привело к событиям 1917 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007.
2. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007.
3. Леонович В.В. История либерализма в России (1762–1914) М., 1995.
4. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.
5. П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008.
6. Кадеты во Второй думе (материалы и справки). Выпуск I. СПб. 1907.
7. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1991.
8. Косарева И. «За труды на пользу города...» // Созидатели: Книга очерков. Новосибирск, 2003. Т. 2.
9. Финне К.Н. Русские воздушные богатыри И. И. Сикорского. Минск, 2005.
10. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи. 1906–1917. Челябинск. 2010.

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1 февраля 2014 года исполнилось 130 лет со дня рождения выпускника кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского Политехнического института 1908 года Евгения Ивановича Замятиня.

Е.И. Замятин (1884–1937) – прозаик, драматург, сценарист, критик и публицист, инженер-кораблестроитель, в 1920-е гг. лидер Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. Главное произведение Замятина – роман «Мы» (1919–1922) переведен на многие языки, постоянно переиздается; он положил начало новому литературному жанру – антиутопии.

К началу Первой мировой войны Замятин служил в Отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности в должности инженера для технических занятий и параллельно (начиная с октября 1911 г.) преподавал в Политехническом институте корабельную архитектуру. Его статьи опубликовали авторитетные технические журналы «Теплоход» и «Русское Судоходство».

По службе Замятину приходилось совершать много поездок по России: «Волга вплоть до Царицына, Астрахани, Кама, Донецкий район, Каспийское море, Архангельск, Мурман, Кавказ, Крым» [1, с. 11]. Для того, чтобы понять, чем занимался Замятин, а он строил землечерпалки и занимался дноуглубительными работами, можно обратиться к книге его старшего коллеги – Бориса Николаевича Кандибы «Русское портостроительство в период 1914–1918 гг. [2]. В подготовке издания принимали участие сослуживцы Замятина А.К. Рождественский (глава о ледоколах) и И.Я. Кункин (глава о кранах и плавучих средствах).

После публикации в журнале «Заветы» в 1913 г. повести «Уездное» имя Евгения Замятина стало известно широкому читателю. Автор сблизился с группой журнала «Заветы», с А.М. Ремизовым, М.М. Пришвиным, Ивановым-Разумником, С.П. Постниковым. В марте 1914 г. [3, с. 35–109] журнал «Заветы» напечатал другую повесть «На куличках». Однако цензура расценила описание быта небольшого военного отряда на Дальнем Востоке как клевету на русскую армию. 22 марта 1914 г. Санкт-

Петербургский окружной суд постановил оставить наложенный Санкт-Петербургским комитетом по делам печати арест на третий номер журнала в силе до изъятия повести Замятиной. Редакция журнала выпустила номер вторым изданием, заменив повесть «На куличках» рассказом В.Я. Шишкова. Оба издания этого номера журнала сохранились в фондах Российской национальной библиотеки.

Из писем Замятиной к жене Людмиле Николаевне Замятиной (урожд. Усовой) [4] известно, что в апреле 1914 г. он находился в служебной командировке в Германии и посетил Штеттин. В это время здесь проходил испытания и готовился к спуску ледокол «Царь Михаил Федорович», заказанный Россией. В 1933 г. Замятин вспоминал: «...хорошо помню самый ледокол: через мои руки проходили его проекты» [1, с. 181]. Все обстоятельства этой командировки исследователям еще предстоит выяснить.

Начало войны застало Замятину в доме родителей в Лебедяни; он находился в отпуске. В его письмах содержатся подробности тылового быта; он сообщил жене, кого из друзей и соседей призвали на фронт. 8–9 ноября 1914 г. он писал из Кременчуга: «Поезда-то здесь, оказывается», военному ходят. Никаких скорых <...>. Сейчас купил здесь “Отечество” Почему-то, увы, Щеголев вставил мою фамилию в число сотрудников, да еще полностью “Е.И. Замятин...”» [5, с. 181–182]. 2 ноября 1914 г. в первом номере журнала “Отечество – иллюстрированная летопись” (издатель и редактор – З.И. Гржебин) был помещен анонс о предполагаемых участниках издания. Среди других имен были названы Е.И. Замятин и историк Павел Елисеевич Щеголев. Несмотря на то, что ни одно из произведений писателя не было опубликовано в «Отечестве», его имя повторялось в анонсах следующих выпусков в 1914 г. и в 1915 г.

Осенью 1914 г. Замятин в составе специальной Комиссии находился в Херсоне, здесь проходили испытания рефулеров. Затянувшиеся испытания заставляют его отменить лекции в Политехническом институте.

Замятин был военнообязанным: при призывае в 1905 г. он был зачислен «в ратники ополчения второго разряда». Воронежское уездное присутствие по воинской повинности выдало ему «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности» за № 2798 от 13 ноября 1905 г.[6, л. 2 об.]. В действующие войска Замятин не призывался, вероятно, потому,

что в Отделе торговых портов не хватало кадров, в штате было только два морских инженера (один из них – Замятин)¹.

В декабре 1915 г., по совместной утвержденной программе Министерства торговли и промышленности и Морского министерства, для нужд России («в целях надлежащего использования зимней навигации в Белом море») в Англии были заказаны ледоколы. Для наблюдения за их постройкой Замятин был командирован на верфи крупнейшей английской промышленной фирмы, занимавшейся производством вооружений, постройкой судов, автомобилей и самолетов «Армстронг, Уитворт и Ко» («W.G. Armstrong, Whitworth & Co Ltd»). Здесь ранее для России были построены первый в мире ледокол арктического класса «Ермак» и паром-ледокол «Байкал». Основателем фирмы был Уильям Джордж Армстронг (1810–1900) – английский инженер, конструктор артиллерийских орудий, промышленник, барон. Известность заводов Армстронга в Великобритании можно сравнить со славой предприятий Альфреда Круппа (1812–1887) – владельца заводов по производству оружия в Германии. Его компания была крупнейшим производителем вооружения с 1840-х и до конца Второй мировой войны.

В Российском государственном историческом архиве сохранилось «Всеподданнейшее прошение министра торговли и промышленности, князя Вс. Н. Шаховского [7] о выдаче инженеру Е.И. Замятину путевого довольствия по его командировке в Англию». В нем министр докладывал: «По обстоятельствам военного времени Министерством Торговли и Промышленности, в целях надлежащего использования зимней навигации в Белом море заказываются в Англии три морских и пять торговых ледоколов.

Для наблюдения за постройкой означенных ледоколов представляется необходимым командировать в Англию инженера для технических занятий при Отделе торговых портов, морского инженера, титулярного советника Замятина.

Имея в виду, что существующими законоположениями не установлено нормы выдачи пособий гражданским чинам при командировках их за

¹ См. об этом в письме Замятина от 28 июля 1914 г. в изд.: Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина

границу, а также вследствие исключительных обстоятельств военного времени и необходимости следования в Англию кружным путем, я полагал бы выдавать за означенную командировку инженеру Замятину, в течение всего времени пребывания его в командировке, суточные в размере 20 рублей в день, и проездные в Англию 350 рублей <...>» [8, л. 14].

К прошению были также приложены финансовые расчеты. «Высочайшее соизволение последовало в Царском Селе 22 февраля 1916 года» и 23 марта Евгений Замятин через финский маленький город Торнео (на границе со Швецией) отправился в Англию.

В Российской национальной библиотеке хранится справочная книга для морских инженеров, которая совершила путешествие вместе с Замятином в Англию в 1916 г., а потом обратно в Россию в сентябре 1917 г. [9].

Через семнадцать лет в эссе «О моих женах, ледоколах и о России» (1933) Замятин вспоминал: «... Во время войны – сразу целый выводок, целая стая ледоколов: “Святой Александр Невский” – после революции превратившийся в “Ленина”, “Красин” – до революции “Святогор”, два близнеца – “Минин” и “Пожарский” (не помню их новых имен), “Илья Муромец” и штук пять маленьких ледоколов. Все эти ледоколы были построены <...> в Нью-Кастле и на заводах около Нью-Кастла; в каждом из них есть следы моей работы, и особенно в “Александре Невском” <...>: для него я делал аванпроект, и дальше ни один чертеж этого корабля не попадал в мастерскую, пока не был проверен и подписан: “Chief surveyor of Russian Icebreakers Building E. Zamiatin”» [1, с. 181–182].

По-разному сложилась судьба ледоколов, построенных при участии Замятина. Два судна сохранились до наших дней.

Ледокол «Царь Михаил Федорович», построенный в 1914 г. на верфи «Вулкан» («Vulkan-Werft») в Германии, участвовал в Первой мировой войне. 8 марта 1917 г. был переименован в «Волынец» в честь поддержавшего Февральскую революцию Волынского полка; в том же году экипаж перешел на сторону большевиков. В апреле 1918 г. был направлен в Хельсинки для оказания помощи русским военным кораблям и их ледовой проводки в Петроград. В Хельсинки ледокол был захвачен финскими белогвардейцами, переименован в «Вяйнямейнен» и затем отправлен в Таллин, занятый немецкими войсками. Под финским контролем использовался для проводки немецких кораблей. В декабре 1922 г. был передан

Эстонии и получил название «Суур Тылл» («Suur Töll»). После присоединения Эстонии к СССР в 1940 г. зачислен в состав Эстонского пароходства [2, с. 201–208; 11]. В ноябре 1941 г. вновь переименован в «Волынец» и в составе отряда особого назначения Балтийского флота принимал участие в эвакуации флота из Таллина в Кронштадт. В 1952 г. прошел капитальный ремонт и модернизацию. В октябре 1988 г. был переведен из Ломоносова в Таллин; после распада СССР был там поставлен на вечную стоянку, переименован в «Суур Тылл» и в настоящее время является кораблем-музеем.

Ледокол «Святогор» строился на верфи «Армстронг, Уитворт и Ко», спущен на воду 3 августа 1916 г. Приемка затянулась; лишь 31 марта 1917 г. над ним был поднят Андреевский флаг и он был зачислен в состав флотилии Северного Ледовитого океана (окончательно достроен в сентябре 1917 г.). В ходе боевых действий в 1918 г. был затоплен на фарватере Северной Двины, вскоре был поднят англичанами и уведен в Англию. В 1921 г. возвращен РСФСР и в 1926 г. переименован в «Красин» в честь дипломата, хлопотавшего о возвращении судна в Россию. В 1928 г. участвовал в спасении экспедиции Умберто Нобиле и германского пассажирского судна «Монте-Сервантес», принимал участие в Великой Отечественной войне. На протяжении нескольких десятилетий этот арктический ледокол был самым мощным. В 1972 г. его переименовали в «Леонид Красин»; в 1988 г. он был приобретен Всесоюзным обществом «Знание», в 1996 г. переоборудован и стал кораблем-музеем и филиалом Музея Мирового океана (место стоянки – набережная лейтенанта Шмидта, в Санкт-Петербурге).

Ледокол «Св. Александр Невский» (с 1921 г. «Ленин», с 1959 г. «Владимир Ильич») строился по индивидуальному проекту на верфи «Армстронг, Уитворт и Ко», спущен на воду в декабре 1916 г. Приемка осуществлялась только в октябре 1917 г., и в Архангельск он прибыл только в 1919 г. Два года плавал под английским флагом, англичане дали ему название «Александер» («H.M.S. Alexander»). В конце 1921 г. был выкуплен РСФСР. Работал на Балтике и на Севере, участвовал в 36 ледовых навигациях. В годы Великой Отечественной войны занимался проводками судов в Белом море и Западном секторе Арктики. В конце 1959 г. переведен на Черное море, где находился до списания в 1968 г.

Два ледокола «Козьма Минин» и «Князь Пожарский» строились на верфи «Сван, Хантер и Ричардсон» («Swan, Hunter & Wigham Richardson Ltd») по одному чертежу. «Козьма Минин» пришел на Северную Двину в конце ноября 1916 г., в декабре к нему присоединился «Князь Пожарский». На «Козьме Минине» в феврале 1920 г. осуществлялась эвакуация руководства белых на Севере во главе с генералом Е.К. Миллером из Архангельска в Норвегию. Впоследствии его перегнали во Францию, переоборудовали и включили в состав французских военно-морских сил как минный заградитель «Кастор» («Castor»). В 1942 г. он был захвачен немецкими войсками в Бизерте, в мае 1943 г. потоплен; в 1946 г. корабль подняли и через три года отправили на слом.

Ледокол «Князь Пожарский» в 1920 г. вошел в состав военно-морских сил на Белом море в качестве вспомогательного крейсера, получил имя «Лейтенант Шмидт». В 1921 г. вновь стал ледоколом и был переименован в «Степан Макаров»; в 1926 г. был переведен на Азовское море. 17 ноября 1941 г. ледокол вышел из Туапсе в Севастополь и исчез. Вероятно, в условиях густого тумана ледокол подорвался на сорванной с якоря плавающей мине оборонительного минного заграждения и быстро затонул (по некоторым сведениям в декабре) недалеко от мыса Феолент.

Ледокол «Илья Муромец» построен в 1916 г. на верфи «Сван, Хантер и Ричардсон». В 1918 г. был захвачен белогвардейцами и продан; в 1921–1922 гг. входил в состав французского флота в Бизерте и стал французским минным заградителем «Поллукс» («Pollux»). В начале 1940 г. он уже в составе британского флота использовался как учебный корабль. В июне 1946 г. он был возвращен Франции, где в 1951 г. его переоборудовали в понтоны «Теммарк», а затем сдали на слом.

Пять других судов (а Министерство Торговли и промышленности настаивало на готовности их до 1 ноября 1916 г.) по традиции вместо названий получили свои номера.

«Ледокол № 5» строился на заводе «Мердок и Мюррей» («Murdoch & Murrey Ltd») в Глазго, «Ледокол № 6» и «Ледокол № 8» – на верфи братьев Фергюсон («Ferguson Brothers Ltd») в Глазго, «Ледокол № 7» и «Ледокол № 9» – в Ньюкасле на заводе «Рейнольдс и Ко» («Reynolds & Co»). Вступление в строй номерных ледоколов растянулось на 8 месяцев. В конце 1916 г. в Архангельск прибыли ледоколы № 6 и № 5. Остальные

пришли в порт Романов-на-Мурмане (ныне – Мурманск) в 1917 г., использовались как буксиры и спасатели в Кольском заливе. Последний, «Ледокол № 9» оказался в российских водах весной или в начале лета 1917 г. Ледоколы № 5 и № 7 в середине 1920-х гг. перевели в Черноморско-Азовский бассейн. «Ледокол № 5» 12 августа 1941 г. подорвался на донной мине на выходе из Днепровского лимана. «Ледокол № 7» подорвался на мине в Керченском проливе 20 апреля 1942 г., в середине 1950-х его подняли и разрезали на металл. «Ледокол № 9» погиб в Белом море вместе с экипажем 24 октября 1932 г. во время перехода из Архангельска на помощь лихтеру «Альбатрос». «Ледокол № 6» и «Ледокол № 8» использовались как ледоколы и буксиры в районе Архангельска на Белом море до конца 1950-х гг., причем «Ледокол № 6» исключили из списков судов флота после 1961 г. [2, с. 208–214; 11].

В письмах Замятине 1916 г. содержится важная информация об «английском периоде» его жизни; в них он рассказал жене о своем путешествии от Христиании до Лондона, и далее до Ньюкасла, об английском образе жизни, о занятиях английским языком и работе на судостроительных заводах. «Английские» письма лаконичны, написаны телеграфным стилем на открытых почтовых карточках. Замятин не сообщал имена и фамилии людей из своего английского окружения и адреса, где он бывал, – все письма проходили военную цензуру. В сентябре 1916 г. Людмила Николаевна приехала к мужу в Ньюкасл, через год они вместе вернулись в Россию.

Пребывание в Англии отразилось в записных книжках Замятина. Но по этим недатированным записям практически невозможно установить хронологию событий, это скорее впечатления от страны, людей, их образа жизни.

Британский исследователь Аллан Майерс в 1990-е гг. издал несколько статей, посвященных пребыванию Замятина в Англии [11]. Он подробно описал окружение Замятина той поры, выявил прототипы «английских» произведений «Островитяне» и «Ловец человеков» Майерс установил, что прототипами повести «Островитяне» являются жители района Джесмонд в Ньюкасле. Замятин жил неподалеку на Сандерсон Роуд, 19. Прототипом героя леди Кэмпбелл в «Островитянах» является леди Марджори Дархем Нобль (в девичестве Кэмпбелл), вдова скончавшегося в 1915 г. баронета Эндрю Нобля (1831–1915), известного физика, специалиста по бал-

листике, члена Королевского общества. Именно ему, начиная с 1883 г. Уильям Армстронг перепоручал контролироль за кораблестроением и изготавлением вооружения. Дом Нобля в Джесмонд Дин Хаус часто посещали иностранные специалисты, приезжавшие в командировки. Среди них был и Замятин. Ранее, в 1911 г. в этом доме побывал адмирал японского флота Хейхатиро Того, «японский Нельсон». Все японские суда в решающем сражении при Цусиме (1905 г.) в Русско-японскую войну были оснащены орудиями, изготовленными при участии Эндрю Нобля [12].

А. Майерс высказал также предположение, что впечатления Замятин от Ньюкасла отражены и в романе «Мы». По его мнению, даже цифры в именах персонажей заимствованы с номеров ледоколов, верфей и грузоподъемности судов.

Замятин вернулся в Россию в сентябре 1917 г. В «Автобиографии» (1928) он вспоминал: «Когда в газетах запестрели жирные буквы: “Revolution in Russia”, “Abdication of Russian Tzar” – в Англии стало невмочь, и в сентябре 1917 года, на стареньком английском пароходишке (не жалко, если потопят немцы) – я вернулся в Россию. Шли до Бергена долго, часов пятьдесят, с потушеными огнями, в спасательных поясах, шлюпки наготове» [1, с. 11].

После возвращения в Петроград Замятин еще некоторое время преподавал корабельную архитектуру в Политехническом институте. С 1918 г. литература стала главным делом жизни и основной профессией Замятина.

Пребывание в Англии в 1916–1917 гг., знакомство с ее культурой дало Замятину богатый материал для философских и культурологических размышлений. Противоречия английской жизни – удивительные технические достижения и обезличивание человека, высокий уровень жизни и всепроникающий дух консерватизма – побуждали Замятина задуматься над вопросами, которые давно занимали западноевропейских мыслителей, а к началу XX в. приобрели актуальность в России, вступившей на путь интенсивного промышленного развития. Английские впечатления дали новый импульс для осмыслиения проблемы личности, но уже в контексте иных, не ставших еще злободневными в России вопросов – «человек и технократическое общество», «личность и тоталитаризм», «нравственная сущность технического прогресса». Впечатления от Англии легли в основу повести «Островитяне», рассказа «Ловец человеков» (1918). На основе

повести «Островитяне» была создана пьеса «Общество Почетных звонарей» (1924).

Историк литературы Д.С. Святополк-Мирский отметил, что в повести «Островитяне» «отразилось то внутреннее состояние, которое характерно и для сугубо российских повестей “Уездное” и “На куличках” – изображение тоскливой и одинокой жизни человека» [13, с. 205]. «Английский опыт» убедил Замятин в том, что проблема нераскрытии личности не является специфически российской проблемой, она не менее актуальна для европейской культуры. Технический прогресс и самое совершенное государство, где царствует «Завет Принудительного Спасения», согласно которому жизнь, как «стройная машина» с «механической неизбежностью» ведет к «желанной цели», не гарантируют счастья человеку.

Счастье человека Замятин связывал с присущим каждому индивидууму стремлением к свободе, существующим в нем *a priori*. Если судить по комплексу идей, содержащихся в повести «Островитяне», Замятин понимал свободу как возможность выбора человеком дальнейших путей движения. Свобода – это состояние человека в момент этого выбора. «Английский опыт» лег и в основу самого известного в мире произведения писателя – его романа «Мы» [14]. Через десять лет после завершения автор разъяснил смысл романа так: «Этот роман – сигнал о двойной опасности, угрожающей человечеству: от гипертроированной власти машин и гипертроированной власти государства» [1, с. 257].

Первая мировая война, в которой погибло 17 миллионов человек (по другим данным около 22 миллионов). Война, в которой впервые были применены оружие массового поражения и боевая авиация. Война, которая привела к Февральской революции в России. Война, за которой последовали перекраивание карты мира и распад Австро-Венгерской, Османской, Германской и Российской империй. Война, которая «вывела цивилизованное человечество из состояния энтропии, вскрыла водопадные потоки, вулканические лавины революционной энергии», и в тоже время «в чаду разрушения, всегибели, создала новые формы автоматизации человека – милитаризм [15, с. 332]».

Военная тема запечатлелась в «дорожных блокнотах» писателя. «Замятин записывал не только то, что видел сам, но и рассказы других людей, которые могли бы стать основой, сюжетом рассказа или повести, яр-

ким эпизодом произведения, чертой характера» [16, с. 10]. Некоторые сюжеты послужили основой для незавершенного романа «Дубы», прообразами героев которого стали члены семьи первого директора Санкт-Петербургского Политехнического института А.Г. Гагарина [17, с. 5–8]. «”Дубы” были задуманы Замятином как эпический роман о России, о русском народе, о русской душе [18, с. 12]».

Мировая война еще не закончилась, вслед за Октябрьским переворотом в России началась гражданская война. Обе войны соединились в одну и стали прообразом «Двухсотлетней войны» в романе Замятиня «Мы», «Двухсотлетняя война» и «Единое Государство» стали в нем центральными структурообразующими образами.

Замятин трактовал причины Первой мировой войны и объяснял их «экономической стихией», а не «виной» Германии и немецкого народа. В 1919 г. в предисловии к роману Герберта Уэллса «Война в воздухе» (1907, опубликован в 1908 г.) он сравнил мир накануне войны с «котлом без манометра», куда «кочегары без конца» подкладывали уголь, и выход мог быть только один: «мировой котел разнесло вдребезги». Все «великолепное здание старого мира» было построено из пироксилина – «целыми десятками лет мир вооружался, миллиарды тратились на постройку броненосцев, цеппелинов, пушек». Высокоразвитая промышленность Германии не находила новых рынков для сбыта продуктов – и так «стихийно, логически Германия пришла к войне» [19, с. 461]. Замятин проанализировал роман английского фантаста: Г. Уэллс показал, как война лишает человека человеческих начал, как превращает мирного героя в хладнокровного убийцу, как изменяет его нравственность и приучает к мысли, что убийство – «отвратительнейшее из человеческих преступлений» – необходимая принадлежность ежедневного обихода». Следствием войны, поворотом от человека к зверю назвал Замятин смертную казнь. В «мрачном зрелище всеобщего одичания» в последней главе романа Уэллса Замятин видит современную жизнь России: «люди, тратящие последние силы на борьбу с голодом и холодом» и равнодушно отношение к убийству. Замятин пытается провести параллель между фигурой принца Альберта, воображающего себя «сверхчеловеком и Александром Македонским» и вождями нового государства. Знакомая хладнокровная жестокость, проповедь войны до

конца – и рядом проповедь «о вере и милости Господней к Давиду», и рядом молитва «Бог – мое прибежище и моя крепость» [19, с. 464–466].

Эта книга, отредактированная Замятином, сохранилась в личной библиотеке А.А. Блока [20, с. 323–324; 21, с. 115–129]. На ее страницах [22] и, главное, в тексте предисловия Замятина поэт оставил пометы. Обилие уточнений и отчеркиваний на полях свидетельствует, что поэт внимательно изучил предисловие. Характер помет свидетельствует о том, что некоторые идеи Замятина и его трактовка романа Уэллса были близки Блоку. Блок отчеркнул следующий абзац предисловия: «И у нас, в России, еще так недавно смертная казнь вызывала протесты и возмущение. Теперь же по обе стороны фронта гражданской войны с одинаковым равнодушием читают в газетах длинные списки казненных <...>» [22, с. 11].

В начале июня 1919 г. Замятин вместе с К.И. Чуковским и А.Н. Тихоновым готовили первый номер нового «внепартийного» ежемесячного журнала «Завтра» [23]. А.А. Блоку предложили опубликовать там стихи, Замятину – новую повесть «Север»; ему же поручили написать манифест журнала. «Единственное оружие, достойное человека – завтрашнего человека – это слово», – утверждал писатель, напоминая, что именно «словом» русская литература «десятилетия подряд боролась за великое человеческое завтра». Манифест звучал, как страстный призыв встать «на защиту человека и человечности» в «эпоху подавления личности во имя масс», когда «война империалистическая и война гражданская – обратили человека в материал для войны, в нумер, цифру» [1, с. 48–49].

Знакомые Замятина отмечали, что после английской командировки стиль поведения и внешний облик Замятина изменились [24, с. 475–498]. Рассказывая о вернувшейся осенью 1917 г. чете Замятиных, переводчик А.Ф. Даманская охарактеризовала их так: «...свежие, бодрые, ладно, не попетербургски одетые, и впрямь английского облика. <...> Уклад английской жизни пришелся им по вкусу, они быстро вошли в нее, переняли черты английского обихода, и до последних дней и в облике, и в манере одеваться, принимать гостей – сохранили английские привычки» [25, с. 393].

Пребывание в Англии развило и закрепило то, что и ранее присутствовало в характере Замятина – выдержанку и стремление к внутренней свободе. В дорожном блокноте во время путешествия по Англии он сделал запись: «Англичанин любит свободу как свою законную жену, и если об-

ращается с ней не особенно нежно, то умеет при случае защитить ее как мужчина» [26]. Именно такое отношение к свободе Замятин сделает своим жизненным кредо: свое право на свободу он будет отстаивать «как мужчина» в сложных перипетиях своей жизни в послереволюционной России и вдали от нее, во Франции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Замятин Е.И.** Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999.
2. **Кандиба Б.Н.** Русское портостроительство в период 1914–1918 гг. Описание работ по устройству и оборудованию торговых портов на северном и восточном морских побережьях России (С отдельным атласом чертежей). Л., 1924 (Материалы по торговым портам: тр. Отд. вод. стр-ва / Высш. совет нар. хоз-ва. Гл. упр. гос. стр-ва ; вып. 7).
3. Заветы. 1914. № 3.
4. Письма Е.И. Замятина за 1906–1931 гг. и четыре ее письма от 15 июля, 16, 17 и 23 августа 1916 г. опубликованы в изд.: Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997 (Рукописные памятники; Вып. 3. Часть 1–2).
5. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина.
6. РГИА. Ф. 95. Оп. 10. Д. 508.
7. Князь Всеволод Николаевич Шаховской (1874–1954) занимал должность министра торговли и промышленности с 18 февраля 1915 г. вплоть до Февральской революции.
8. РГИА. Ф. 23. Оп. 15. Д. 378.
9. **Ситон [А. Э.], Раунтуэт [Г. М.]**. Справочная книга для морских инженеров, техников, заводчиков и строителей морских и речных судов военного и коммерческого флота, пароходных обществ и студентов. Пер. с 5-го англ. изд., испр. и доп. по 6-му (1901 г.), инж.-мех. И.И. Гиппиуса; Доб. к пер.: Практические формулы для судов В.И. Афанасьева; Технические условия Морского министерства на постановку металлов и изделий по машиностроению; Извлечения из правил Министерства финансов о котлах СПб.: типо-лит. И. Лурье и К°, 1901. XVII, 589 с. На обл. назв: Справочная книга по судовым механизмам. На тит. л. владельческая запись Е.И. Замятина. На заднем шмуктитуле автограф Е.И. Замятина: «The General Electr. C° Inc. Broadw. 12 Irone Rect. 6800».
10. **Андринко В.Г.** Ледокольный флот России, 1860-е – 1918 гг. М., 2009 (Сер. «Международный полярный год»); по указателю; <http://ru.wikipedia.org/wiki>

11. **Mayers A.** 1) Evgenii Zamiatin in Newcastle // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. № 1. P. 91–99; 2) Evgenii Zamiatin in Newcastle: A source for Islanders // Ibid. № 3. P. 498–501; 3) Zamiatin in Newcastle: The Green Wall and the Pink Ticket // Ibid. 1993. Vol. 71. № 3. P. 417–427.
12. **Conte-Helm M.** Japan and the North East of England. London, 1989.
13. **Мирский Д.С.** История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р.А. Зерновой. London, 1992.
14. **Замятин Е.И.** «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент и ст. М.Ю. Любимовой, Дж. Куртис. СПб., 2011.
15. **Браун Я.В.** Взыскиющий человека (Творчество Евгения Замятиня) // Замятин Е.И. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа.
16. **Никоненко Ст.С., Тюрин А.Н.** «...Только суть» // Замятин Е.И. Записные книжки. М., 2001.
17. **Гагарин А.П.** О героях неосуществленного романа Е.И. Замятиня «Дубы» // Краеведческие чтения. Порхов – Холомки. Материалы научной конференции 21–23 сент. 2001 г. Псков, 2002.
18. **Туниманов В.А.** Россия Евгения Замятиня [Замятин Е. И. Дубы: Наброски к роману] // Новый журнал. СПб., 1993. № 2. С 3-12.
19. **Замятин Е.И.** Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988.
20. Библиотека А.А. Блока. Л., 1985. Кн. 2.
21. **Любимова М.Ю.** Блок и Е.И. Замятин. Диалог о культуре и государстве. // Труды Музея истории Санкт-Петербурга. Вып. V. Музей-квартира А. Блока: Материалы научных конференций. СПб., 1999.
22. **Уэллс Г.-Д.** Война в воздухе / Пер. [с англ.] Э.К. Пименовой. Предисл. Е. И. Замятиня. Пб., 1919. (Всемирная литература. Англия. Т. 9). Хранится в библиотеке ИРЛИ РАН. Шифр: 94. 8 / 138.
23. О журнале «Завтра» см.: *Блок А. А. Записные книжки, 1901–1920*. М., 1965. С. 455; Вестник культуры и свободы. 1919. № 5/6. З-я стр. обл.; Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 112–113. Комментарии Е. Ц. Чуковской на с. 485. Издание журнала «Завтра» не было осуществлено.
24. **Любимова М.Ю.** Жизненный стиль и творческая манера Е.И. Замятиня // Замятин Е.И. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа.
25. **Мерич Арсений <Даманская А.Ф.>** Встречи с Замятиным / Републ. и коммент. Р.М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века: Исслед. и публ. СПб., 2002.
26. **Казнина О.А.** Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века: диссертация на соискание уч. ст. доктора филологических наук. 10.01.01. – Москва, 1999. 437 с.

**ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ОТ АКАДЕМИИ НАУК И УНИВЕРСИТЕТОВ
И ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК В 1915 ГОДУ**

В годы Первой мировой войны в Государственном совете, верхней палате Парламента Российской империи, развернулась серьезная политическая борьба, по накалу, зачастую, не уступавшая борьбе в Государственной думе. Важной частью этой противостояния было создание в Государственном совете оппозиционного ядра, примыкавшего к «Прогрессивному блоку» и думской оппозиции.

Осенью 1915 года, в момент острейшего политического кризиса, должны были пройти частичные выборы в Государственный совет. И в обычное время эти выборы приковывали к себе всеобщее внимание, так как давали представление о раскладе политических сил не только в верхней палате, но и среди избирателей, прежде всего, в академических кругах, в дворянской среде и губернских земских собраниях. После присоединения «прогрессивных групп» Государственного совета к «Прогрессивному блоку» эти выборы стали той лакмусовой бумажкой, которая должна была продемонстрировать степень поддержки избирателями тех членов Государственного совета по выборам, которые активно выступали на политической сцене в момент зарождения «Прогрессивного блока». Кроме того важно было показать общее настроение избирателей в вопросе поддержки «Прогрессивного блока», так как, голосуя за представителей «прогрессивных групп», они косвенно поддерживали и программу блока.

Осуществление этих задач осложнялось тем, что на выборах «прогрессивные группы» (левая (академическая), центр и кружок внепартийного объединения) должны были первоначально действовать порознь, чтобы не отпугнуть своих сторонников столь широкой коалицией. Группа правого центра в этот период рассчитывала пополнить свои ряды за счет колеблющихся выборщиков как справа, так и слева и получить большее влияние в Государственном совете, чем 20 голосов, которыми эта группа

располагала на 19 августа [1, л. 13 об.–14]. Задача правых была одновременно и простой и чрезвычайно сложной. Им необходимо было сохранить свои позиции и после выборов, что в условиях распада и неуверенности, охвативших правую группу, сделать было практически невозможно. Идти на выборы с открытым забралом для всех групп Государственного совета было чрезвычайно опасно, поэтому приходилось действовать с помощью закулисных переговоров, переманивая на свою сторону выборщиков, а зачастую и прямо обманывая их.

Обсуждение предстоящих выборов в Государственный совет началось уже в августе 1915 года. Как показывает письмо П.А. Демидова от 13 августа 1915 года к А.Б. Нейдгарту (группа правого центра) даже правый центр испытывал определенные проблемы в момент выборов. По поводу шансов кандидата правого центра М.С. фон-Брина П.А. Демидов писал: «Михаил Сергеевич имеет наиболее шансов, скажу даже больше, выбор его обеспечен при одном условии. Настроение земских кругов не в пользу правых элементов, поскольку последние проявили себя последовательными защитниками правительства, и я полагаю, что для успеха кандидатуры Михаила Сергеевича весьма важно, чтобы он совершенно определенно указал свое место не правее центра. Я думаю, с этим настроением следует считаться в данный момент» [2, л. 659]. Фактически, это было прямое предложение Нейдгарту санкционировать введение выборщиков в заблуждение относительно политических пристрастий М.С. фон-Брина, и так как 30 августа фон-Брин был избран от Нижегородского губернского земского собрания, этот прием принес долгожданный успех.

Но, в целом, как отмечали представители избирательных комиссий, подавляющее большинство земских собраний считало конец лета не совсем подходящим временем для выборов. Например, члены Оренбургского губернского земского собрания считали, что назначение заседания выборщиков желательно только после окончания сельскохозяйственных работ [3, л. 98, 128]. Поэтому, члены «Прогрессивного блока», прежде всего, из левой (академической) группы, решили сконцентрироваться на выборах в Государственный совет от Императорской академии наук и университетов, которые не представляли значительной опасности для численности левой группы, так как избранные от этой курии выборщики всегда поддерживали левых.

30 августа 1915 года в квартире М.М. Ковалевского (левый) двенадцать профессоров Петроградского университета обсуждали вопрос о предстоящих выборах в верхнюю палату и назначали кандидатов. Прекращались полномочия Д.И. Багалея и А.В. Васильева [4, л. 13 об.–14], принадлежавших к левой группе. В выборщики от Академии наук были назначены А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Вернадский и А.А. Шахматов [5]. В.С. Дякин отмечал как полевение выборщиков от Академии наук и университетов то, что выборщики провалили кандидатуру ректора Московского университета М.К. Любавского [6, с. 143]. Но это ни в коем случае не может служить показателем, так как Дякин опирался в своих подсчетах исключительно на данных периодической печати. Сама обстановка, сложившаяся во время этих выборов, не давала правым ни малейшего шанса. Примечательно, что в Харьковском университете при баллотировке выборщиков Д.И. Багалей, несмотря на принадлежность к левой группе, получил всего 1 голос, а избранными в выборщики оказались В.Ф. Левитский, В.Ф. Тимофеев и П.П. Пятницкий. Это, однако, не помешало левой группе одержать безоговорочную победу 25 сентября 1915 года, проведя в Государственный совет своих сторонников – академика В.И. Вернадского и профессора А.В. Васильева (переизбран на новый срок). Вернадский получил 22 избирательных и 11 неизбирательных шаров, а Васильев – 25 избирательных и 8 неизбирательных шаров [7, л. 7 об.]. М.М. Ковалевский расценил победу двух кадетов на выборах, как выражение доверия к левой группе [8, с. 336].

Значительно сложнее обстояло дело с выборами членов Государственного совета от торговли и промышленности. В этих выборах переплетались интересы различных региональных групп, и именно на этих выборах можно было, играя на противоречиях, провести как умеренных представителей, так и неприемлемых для правительства. Поэтому, министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской на встрече с выборщиками решил сыграть на региональных противоречиях и заявил, что Волга должна обязательно иметь своего представителя в верхней палате. Самым подходящим кандидатом Шаховской считал выбывающего Ф.В. Стакеева (центр). Этим заявлением Стакеев, фактически, был лишен возможности баллотироваться, так как стал рассматриваться как ставленник правительства. Видимо, Шаховской недостаточно серьезно отнесся к заметке о вы-

борах в Государственный совет, помещенной в «Новом времени» 30 августа 1915 года. Газета «Новое время» считала, что выборы А.И. Гучкова и П.П. Рябушинского практически обеспечены, велики шансы у Литвинова-Фалинского и почти никаких шансов не имеют директора банков, кандидатуры которых выставляют представители мясной биржи и некоторых биржевых комитетов [9].

Прекрасная информированность «Нового времени» нашла свое подтверждение 2 сентября 1915 года, когда было получено очередное сообщение о предвыборном собрании торгово-промышленной группы. Большинство собравшихся находили, что выборы должны носить ярко выраженный политический характер: «В виду этого было признано соответствующим ввести в Гос. Совет таких практических деятелей промышленности, которые проявили себя с определенной политической стороны, независимо от того, к каким районам эти лица принадлежат» [10]. Были названы кандидатуры А.И. Гучкова, П.П. Рябушинского и В.Н. Литвинова-Фалинского, а также С.С. Вейнштейна, как представителя евреев. Те же фамилии фигурировали и на собрании выборщиков из провинции. Отличительным моментом этого собрания было то, что выборщики отмечали определенное нежелание в Москве содействовать избранию А.И. Гучкова в Государственный совет, так как «в настоящий момент великих событий и больших дел Гучкова надо сохранить для более широкой деятельности, нежели кафедра и комиссии Государственного Совета» [11]. Прогрессистский орган поддерживающий П.П. Рябушинского, трудно заподозрить в этот период в нелюбви к Гучкову, так как, после провала кандидатуры Гучкова на общеземском съезде, в состав делегации, посыпаемой к царю, Рябушинский предложил уступить А.И. Гучкову свое место [12, с. 54].

А.И. Гучков, между тем, придерживался иного мнения. Для него, после неудачи на съезде Всероссийского союза городов, избрание в Государственный совет стало проверкой его влияния на общественные организации, что подтверждает и Н.В. Савич [13, с. 90]. В этот период кандидатура А.И. Гучкова рассматривалась, вместе с кандидатурой П.П. Рябушинского, как политическая, а не в виде представителя от определенного региона [14].

Накануне выборов, 13 сентября 1915 года, было проведено еще несколько частных собраний, на которых намечались кандидаты от торго-

вых и промышленных групп в Государственный совет. Намечено было девять кандидатов на четыре вакансии: Рябушинский, Гучков, Стахеев, Литвинов-Фалинский, Жуковский, Утин, Лаптев, Вейнштейн, Шайкевич [15]. Выдвигались кандидатуры исходя из региональных интересов, но то, что кандидатуры Рябушинского, Гучкова и Вейнштейна фигурировали практически на всех частных заседаниях, говорило о приемлемости этих кандидатур и их вероятном избрании в верхнюю палату. Борьба велась только за четвертое место, но кандидатура четвертого представителя не могла быть значительно правее вышеназванных фамилий, так как избрание происходило списком, а это давало определенные преимущества оппозиционным группам. Было очевидно, что при прохождении в Государственный совет Гучкова и Рябушинского, их избрание поможет провести и других неприемлемых для правительства представителей. Вторым существенным моментом было то, что П.П. Рябушинскому удалось создать представление о левых кандидатах, как о единственной альтернативе правительенному курсу.

Поэтому, когда после открытия 16 сентября съезда выборщиков от Совета торговли и мануфактур, Московского отделения Совета торговли и мануфактур, комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ Рябушинским было сделано предложение высказаться «за желательность немедленного созыва законодательных учреждений и за привлечение к власти лиц, облеченных общественным доверием», только двое выборщиков, граф В.С. Татищев и Н.Н. Курмаков, высказались против [16, л. 2]. При выдвижении кандидатов в члены Государственного совета П.П. Рябушинский получил 105 записок, А.И. Гучков – 101, Г.Э. Вейнштейн – 61, И.П. Лаптев – 55, В.В. Жуковский – 24, В.П. Литвинов – Фалинский – 8, остальные кандидаты от 3 до 6 голосов. Баллотироваться шарами изъявили согласие: а) от торговли – А.Л. Гучков и И.П. Лаптев; б) от промышленности – П.П. Рябушинский, Г.Э. Вейнштейн и В.В. Жуковский. Литвинов-Фалинский снял свою кандидатуру. Баллотировка шарами дала следующие результаты: А.И. Гучков – 101 избирательный шар и 9 неизбирательных, П.П. Рябушинский – 100 избирательных и 10 неизбирательных, И.П. Лаптев – 79 избирательных и 31 неизбирательный, Г.Э. Вейнштейн – 58 избирательных и 52 неизбирательных, В.В. Жуковский – 45 избирательных и 65 неизбирательных. Избранными в Государ-

ственний совет оказались: от торговли – А.И. Гучков и И.П. Лаптев, от промышленности – П.П. Рябушинский и Г.Э. Вейнштейн [16, л. 2]. Цифровые данные по избирательным шарам приводились в периодической печати несколько другие, с уменьшением на 1 голос результатов по всем кандидатам [17; 18]. Это противоречие произошло из-за того, что не были учтены собственные голоса кандидатов, поданные за самих себя.

А.И. Гучков после избрания заявил: «В Государственном Совете я сяду в центре и буду всемерно поддерживать программу прогрессивного блока. Несомненно, программа далека от политического совершенства, в ней есть, конечно, и определенные недочеты, но, тем не менее, она лучшая из того, что предполагалось и, дай Бог, чтобы программу эту удалось осуществить» [17; 19, с. 364]. Г.Э. Вейнштейн сказал про себя, что он «поборник демократических принципов». И.П. Лаптев представился как кадет, что должно было определить его интересы в верхней палате.

Периодическая печать расценила исход выборов как полную победу «Прогрессивного блока». Кадетская «Речь» отмечала политическую подоплеку выборов в том, что собрание выборщиков присоединилось к резолюциям московских съездов [20]. «Русские ведомости» были еще более откровенны: «Можно не быть поклонниками г.г. Гучкова и Рябушинского, но нельзя отрицать того факта, что избрание их равносильно в настоящий момент выставлению известной общественной группой определенных политических требований» [21].

Правые так и расценили окончательные результаты выборов. Сетования правых на усиление левого крыла в Государственном совете были обоснованы, но сами они делали для консолидации своих рядов очень мало.

А.И. Гучков оказался в группе центра верхней палаты, а Г.Э. Вейнштейн, И.П. Лаптев и П.П. Рябушинский вошли в левую (академическую) группу. Произошло явное полевение выборщиков, так как занимающие кресла членов верхней палаты от торговли и промышленности Н.Э. Крамер, С.П. Глезмер, Ф.В. Стахеев и Н.С. Авдаков входили в группу центра. В то же время не следует переоценивать результаты выборов в Государственный совет от торговли и промышленности, отмечая их оппозиционный тон [6, с. 143; 22, с. 183; 23, с. 66]. Но увеличение численности «прогрессивных групп» после этих выборов не произошло, тем более, что старые члены Государственного совета, например Н.С. Авдаков, вызывали у пра-

вых такие же отрицательные эмоции [24, л. 3]. Скорее даже, наоборот, по независящим от избранных вновь членов причинам, произошло уменьшение численности «прогрессивных групп». Хотя Н.В.Савич и отмечает, что деятельность в Государственном совете Гучкова не удовлетворяла [13, с. 90] – это явно не соответствует фактическому положению дел. А.И. Гучков просто манкировал своими обязанностями. А.И. Гучков и П.П. Рябушинский, болели в начале 1916 года и не могли присутствовать на сессиях законодательных палат, открывшихся 9 февраля 1916 года, но они поправились к осени 1916 года. Однако, до 14 февраля 1917 года их присутствие в Государственном совете не зафиксировано [24]. Таким образом, они просто пропустили осеннюю сессию 1916 года в законодательных палатах, в то время как Г.Э. Вейнштейн и И.П. Лаптев ревностно относились к своим обязанностям, а Вейнштейн не пропускал ни одного заседания в верхней палате.

Следующими по порядку выборами, которые сразу должны были дать представление о раскладе политических сил, явились выборы от дворянских обществ, проходившие 23–25 октября 1915 года. Обстановка нервозности и давление на избирателей сделали свое дело еще до начала выборов. Об этом писал Н.П. Урусов 21 октября 1915 года к В.Г. Урусовой в Екатеринослав, отмечая давление на правых: «Злосчастный прогрессивный блок каким-то гипнозом затемнил многие здравые головы и видимо да предстоящих выборах сыграет значительную роль» [25, л. 1766]. Одновременно началась усиленная агитация против письма А.П. Струкова от 23 августа 1915 года, которое Струков разослал во все губернии [26, л. 27]. Влияние этой агитации было очень значительно, что отмечали в своих письмах правые члены Государственного совета А.И. Мосолов и Н.А. Зверев, который 21 ноября 1915 года писал: «Травля Анания Петровича, действительно, шита белыми нитками. Цель ее ясна: Родзянко и К° нужно было повернуть дворянские выборы в Гос. Совете в свою пользу, что им до некоторой степени и удалось. Теперь выборы окончены, и травля, как по команде, прекратилась» [27, л. 2024].

Уже начало выборов поставило правых в очень трудное положение. Правым не удалось создать сколько-нибудь прочного объединения с правым центром. Напротив, правый центр, фактически, отказался от союза с правыми ради собственных выгод. П.Карцев объяснял ход выборов в

письме от 28 октября 1915 года к В.А.Карцеву: «Было много, так названных, бегунов, т.е. лиц перекочевавших из одной группы в другую, сообразно надеждам на получение голосов. В этом отношении особенно отличились представители правого центра, бывшие во время всех предварительных совещаний с нами, правыми, и перед самыми выборами раскрывшие левым все наши планы» [28, л. 1822]. Оппозиционно настроенные выборщики взяли ход выборов в свои руки, что показывает и текст адреса, представленный Николаю II от съезда выборщиков. Этот текст, после текста письма А.П.Струкова, был поворотом на 180 градусов, так как он, фактически, продолжал череду резолюций в поддержку «Прогрессивного блока». Но это не было неожиданностью для его составителей, так как текст составлял Е.Н. Трубецкой, и «принят он был и правыми, хотя и с кислой миной» [25, л. 1800 об.].

В результате трехдневных выборов, к 25 октября 1915 года, в Государственный совет избранными оказались В.А. Андреевский, С.Е. Бразоль, С.С. Чеботарев, граф П.С. Шереметев, граф И.В. Стенбок-Фермор и С.Б. Скадовский. Так как С.Б. Скадовский и граф П.С. Шереметев получили одинаковое количество избирательных шаров, было решено бросить между ними жребий, по которому избранным на шестилетний срок для замещения А.К. Рачинского (правый) оказался граф П.С. Шереметев [29, л. 9]. Хотя выборы можно было расценить как победу правого центра, так как к этой группе сразу примкнули Бразоль, Андреевский и Стенбок-Фермор [1, л. 25 об.–26], закулисная сторона выборов показывает непростые отношения в среде выборщиков, когда многие умеренно-правые кандидаты должны были скрывать свои политические пристрастия. Об этом писал лидер правого центра А.Б. Нейдгарт к графу Ф.А. Уварову 28 октября 1915 года: «Не можете ли вы от себя поговорить с Шереметевым? Он теперь в Москве. Скадовский говорил мне сегодня, что пересядет к нам попозже, а сейчас ему неудобно (невидимому, кому-нибудь до выборов обещал). Про Менделеева говорят, что тоже может сесть к нам» [30, л. 1824].

В целом, усиления влияния «прогрессивных групп» не произошло, так как остальные, избранные в верхнюю палату оказались на умеренных позициях. П.П. Менделеев и С.Б. Скадовский оказались в кружке внепартийного объединения, П.С. Шереметев сел к внепартийным, а С.С. Чеботарев – к правым. Но полевение выборщиков и давление, оказанное на

них со стороны членов Государственного совета, поддерживающих «Прогрессивный блок», привело к тому, что даже вошедшие в правый центр новые члены верхней палаты, по словам В.И.Гурко, придерживались умеренных взглядов, то есть не являлись союзниками правой группы [31]. Подобную же оценку результатам выборов давал и А.Н. Наумов [32, с. 336]. Еще дальше в оценке результатов выборов шли правые, о чем писал Б. Карамзин 21 ноября 1915 года к А.Н. Карамзину: «Действует удручающее то, что выборщики из дворян всей Руси так полевели, что противно было бы быть в такой среде... И подумаешь, с такими древними боярскими фамилиями, как, Куракин, Голицын, Шереметев и др. – все кадеты» [27, л. 2031]. Колебания вновь выбранных членов закончились к ноябрю 1915 года, когда граф П.С. Шереметев и С.С.Чуботарев, проходившие на выборах как представители правых, фактически, порвали со своими сторонниками и пересели в группу правого центра [33, л. 34–37].

Выборы в Государственный совет от губернских земских собраний, начавшиеся еще в августе 1915 года, создали почву для численного изменения в «прогрессивных группах» Государственного совета. Избранными оказались в большинстве своем умеренно-оппозиционные земцы: группа центра – 13 членов, левые – 9, кружок внепартийного объединения – 2, внепартийные – 1, правый центр – 8, правые – 4 [34, л. 4–169, 2–260]. Выборы в большинстве губерний прошли для левых групп довольно успешно, что всеми комментаторами отмечалось как влияние общеполитической ситуации, хотя иногда сторонникам «Прогрессивного блока» приходилось прибегать к популистским шагам. Например, Е.Н. Трубецкой 12 сентября во время предвыборных выступлений в Калужском земстве предлагал сложить с себя полномочия по минованию опасности [35]. Под опасностью Трубецкой понимал только военную опасность, не касаясь декларации «Прогрессивного блока» и действий правительства. Это, однако, не ввело в заблуждение правых. Избрание Трубецкого они ставили в один ряд с избранием Г.Э. Вейнштейна.

Следует отметить, что там, где правые действовали активно, им удалось, если не провести своих кандидатов, то хотя бы отклонить резолюции в поддержку московских съездов. Это, например, удалось К. Пасхалову сделать во время выборов в Саратовском земском собрании. Был избран активист «Прогрессивного блока» Д.А. Олсуфьев (центр), но резолю-

ция в поддержку московских съездов не прошла. Пасхалов писал Д.А. Хомякову, что «никакого единодушия» в стремлении к министерству общественного доверия нет и быть не может в настоящих военных обстоятельствах» [36, л. 1885].

То же самое отмечал И.Е. Гингмут в письме к А.А. Ширинскому-Шахматову (правый) в Петроград о ходе выборов в Черниговском земском собрании: «... Работаю по-прежнему без шума, чтобы гусей не раздавить, но позиций не уступаю. Все внимание черниговцев направлено к тому, чтобы посадить в Гос. Совет рядом с Маклаковым его личных и политических врагов, и это им удается, так как фронтируют здесь все и всегда; опереться правым почти не на кого, да и правые здесь какие-то анекдотичные субъекты без всякой инициативы» [37, л. 1630]. В члены Государственного совета был избран Н.П. Савицкий (центр) 33 голосами против 27 [38], но работа Гингмута с выборщиками сделала невозможным принятие политических резолюций.

Однако, члены «Прогрессивного блока» также не упускали возможности провести закулисные переговоры с целью принятия выгодных для них решений. Если в выборах от съездов землевладельцев Лифляндской и Эстляндской губерний особой политической борьбы не наблюдалось, так как избранные соответственно Э.А. Нолькен (центр) и А.О. Шиллинг (центр) прошли подавляющим большинством голосов, то в выборах от землевладельцев Области войска донского картина была несколько иной. Хотя выборы там были назначены на 13 октября 1915 года, И.Н. Ефремов, один из лидеров прогрессистов, уже 13 сентября был озабочен поисками кандидата, поддерживающего «Прогрессивный блок» в Государственном совете [39, л. 46 об.]. Прогрессисты мобилизовали все свои силы, о чем прямо говорится в письме члена Государственной думы М. Воронкова к А.А. Ковалеву от 3 октября 1915 года: «Я очень прошу вас приехать на этот съезд и привезти с собой всех, кто имеет право участвовать на этих выборах. За кого и как голосовать вам укажет Ив. Ник. Ефремов. Необходимо принять меры, чтобы в Гос. Совет не прошел вновь Ген. Клунников» [37, л. 1605]. Генерал Н.И. Клунников входил в группу правого центра и был умеренно-правым [40]. Кандидатура самого Ефремова с треском провалилась, так как он получил всего 2 записки [41, л. 24], но вместо Клунникова был все же избран прогрессист В.И. Черницкий, получивший 65

избирательных шаров, а против только 15. Черницкий сразу же занял место в группе центра, что дает полное право считать проведенную прогрессистами кампанию вполне удачной.

В результате всех усилий членов «прогрессивных групп» по проведению своих представителей в Государственный совет наметилось изменение направления расстановки политических сил в верхней палате. Выборы показали значительное изменение позиций выборщиков и отход их от крайне правой части членов Государственного совета. Одновременно возросло влияние левой части Государственного совета, прежде всего, в земской среде. Результаты выборов говорят именно о начавшемся резком политическом размежевании в верхней палате, в результате чего произошло выделение двух политических группировок, отличительной чертой которых являлось отношение к «Прогрессивному блоку». Дело даже не в том, что проиграли крайне правые, хотя это и отмечалось на заседании «Прогрессивного блока» 28 октября 1915 года [42, с. 151]. Их поражение в численном соотношении было не очень значительно, так как правая группа уменьшилась всего лишь с 60 членов в августе 1915 года до 56 членов к концу 1915 года. Незначительно возросла и численность «прогрессивных групп» верхней палаты: с 89 членов на 19 августа 1915 года до 94 членов к 11 февраля 1916 года [4, л. 13 об.–14, 29 об., 30, 35, 36.]. Более важным было перераспределение численности внутри «прогрессивных групп» и в правом лагере. Произошло значительное полевение этих полярных объединений. Так левая (академическая) группа возросла на 9 человек, совершив стремительный рывок в упрочении своего влияния [43, с. 229, 232, 235, 237–240].

Объективно, правые понесли тяжелое поражение [44, с. 307], так как выборная кампания разворачивалась в условиях поляризации групп, и то, что выборщики провели в Государственный совет десятки представителей, сочувствующих «Прогрессивному блоку», показывает глубину этого поражения. «Прогрессивные группы» устояли в момент осложнений в своих рядах, и, хотя правые не были безоговорочно разгромлены, общее построение «прогрессивных групп» после выборов было столь же умеренно-оппозиционным, как и до них. В Государственном совете к 1 января 1916 года продолжала существовать стойкая группа, которая готова была продолжать свои отношения с думской частью «Прогрессивного

блока», опираясь при этом на результаты последних выборов, фактически, санкционировавшего такое сотрудничество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Общее собрание Государственного совета // РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7.
2. Департамент полиции МВД// ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031.
3. Государственная канцелярия Государственного совета // РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7 (ч. 1).
4. Общее собрание Государственного совета // РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7.
5. Новое время. 1915. 31 августа.
6. **Дякин В.С.** Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Л.: Наука, 1967.
7. Государственная канцелярия Государственного совета // РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 10.
8. **Бельгард А.В.** Воспоминания. «Новое литературное обозрение». М., 2009 .
9. Новое время. 1915. 30 августа.
10. Новое время. 1915. 2 сентября.
11. Утро России. 1915. 8 сентября.
12. Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б. Граве. М. ; Л.: Гос. изд., 1927.
13. **Савич Н.В.** Воспоминания. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.
14. Утро России. 1915. 15 сентября.
15. Новое время. 1915. 14 сентября.
16. Государственная канцелярия Государственного совета //РГИА. Ф.1162. Оп.8. 1915 г. Д.4.
17. Новое время. 1915. 17 сентября.
18. Утро России. 1915. 17 сентября.
19. Вестник Европы. 1915. Кн. 10.
20. Русские ведомости. 1915. 18 сентября.
21. Речь. 1915. 18 сентября.
22. **Старцев В.И.** Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.: Борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия». Л.: Наука, 1977.
23. **Новикова Е.Э.** Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917. (Из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции): Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1986.
24. Подсчитано по РГИА: Общего собрания Государственного совета // Ф. 1148. Оп. 10. 1917 г. Д. 4. Л. 7.
25. Департамент полиции МВД // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1035.
26. **Бобринский А.А.** // РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 76.
27. Департамент полиции МВД // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1038.
28. Департамент полиции МВД // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1822.

- 29.** Государственная канцелярия Государственного совета //РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 9.
- 30.** Департамент полиции МВД // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036.
- 31.** Русское слово. 1915. 28 октября.
- 32.** **Наумов А.Н.** Из уцелевших воспоминаний. 1968–1917. Т. 2. Нью-Йорк: Наумова и Кусевицкая, 1955.
- 33.** **Клюжева И.С.** // РГИА.Ф.669. Оп. 1. Д. 17.
- 34.** Подсчитано по РГИА: Государственная канцелярия Государственного совета // РГИА Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7 (ч. 1 и 2).
- 35.** **Морозова М.К.** // РО РГБ. Ф. 171. К. 8. Д. 3. Л. 50об; ОР РГБ ф. 171.9.3, лл. 1-2об., б.д.
- 36.** Департамент полиции МВД // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036.
- 37.** Департамент полиции МВД // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034.
- 38.** Государственная канцелярия Государственного совета // РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 8 (ч. 2).
- 39.** Департамент полиции МВД // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042(1).
- 40.** **Левенсон М.Л.** Государственный совет 1915 г. Пг., 1915. С. 39; РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7. Л. 1об.-2.
- 41.** Государственная канцелярия Государственного совета // РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 6.
- 42.** Красный архив. 1932. Т. 52(3).
- 43.** Монархия перед крушением 1914–1917. Из бумаг Николая II. М.; Л.; 1927.
- 44.** **Иванов А.А.** Правые в русском парламенте: От кризиса к краху (1914-1917) // моногр. науч. ред. И.В.Алексеева. М.; СПб.: Альянс-Архео. 2013. С. 520

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФИНЛЯНДСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В 1914–1917 ГГ.

Влияние начавшейся в 1914 году войны на политическую ситуацию в Великом княжестве Финляндской не было однозначным. С одной стороны, проявления оппозиционности сохранялись, на что обращала внимание, в частности, «Финляндская газета», выходившая при канцелярии генерал-губернатора, в обзоре положения в Финляндии за 1914 год: «Известная часть местного населения, проникнутая духом политика, не только не стремится к сближению с Россией, а, наоборот, прилагает все усилия, чтобы путем сопротивления, порой доходящего до активного, обособиться от Империи. Эти прискорбные факты, являясь продуктом деятельности политикающей группы, нарушают серьезное течение местной жизни и бесспорно наносят жестокий вред в большинстве случаев далеким от политика широким слоям мирного местного населения. Явления эти тем прискорбнее, что в их водоворот вовлекается все больший и больший круг людей, ослепленных, захваченных стадным чувством подражания или не имеющих силы воли и разума противостоятьластной кучке, действующей всеми доступными средствами на колеблющиеся, беспочвенные умы» [1].

С другой стороны, в первые месяцы войны для финляндского общественного мнения характерным было проявление лояльности по отношению к России. Даже многие бывшие лидеры пассивного сопротивления демонстративно выражали дружеское отношение к русским официальным лицам и обещали забыть прежние разногласия. Никаких волнений, забастовок, актов саботажа на железных дорогах, телефоне или телеграфе, которых опасались генерал-губернатор Ф. А. Зейн и военные власти, не наблюдалось. Жители Гельсингфорса приветствовали проходившие по улицам города части новобранцев. Командование 22-го корпуса выразило благодарность Финляндским железным дорогам за помочь в ускоренном проведении мобилизации. Велись дискуссии о восстановлении финляндских войск, которые могли бы принять участие в обороне империи. Они

не имели какого-либо результата, однако около 500 финляндцев поступили добровольцами в ряды русской армии. Начался сбор пожертвований в фонд Красного креста, на средства, собранные финляндскими промышленниками, был оборудован полевой госпиталь. В финляндских больницах было выделено несколько сот коек для раненых [2, р. 237–238].

Надежды на либерализацию правительственной политики в Финляндии, однако, едва ли были оправданы. Более того, введение военного положения служило поводом для введения ограничений и на обычные формы общественно-политической жизни. Свобода собраний была сведена до минимума. Ряд газет подвергся штрафу, выпуск восьми газет к концу 1914 г. вообще был приостановлен [3, с. 117]. Ограничительные мероприятия коснулись в первую очередь созыва финляндского парламента (сейма), очередная сессия которого должна была состояться в 1915 г. Финляндский генерал-губернатор Ф. А. Зейн в письме премьеру И. Л. Горемыкину от 24 ноября 1914 г. просил «внести этот вопрос в Совет Министров и затем испросить по нему Высочайшего указания». Совет Министров, обсудив вопрос в заседании 2 декабря, принял во внимание соображения Ф. А. Зейна о том, что «созыв сейма в разгар войны, когда Финляндия, а также ее прибрежный водный район, объявлены на военном положении и когда для нее не исключена опасность неприятельского нападения, представляется едва ли соответственным». В итоге, «руководствуясь приведенными соображениями, Совет Министров положил: срок созыва очередного финляндского сейма 1915 года отложить, впредь до воспоследования особых по сему предмету указаний». Это решение было утверждено императором 10 января 1915 г. [4, л. 376].

В начале 1916 г. в Финляндии начали распространяться слухи о том, что из-за острой нехватки личного состава в русской армии правительство планировало начать призыв жителей Великого княжества на военную службу. Штаб Северного фронта предложил обнародовать заявление о том, что эти слухи неосновательны, так как, по мнению военного командования, именно боязнь быть мобилизованными в армию побуждала финляндскую молодежь покидать страну. Ф. А. Зейн предлагал воздержаться от опубликования подобной декларации и ограничиться ужесточением контроля над эмиграцией. Распоряжением главнокомандующего армиями Северного фронта был запрещен выезд из Финляндии за границу моло-

дых людей в возрасте от 19 до 35 лет [2, р. 259]. Вопрос о призывае финляндцев в армию был вновь поднят военным министром Д. С. Шуваевым в октябре 1916 г. Он предложил произвести приписку к призывным участкам в Финляндии мужчин в возрасте от 18 до 43 лет и призвать их либо в действующую армию, либо в трудовые формирования. Министр обращал внимание на то, что призыв к тому времени был распространен уже на коренные народы Степи, Сибири и Туркестана, Финляндия же оставалась единственной частью империи, свободной от призыва [2, р. 259–260]. В подобном духе была выдержанна статья, опубликованная несколько ранее, в одном из сентябрьских номеров «Нового времени» [5].

Ф. А. Зейн аргументировал свою точку зрения тем, что принудительный призыв финляндцев на военную службу может лишь усилить в Великом княжестве оппозиционные настроения и сепаратизм. Провести мобилизацию в порядке местного законодательства было невозможно в принципе, а на решения, принятые в его обход, финляндцы ответили бы кампанией неповиновения, как это уже было в начале 1900-х гг.¹ Принудительный призыв усилил бы местный сепаратизм, снова активизировалась бы нелегальная эмиграция, а в рядах русской армии появились бы ненадежные элементы и даже явные германские шпионы и саботажники. Этим могли бы воспользоваться немецкие и шведские активисты для усиления в Финляндии антирусской пропаганды. В итоге проведение призыва в Финляндии не только не усилило бы русскую армию, но, напротив, подорвало бы её мощь, так как на обеспечение спокойствия и безопасности в Финляндии пришлось бы выделить дополнительные силы [2, р. 260–261].

Почти все проблемы, связанные с Финляндией, таким образом, рассматривались в центре через призму политики. Это не было случайным. Политическое положение в Финляндии действительно оставалось источником головной боли для российского политического и военного руководства. Между тем, деятели «активного сопротивления» и финляндские сепаратисты в целом с возникновением войны увидели свой шанс в том,

¹ В 1901 г. общимперская воинская повинность была распространена на Финляндию. Это вызвало в стране кампанию протеста, призывники в массовом порядке отказывались являться на призывные пункты. В 1905 г. призыв для населения Финляндии был отменен и заменен ежегодными взносами в имперскую казну.

чтобы добиться целей достижения национальной независимости Финляндии при поддержке противников России. Германское руководство, со своей стороны, также проявляло заинтересованность к сотрудничеству с оппозиционными силами внутри государств враждебного военного блока [5, с. 216–217].

Первые контакты немецких представителей с эмигрантами из Финляндии завязались уже через несколько дней после начала войны. Уже в первую неделю войны германский посланник в Стокгольме Ф. фон Райхенау получил из Берлина телеграмму с предписанием поддерживать любые начинания, направленные на возникновение восстания в Финляндии. 6 августа 1914 г. Ф. фон Райхенау встретился с проживавшим в шведской столице известным деятелем финляндской эмиграции К. Циллиакусом. В ходе беседы было принято решение силами финских эмигрантов организовать прогерманскую пропаганду в Швеции и наладить разведывательную работу в Финляндии [6, с. 64]. Осенью того же года немцы установили контакт с еще одним видным деятелем финской эмиграции в Стокгольме, Х. Гуммерусом. Последний прибыл в Берлин, где встретился с лидером партии католического центра М. Эрцбергером. После проведенных переговоров Эрцбергер приступил к организации в Берлине «Комитета поддержки Финляндии». Х. Гуммерус также имел беседу в Берлине с сотрудником германского МИДа О. Вебером, которого уверял, что для финнов крайне важна победа Германии в войне, и что многие в Финляндии готовы работать ради содействия этому. Финляндские эмигранты Ф. Веттерхоф и Й. Сундвалль организовали 27 ноября 1914 г. другой самостоятельный финский комитет, который был позднее преобразован в Финляндскую канцелярию. Задачами этого органа были поддержание связей с Финляндией, организация кампаний в пользу Финляндии в германской прессе, организация и поддержка соотечественников на территории Германии. К. Цилиакус, Х. Гуммерус и Ф. Веттерхоф начали снабжать немцев важной информацией о Финляндии, на основании которой немцы строили свои замыслы революционирования этой окраины Российской империи [7, с. 40].

В первые месяцы войны лидеры финских сепаратистов основной расчет делали на шведскую помощь. Сторонники «скандинавского направления» в финском активизме магистр И. Альфтан и юрист Г. Грипен-

берг обратились к шведским властям с просьбой организовать обучение финских добровольцев в Швеции. В качестве компенсации за помощь предлагалось рассмотреть вопрос об уступке Швеции Аландских островов и части Улеоборгской губернии, а также о возможном государственном союзе Швеции и Финляндии в случае отделения Великого княжества от России [3, с. 131]. Подобный проект мог найти поддержку среди шведских активистов. Ответ на это со стороны правительственные кругов, однако, последовал отрицательный. Шведское руководство твердо придерживалось нейтралитета в войне и не желало его нарушать поддержкой финляндского сепаратизма. Министр иностранных дел Швеции К. Валленберг даже заявил: «Если бы нам на подносе преподнесли Финляндию, я бы поспешил отказаться от подобного подарка, и громадное большинство шведов мыслит так же» [8, с. 311]. И К. Валленберг, и премьер-министр Швеции Я. Хаммаршёльд решительно противостояли попыткам втянуть Швецию в войну на стороне Германии и её союзников. При переговорах с немецким банкиром М. Варбургом в июле 1915 г. Валленберг говорил о неготовности шведской армии к войне и о том, что в случае вступления Швеции в войну на стороне противников Антанты Англия перекроет Швеции все связи с заграницей. Министр высказался о незainteresованности Швеции в Аландах и выразил мнение, что Финляндии лучше оставаться автономной частью России [6, с. 213].

Неудача на скандинавском направлении вынуждала искать более надежного союзника. Ставка была сделана на Германию как на основного противника России. Тем более что лидеры финских сепаратистов в большинстве придерживались германофильских убеждений. В ноябре 1914 г. в Финляндии появились немецкие прокламации «К финскому народу». В них население Великого княжества призывалось к «свержению со своей шеи русского ига при помощи Германии, которая твердо решила вернуть Финляндии политическую свободу и самостоятельность». В конце 1914 г. немецкая дипломатия и военные круги приступили к прямой подготовке вооруженных беспорядков в Финляндии. После переговоров О. Вебера с представителями Военного министерства в Швецию был командирован капитан Г. Фестенберг, получивший приказ закупить оружие и снаряжение «для возбуждения восстания в Финляндии». На средства немецкого Военного министерства планировалось приобрести оружие и боеприпасы.

В декабре 1914 г. Вебер и Фестенберг закупили у частных шведских компаний 10 тысяч винтовок с боеприпасами. В январе 1915 г. Вебер сообщал о закупке 70 тысяч винтовок и сабель. Оружие размещалось в различных местах шведского побережья, чтобы при необходимости можно было его быстро перебросить в Финляндию [6, с. 103].

Масштабы сепаратистских и вообще антирусских настроений в Финляндии были, однако, не так велики, как бы этого хотелось эмигрантским лидерам и их германским покровителям. Большинство населения сохраняло лояльность по отношению к империи. 7 января 1916 г. от имени главнокомандующего армиями Северного фронта в Совет Министров было передано следующее сообщение: «Мною получены сведения, что в Финляндии, под личиной спокойствия и лояльности, подготавливается вооруженное восстание, с целью отторжения ее, при помощи Германии, от России. Подготовка восстания идет настолько интенсивно, что свыше 1000 молодых людей обучаются в Германии военному делу с целью устройства у себя на родине кадра войск, а представители финляндских политических партий будто бы уже заручились обещанием Германии прислать к ним на помощь несколько германских корпусов» [9, л. 6]. Однако через несколько дней, 13 января, морской министр И. К. Григорович, в донесении на имя председателя Совета Министров, относительно сведений об обучении тысячи финляндцев военному делу в Германии, писал: «Сведения эти действительно подтверждаются из некоторых источников. Тем не менее нет никаких данных, чтобы считать Финляндию как бы уже находящейся в состоянии вооружения, и принимать по отношению к ней столь суровую меру. (...) Что касается до помощи, которую Германия могла бы оказать восставшей Финляндии посылкой нескольких корпусов, то является вопрос, каким путем эти корпуса могли бы быть в Финляндию доставлены. Восточная часть Балтийского моря и Ботнический залив находятся настолько под контролем нашего флота, что германцы, опасаясь наших мин, подводных лодок и боевых судов, не могут решиться на перевозку войск морем, непосредственно на финляндское побережье. Только вступив в союз со Швецией, Германия могла бы произвести нападение на Финляндию, проводя свои войска или вокруг Ботнического залива, что было бы крайне трудно ввиду пустынного характера края и недостаточности в нем путей сообщения, – или же часть войск могла бы быть переве-

зена через Ботнический залив. Такая перевозка потребовала бы продолжительной подготовки; германцам пришлось бы предварительно завладеть Ботническим заливом, или его частью, пользуясь содействием шведского флота и опираясь на шведское побережье» [9, л. 8–9].

Финляндский генерал-губернатор Ф. А. Зейн в донесении премьеру Б. В. Штюрмеру от 24 числа того же месяца также передавал информацию в более успокоительном тоне: «Так как, однако, в Финляндии все же существует... недовольство, сепаратизм и германофильство, хотя ныне и притаившееся, но все же пустившие достаточно глубокие корни в некоторых общественных в Финляндии кругах, Германия не упустила случая попытаться использовать эти обстоятельства в свою пользу в борьбе против России. Уже вскоре после начала войны были получены сведения, что Германия стремится возбудить в Финляндии смуту через своих эмиссаров и путем распространения воззваний, в коих финскому народу обещалось освобождение при помощи германцев от русской власти. Эти стремления Германии были, однако, парализованы в самом их начале установлением строгого надзора за приезжающими из-за границы и за провозом контрабанды, а также введением просмотра почтовой и телеграфной корреспонденции со стороны органов военной цензуры. По донесениям всех губернаторов, ни агитации германских эмиссаров, ни широкого распространения германских воззваний в крае не наблюдалось. Были случаи, когда эти воззвания получались отдельными лицами, и эти последние их уничтожали, или представляли властям» [9, л. 14–14 об.].

В донесении начальника штаба Верховного Главнокомандующего Б. В. Штюрмеру от 15 июля 1916 г. настроение и поведение финляндских политических кругов изображались следующим образом: «В течение первого года войны внутреннее настроение в Финляндии, казалось бы, не оставляло сомнений в полной политической лояльности этой страны по отношению к России. Однако сдержанное поведение Финляндии, остававшейся лишь молчаливой свидетельницей напряженной борьбы России с Австро-Германией, не внушало доверия. Скорее можно было предполагать, что руководящие партийные центры в Финляндии решили принять выжидательное положение и ограничиться наблюдением за текущими событиями, воздерживаясь от каких бы то ни было резких и необдуманных шагов, дабы не навлечь на себя подозрение правительства и в то же время иметь

возможность своевременно повернуть общество и народ в ту или иную сторону, в зависимости от успеха русского оружия, политического положения в Швеции и настроения внутри Империи» [9, д. 1810, л. 17 об.]. По сведениям, которыми располагал Ф. фон Райхенау, большим разочарованием для финских сепаратистов был отказ немцев от проведения активных операций военно-морских сил против русского Балтийского флота и гаваней в Финском заливе [6, с. 66].

В создавшихся условиях финляндские сепаратистские прогерманские круги пришли к мысли о том, что для начала восстания в Финляндии нужен толчок извне. В конце 1914 г. представители тайного студенческого комитета в Гельсингфорсе (который был образован в ноябре 1914 г. иставил своей целью полное отделение Финляндии от России) Б. Паулиг и В. Хорн передали в Стокгольме через Х. Гуммеруса в германское представительство послание, в котором содержалась просьба к германскому военному руководству организовать военную подготовку для двухсот финских добровольцев и оказать помощь оружием. Замыслы организации военного обучения для молодых финнов в Германии развивал и Ф. Веттерхоф; он предполагал, что такие подготовленные кадры могли бы стать в дальнейшем основой офицерского корпуса для будущей финской армии. 26 января 1915 г. в Берлине состоялось совещание представителей Военного министерства, Генерального штаба, Адмиралтейства и МИДа, на котором было принято решение организовать близ Гамбурга, в местечке Локштедт, четырехнедельные курсы военной подготовки для двухсот финляндцев [6, с. 124–126; 10, с. 43–44]. Так было положено начало т. н. егерскому движению. Ф. А. Зейн сообщал об этом Б. В. Штюрмеру следующее: «Потерпев неудачу в своих попытках возбудить смуту среди массы населения Финляндии, Германия все же нашла у него слабое место, на котором сосредоточила свои коварные усилия. Она, независимо от использования некоторых финляндцев в качестве шпионов, занялась вербовкой, через своих агентов и финляндских эмигрантов, финской молодежи в германские войска, в надежде, научив военному делу употребить их, в качестве офицеров или унтер-офицеров, на случай вторжения в Финляндию. Эти молодые финляндцы могли бы тогда послужить не только прекрасно знающими край осведомителями германской армии, но и тем ядром, около которого, при успехе вторжения, явилась бы возмож-

ность сосредоточить других финнов в целях поднятия в крае вооруженного восстания. Первые слухи о вербовке финляндской молодежи в германские войска дошли до меня весной 1915 года» [9, л. 15].

25 февраля 1915 г. в Локштедтском лагере близ Гамбурга майор германской армии М. Байер, назначенный руководителем курсов и днем ранее прибывший в лагерь, принял первых 35 финляндцев. Вскоре число курсантов выросло до 185 человек. Предполагалось затем увеличить их количество до тысячи человек [11, с. 125–126]. Программа курсов первоначально была рассчитана на четыре недели, затем была продлена. В нее входили общая пехотная подготовка, инженерное и саперное дело, с уклоном на подрывные действия, методы ведения партизанской войны. Первые рекруты набирались в лагерях для военнопленных и среди моряков финляндских судов, захваченных в Германии в начале войны. Вскоре началась вербовка непосредственно в Финляндии. Стокгольм стал основным перевалочным пунктом для отправки финляндских добровольцев в Германию. Вскоре началась вербовка непосредственно в Финляндии. Стокгольм стал основным перевалочным пунктом для отправки финляндских добровольцев в Германию [12, с. 220–223]. 26 августа 1915 г. германское Военное министерство отдало распоряжение о формировании «Учебной группы Локштедт» („Ausbildungstruppe Lockstedt“), в состав которой должны были войти егерский батальон, пулеметная и пионерская роты. В группу принимались иностранцы, которые добровольно выражали желание в неё поступить. Они не становились германскими подданными. Финлянды обязывались «служить Германской империи всеми силами и повсюду». Военная подготовка велась по германскому образцу, командным языком был немецкий, курсанты получали форму немецких егерей. Численность формирования продолжала увеличиваться: к концу 1915 г. она составляла 886 человек, к 1 февраля 1916 г. – 1092, из которых около 400 могли считаться достаточно подготовленными, а к концу марта того же года – 1502 [11, с. 127–128, 132].

Некоторое время, благодаря конспирации, удавалось сохранять мероприятия по вербовке и переправке молодых финляндцев в Германию в тайне от русских властей. Как явствует из цитированного выше доклада Ф. А. Зейна Б. В. Штурмеру, о подобных фактах ему стало впервые известно весной 1915 г. В августе того же года к военным и гражданским

властям начали поступать отрывочные сведения, главным образом, от органов заграничной агентуры в Скандинавских странах, о небольших группах финляндцев, проезжавших из Финляндии в Германию. Наблюдение пограничной охраны и жандармских властей в Финляндии на протяжении осенних месяцев 1915 года дали неоспоримые доказательства усилившейся эмиграции финляндцев в Германию. За этот же период времени заграничные агентурные органы уже более подробно и настойчиво указывали на наличие в пределах Финляндии вербовки финляндской молодежи для выезда в Германию, с целью поступления в германские войска и в особые финляндские части, формируемые в Германии, и на организацию в Стокгольме особых бюро для вербовки. Военными властями были приняты меры по усилению охраны финляндских границ и ограничению эмиграции из Великого княжества, а в декабре 1915 г. были вообще запрещены выдача паспортов и выезд за границу финляндцам в возрасте от 17 до 35 лет. После этого переход границы совершался нелегально, хотя он был затруднен ввиду принимаемых военными и жандармскими властями мер по усилению пограничного контроля [9, д. 1810, л. 17 об.–18.].

15 июля 1916 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего препроводил Б. В. Штюрмеру полученную от главнокомандующего армиями Северного фронта «Сводку сведений о преступном сообществе в Финляндии и о финляндском егерском батальоне, находящемся ныне в составе германских войск, действующих против Северного фронта», составленную на основе сведений, предоставленных несколькими перебежчиками (сводку составил и. о. начальника штаба главкома Северного фронта генерал-майор Сиверс). Как явствовало из этой сводки, батальон, получивший наименование 27-го егерского резервного, состоял из четырех рот, пулеметной роты, пионерской роты и артиллерийского взвода, общей численностью около 1500 человек, при 8–10 пулеметах и двух гаубицах. Упоминалось о роли в формировании батальона Ф. Веттерхофа, который в Берлине «открыл свое бюро, руководящее повстанческой агитацией в Финляндии, и на адрес коего шлют из Финляндии через Швецию письма для финляндцев – членов сформированного батальона». Делом вербовки в Финляндии руководил комитет, который находился в Стокгольме и в работе которого участвовали, в частности, К. Циллиакус, Х. Гуммерус, коммерсант и банковский деятель С. Сарио, младофинны

Й. Кастрен, Й. В. Снелльман. С целью формирования новых батальонов решено усилить летом 1916 г. вербовку в пределах Финляндии, для перевозки же завербованных в Швецию организовать моторно-лодочное сообщение через самую узкую часть Ботнического залива около городов Николайстад (Вааса) и Якобстад (Пиетарсаари) [9, л. 18 об.–20].

Далее в сводке сообщалось: «Первоначальное назначение батальона... состояло в том, что финляндский батальон должен был вместе с германскими, а в случае выступления Швеции и со шведскими войсками вторгнуться в Финляндию с целью ее освобождения от России, поднять в Финляндии восстание и приступить к формированию финляндских войск, офицерским кадром для которого и послужат люди егерского батальона. Позднее – перед отправлением на Рижский фронт, было объявлено батальону – прорваться к Ревелю, захватить его при содействии германского флота и, переправившись вслед за тем в Финляндию, поднять там вооруженное восстание для отторжения ее от России. В случае же ожидаемого германцами выступления Швеции против России, финляндский егерский батальон с Рижского фронта якобы будет переброшен через Германию в Швецию, для совместного с ней вторжения в Финляндию. А пока на Рижском фронте финляндцы должны приучаться – по выражению немцев – бить русских» [9, л. 20–20 об.]. 24 мая 1916 года 27-й егерский резервный батальон выступил из Локштедтского лагеря в Гамбург, где был погружен на поезд и, следуя через Любек и Кёнигсберг, 3 июня высадился в Митаве (Елгаве), на территории оккупированной немцами части Латвии. Численность батальона на тот момент составляла 39 офицеров и 1410 солдат [11, с. 140]. «В Митаве батальоностоял несколько дней, представляясь на смотрах нескольким немецким начальникам. Из Митавы батальон выступил походным порядком и, сменив на фронте немецкую кавалерию, занял участок позиции за рекой Нисса от деревни Бирзоль к западу, длиной 3 версты» [9, д. 1810, л. 21–21 об.].

23 августа 1916 г. последовал приказ о переводе батальона в район побережья Рижского залива к северу от г. Туккум (Тукумс). В период с конца августа до начала декабря батальон участвовал в боях местного значения. В частности, довольно интенсивным характером отличались бои 25-26 ноября, когда бойцам батальона пришлось отражать попытку наступления русских [11, с. 145–146, 151–152]. Вскоре, однако, среди бой-

цов батальона стали учащаться случаи недовольства и неповиновения немецким офицерам. Многие были недовольны тем, что в борьбе за независимость Финляндии, вопреки тому, что ранее декларировалось, батальон никак не участвовал. В то же время, в Берлине наметилось охлаждение к егерскому вопросу. Ф. Веттерхоф лишился доверия германских властей. В середине декабря 1916 г. егерский батальон был отведен с фронта и 15 числа прибыл в Либаву (Лиепаю), где и был расквартирован. Командование предполагало использовать часть батальона для действий в русском тылу, однако в самом батальоне эта идея понимания не вызвала. В итоге было решено отвести батальон в тыл и в дальнейшем использовать его для несения караульной и хозяйственной службы [11, 155–156; 12, с. 228–230]. Официально 27-й королевский прусский егерский батальон как соединение германской армии был распущен 13 февраля 1918 г. [11, с. 171]. Тогда уже полным ходом шла подготовка к переброске егерей в Финляндию, где они затем сыграли важную роль в ходе гражданской войны.

Говоря об антирусской деятельности финляндских эмигрантов-сепаратистов, следует также упомянуть об их участии в акциях основанной в годы войны под германским покровительством «Лиге инородцев России» („Die Liga der Fremdvölker Russlands“), в рамках которых устанавливались связи с сепаратистскими кругами других национальных меньшинств империи. В частности, Ф. Веттерхоф в июне 1915 г. заключил соглашение с грузинским представителем Г. Мачабелли о сотрудничестве в деле освободительной борьбы обоих народов. Веттерхоф также имел связи с рядом балтийских немцев и с украинским националистом Д. И. Донцовым, основателем «Союза освобождения Украины». На основании собранных сведений Веттерхоф составил и передал в германский МИД план ослабления России посредством поддержки сепаратистского движения на окраинах империи [7, с. 46]. Финляндские представители принимали участие в Лозаннской конференции национальных меньшинств 27–30 июня 1916 г. От стокгольмского эмигрантского комитета на конференцию были делегированы К. Циллиакус, Х. Гуммерус и С. Сарио. Финские участники конференции наиболее определенно высказывались с антирусских позиций. К. Циллиакус в своей речи отмечал, что Финляндия стремилась лишь к восстановлению своей автономии. Однако Россия попрала договор, который она сама подписала сто лет назад. Так что теперь

у Финляндии не осталось никаких обязательств перед имперским центром, и теперь цель звучит как «прочь от России, свобода для Финляндии» [7, с. 124].

В последующем деятельность Лиги свелась к пропагандистской работе в нейтральных странах и в странах Антанты с целью формирования негативного образа России. Кампания в прессе и издание на немецкие деньги специальных брошюров должны были показать миру, что «Россия – страна варваров, лжецов и бесправия, что она представляет величайшую угрозу культуре и свободе других народов» [7, с. 168]. Члены стокгольмское бюро Лиги, руководимого Х. Гуммерусом, занимались публикацией в Швеции статей и книг о бесправном положении национальных меньшинств в России, осуществляли подборку русских и шведских статей и готовили их переводы для немецких дипломатов, вербовали новых членов организации, особенно среди финнов и прибалтийцев. После Февральской революции в России в рядах «Лиги инородцев России» усилились противоречия. Стокгольмское отделение Лиги пыталось продолжать пропагандистскую деятельность. В Швеции, однако, нападки финских сепаратистов на Россию и на Антанту в целом начали приедаться. Сотрудничавшие с Россией шведские предприниматели требовали от правительства обуздать антирусскую пропаганду в прессе, которая, как они считали, негативно сказывалась на российско-шведском экономическом сотрудничестве. После февраля 1917 г. Лига не провела ни одной крупной акции, хотя её финансирование продолжалось немецкой стороной вплоть до середины ноября 1918 г. [8, с. 326–329].

Февральская революция 1917 г. открыла новую стадию в истории и России в целом, и отдельных её частей, в том числе Финляндии. 7 (20) марта Временное правительство издало манифест, который отменял все ограничения финляндской автономии, установленные начиная с 1899 г. 13 (26) марта было сформировано новое финляндское правительство, признанное правительством России. В начале апреля также смог возобновить свою деятельность финляндский парламент [13, с. 26–27]. Эти события стали этапом на пути движения Финляндии к полной политической независимости, ставшей фактом в декабре 1917 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Финляндская газета. 1915. 1 (14) января.
2. **Luntinen P. F. A. Seyn, 1862–1918: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland.** Helsinki, 1985.
3. Finlands frihetskrig år 1918. Bd. 1. Helsingfors, 1921.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 558.
5. **Мусаев В.И.** Политические аспекты взаимоотношений России и Финляндии в период первой мировой войны // Международные отношения и диалог культур. 2014. № 2 (2013). С. 196-228.
6. **Apunen O.** Suomi keisarillisen Saksan politiikassa 1914–1915. Helsinki, 1968.
7. **Zetterberg S.** Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978.
8. **Новикова И.Н.** «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы первой мировой войны / моногр. СПб., 2006. – 448 с. ISBN: 5-288-03921-6
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 35.
10. **Соломещ И.М.** Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992.
11. **Coler U. von.** Jägarbataljonen // Finlands frihetskrig skildrat av deltagare. I. Förberedelser och förhistoria. Helsingfors, 1921.
12. **Lauerma M.** Jääkäriliike // Historian aitta. 14. Porvoo–Helsinki, 1960.
13. **Polvinen T.** Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. I. Porvoo – Helsinki, 1967.

УДК 94(47)084.1

К. Е. Нетужилов

**НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В военно-учебных заведениях дореволюционной России к началу XX в. успела сформироваться достаточно специфическая субкультура, носителями которой были учащиеся – кадеты и юнкера. В ее основе лежали как формальные, так и неформальные составляющие, под воздействием которых происходило становление будущих офицеров. Не касаясь традиций, культивировавшихся в русле базовой парадигмы (дисциплина, воинский долг, готовность к самопожертвованию во имя высших идеалов – веры, царя и отечества и т. п.), мы обратимся к малоизученной стороне жизни кадетских корпусов и военных училищ, оставившей заметный след в их повседневной культуре. Неписаные правила внутренней жизни военных учебных заведений предполагали три основных круга, на которые они распространялись. Во-первых, это отношение к внешнему, невоенному миру, во-вторых – к другим корпусам и училищам, и, в-третьих, существовали жестко соблюдавшиеся правила поведения внутри своего круга. В военной мемуаристке сохранилось большое количество свидетельств этого феномена. Постараемся их обобщить.

Система начального и среднего военного образования в России в рассматриваемый период была представлена кадетскими корпусами, юнкерскими и военными училищами. Накануне Первой мировой войны в стране насчитывалось 27 кадетских корпусов, 9 военных училищ (офицеров также выпускали специальные классы Пажеского и Финляндского корпусов) и 12 юнкерских училищ [1, с. 312–328].

Разница между военными и юнкерскими училищами заключалась в том, что для поступления в военное училище было необходимо окончить кадетский корпус, гимназию или реальное училище. В юнкерские училища принимались нижние чины из числа вольноопределяющихся I и II разрядов, т. е. имевшие незаконченное среднее образование (в объеме 4–6 классов). Юнкерские училища были неоднородными по социальному со-

ставу учащихся, их образовательному и общекультурному уровню. Даже при преобразовании части юнкерских училищ в военные (такая тенденция наметилась в 1890-е годы) в них сохранялась более демократическая, не зараженная кастостью обстановка. В отличие от них, военные училища были значительно более цельными с точки зрения социальной и культурной характеристик учащихся. Большую часть их контингента составляли выпускники кадетских корпусов, которые, как правило, происходили из военных семей.

Вплоть до начала Первой мировой войны значительное количество офицеров русской армии являлось потомственными военными. Военные династии часто насчитывали несколько поколений. Чаще всего это явление было вынужденным. Ввиду достаточно скромного жалования подавляющее большинство офицеров не могли позволить для своих детей никакого другого образования кроме военного, так как в кадетских корпусах обучение для них было бесплатным. Отсюда и традиция в выборе военного училища – многие стремились поступить именно туда, где учились отец, дед, братья. Почекнутые из рассказов старших историй, оценочные суждения, поведенческие стереотипы способствовали созданию и сохранению повседневной культуры и мифологии военного быта. По окончании учебы новоиспеченные прапорщики и корнеты часто выбирали вакансию в «семейном» полку, где их знали сослуживцы отца, где служили их братья, их друзья и знакомые. Таким образом, формировалась особая товарищеская среда, с очень прочными внутренними связями. Юнкерские училища не имели подобного социально-культурного контекста. Ввиду этого именно военные училища были хранителями традиций и неписанных правил.

Во всех кадетских корпусах и военных училищах существовала цельная система неформальных ценностей и вытекающих из них поведенческих практик, передававшихся учащимися из поколения в поколение. Фундамент этой системы составляло представление об исключительности военного сословия. Этим обстоятельством порождалось особое отношение к своему личному статусу, которое проецировалось и на статус колLECTивный. Как нечто само собой разумеющееся предполагалось превосходство военного человека над человеком не военным – чиновником, купцом, адвокатом или учителем. Мир штатских людей («шпаков») рас-

сматривался как несколько ущербный и в нравственном, и физическом отношении (последнее, впрочем, было не лишено оснований и определялось наличием значительного объема гимнастики, фехтования, верховой езды, танцев и строевых упражнений в программе военных учебных заведений, что формировало специфическую «военную» осанку; в невоенных учебных заведениях дореволюционной России отсутствовало любое подобие физкультуры, поэтому военные со своей выправкой очень выигрывали на фоне штатских). Кадету или юнкеру «полагался» взгляд свысока на штатского человека. А. Куприн в повести «Юнкера» процитировал фрагмент знаменитой юнкерской песни, начинавшейся со слов:

Терпеть я штатских не могу,
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя,
Их бьет по морде башмаками...

В.С. Трубецкой, автор замечательных по информативности воспоминаний о Лейб-гвардии Кирасирском ее Величества полку, бывший в 1911 г. его свежеиспеченным корнетом, описывал свои ощущения: «Передо мной какой-то штатский пожилой господин, и я чуть презрительно оглядываю его с видом превосходства гвардейского офицера. На самом деле, я чувствую, что глубоко презираю мягкую фетровую шляпу своего соседа, его штатские манеры, все его штатское мировоззрение, хотя он и хранит молчание» [2, с. 179]. Надо отметить, что внешне, за пределами своего круга подобное отношение не должно было никак проявляться. Назвать штатского человека «шпаком», «штафиркой», «шляпой» допускалось только в узком товарищеском кругу.

Кроме отторжения широкого внешнего круга всего невоенного, существовал ряд внутренних корпоративных условностей и ограничений. Обязательным считался взгляд на «свой» род войск как на самый важный. Этим, в свою очередь, предопределялось подчеркнуто снисходительное отношение к другим. Традиционной была рознь между различными родами войск – «ученые» артиллеристы и инженеры свысока смотрели на «легкомысленную» кавалерию. Блестящие кавалеристы третировали снующую пехоту. Гвардия видела в армейских частях нечто второсортное, а армейцы завидовали и злились на гвардейцев. И все дружно терпеть не

могли так называемых «моментов» – офицеров Генерального штаба. Соответственно, юнкера училищ, выпускавших офицеров в разные рода войск, важничали друг перед другом.

Ощущение корпоративной исключительности и превосходства над остальными формировалось сразу. Принцип всегда был один и тот же – мы лучшие. До наших дней сохранились фрагменты кадетского и юнкерского фольклора, т.н. «журавлей» – исполненных грубоватого юмора неофициальных строевых песен-речевок, в которых всячески возвеличивались достоинства родной школы и высмеивались другие. Классическим примером может служить передававшаяся из поколения в поколение рознь учащихся Первого и Второго кадетских корпусов Санкт-Петербурга. Первый корпус славился хорошо поставленным общим образованием, его выпускники чаще других поступали в «сложные», т. е. специальные военные училища – артиллерийские и инженерное. Во Втором корпусе к «наукам» отношение было подчеркнуто снисходительное, зато много сил и времени отдавалось строевой подготовке, уставам и т. п. Отсюда была прямая дорога в Павловское пехотное училище, муштра в котором носила легендарный характер. В кадетских «журавлях» эта разница отражалась соответствующим образом:

Кто по строю самый штатский?
Это – Первый Петроградский!
и, соответственно,
Держит дисциплину ада
Второй корпус Петрограда!

К сожалению, большая часть «журавлей» невозможна для цитирования ввиду изобилия не нормативной лексики.

Широко известна иррациональная вражда юнкеров двух артиллерийских училищ страны – Михайловского и Константиновского, доходившая до того, что «михайлоны» и «констапузы», попав служить в один полк, долгое время сторонились друг друга [3, с. 15]. («Кто невежлив, пьян и туп? Это – юнкер-констапуп!» (Ответный «журавль» о «михайлонах» привести невозможно по причине, указанной выше). Такой же традиционной была взаимная неприязнь будущих кавалеристов «славной школы» (Николаевского кавалерийского училища) и пажей из Пажеского корпуса

[4, с. 242; 5, с. 57]. В Москве из поколения в поколение передавалась плохо скрываемая нелюбовь между юнкерами Александровского и Алексеевского училищ [6, с. 17–23].

Необходимо понимать, что демонстрируемая взаимная неприязнь учащихся разных корпусов и училищ никогда не принимала недостойных форм. Подчеркнутая ирония по отношению друг к другу, критика недостатков (чаще всего вымышленных) и, в целом, взгляд свысока друг на друга ни в коем случае не могли перейти черту, за которой начиналось прямое оскорблечение чести мундира. Тем более не могло быть в принципе никаких драк, ссор и личных оскорблений. Это являлось правилами своеобразной игры, которой по традиции следовало придерживаться в своем кругу.

Главное, что требовалось от кадета или юнкера, заключалось в верности долгу товарищества. Товарищество противопоставлялось корпусному или училищному начальству и преподавателям. В кадетском и юнкерском кругу жестко осуждалась любая форма заискивания перед руководством, абсолютно недопустимым было наушничество. Общее решение каждый должен был выполнять, не считаясь с личными интересами. Например, мог быть объявлен бойкот тому или иному преподавателю. В этом случае никто не должен был отвечать ни на один его вопрос во время занятий. В такой ситуации даже отличники рисковали получить неудовлетворительные отметки, но уклониться от участия в бойкоте никто не мог.

Каждое военное училище обладало своими неповторимыми особенностями внутреннего уклада. Они проявлялись, прежде всего, в подходе юнкеров к учебному процессу. Так, например, будущие артиллеристы, среди которых хорошее образование было престижным, полагали непременной обязанностью манкировать строевой подготовкой. По воспоминаниям В.Ларионова в Константиновском училище «считалось недостойным артиллерийскому юнкеру маршировать в пешем строю. Кадеты, почти поголовно отличные строевики, еле волочили ноги, спотыкались, поворачивали налево, когда командовали направо, из рук вон плохо отвечали на приветствие. Того требовала Училищная традиция» [3, с. 15]. Как полная противоположность этому, в Павловском пехотном училище строевая подготовка граничила с искусством. Бывший павловец А.Спиридович вспоминал:

«Мы старались довести строй, ружейные приемы и гимнастику до щегольства. Многие перед сном проделывали ружейные приемы и гимнастические упражнения перед громадными зеркалами и это считалось нормальным» [7, с. 31]. А среди будущих кавалеристов Николаевского училища «интересоваться науками считалось своего рода дурным тоном... Туда шли, чтобы стать лихими кавалеристами-рубаками» [2, с. 81–82].

Говоря о традициях дореволюционной военной школы, нельзя обойти стороной и такое непростое явление как «цук» или «подтяжка». Так назывались неуставные отношения между юнкерами младшего и старшего курсов (напомним, что нормативный срок обучения в военном училище составлял два года). Старший курс на протяжении целого года имел почти неограниченную власть над младшим. В большей или меньшей степени цук был развит во всех военных училищах страны. Менее всего им были затронуты артиллерийские и инженерное училища, хотя и там существовала соответствующая традиция по отношению к первокурсникам, пришедшим не из кадетских корпусов, а из гимназий и реальных училищ («козерогам» или «рябцам»). Местом же, где цук был введен в настоящий культ, было элитное Николаевское кавалерийское училище (по преданию именно там этот обычай и возник; в пользу его кавалерийского происхождения говорит и сам термин, «цук» – это резкий рывок поводьями). Существует большое количество мемуарных свидетельств, в которых самым подробным образом представлены принципы взаимоотношений первокурсников–николаевцев («зверей») и второкурсников («благородных корнетов») [8]. Каждый из поступивших в это училище новичков должен был сразу определиться, как он будет жить – по уставу или «по традиции славной школы». Если юноша выбирал первое, то его никогда более не задевали, но он сразу и навсегда отделялся от юнкерского товарищества и становился чужим («красным»), что в дальнейшем нагло зашивало возможность службы в престижных полках. «Красного» бойкотировали и глубоко презирали, поддерживая с ним лишь чисто служебные отношения; вне службы с ним никто не имел права разговаривать. Для тех же, кто выбирал жизнь «по традиции» начинались серьезные испытания характера. Старшие брали младших «в работу». Первокурсники узнавали, что им строго запрещено занимать определенные столы в столовой, подниматься по левому крылу парадной лестницы и множество других быто-

вых ограничений. Их заставляли подолгу проделывать тяжелые физические упражнения (приседания, прыжки через стул и тому подобное). Необходимо было писать сочинения заданного объема на самые невероятные темы («О влиянии лунного света на овечий хвост» и т. п.). Кроме того, существовала еще так называемая «дислокация», бывшая главным мучением новичков. Они были обязаны знать назубок характерные особенности всех (почти двухсот!) полков русской кавалерии, точно знать в какой из них собирается выйти корнетом каждый из старшекурсников. Дополнительно, по традиции, необходимо было заучивать всякую бессмыслицу. Для полного представления о колорите позволим себе привести обширный отрывок из воспоминаний Евгения Вадимова:

«Молодой такой-то! – подзывает вас к себе какой-нибудь корнет.

– Что такое прогресс?

Если вы не знаете, что следует ответить на это по традиции славной школы, то будете, конечно, говорить очень много и долго. В особенности попадались на этом молодые люди из бывших «ученых» – т. е. из студентов, лицеистов и правоведов, переходивших на путь кавалерийских юнкеров.

– Прогресс – это движение человечества вперед... Это всеобщее благоносимое цивилизацией...

– Ничего подобного. Кру-гом! Пойдите, молодой, узнайте, что такое прогресс и явитесь мне доложить!

Озадаченный «молодой» направляется на поиски необходимых знаний, которые ему удавалось приобрести не так легко. Нужно было не только узнать, но и вырубить наизусть целое определение, заключавшееся в следующих словах:

– Прогресс есть константная эксibiция секулярных новаторов тенденции коминерации индивидуумов социал...

– Молодой! Что такое жизнь сугубаго вандала?

На это следовало отвечать так:

– Жизнь вандала есть громадный стеклянный шар, на тонком волосе висящий и разбивающийся при малейшем дуновении благородного корнета!

– А что такое механика, молодой?

Не думайте, что на это следовало отвечать, что механика есть наука. Следовало отвечать:

– Механика есть ничто иное, как абстракт феноменальной глупости» [8, с. 24].

При этом абсолютно недопустимыми считались проявления грубо-сти, неуважения к новичкам. По воспоминаниям А.Л. Маркова «грубость на словах, уже не говоря о поступках, была вещью недопустимой и пре-следовалась по традиции совершенно беспощадно. Случай, чтобы юнкер старшего курса позволил себе дотронуться пальцем до юнкера младшего курса с целью его оскорбить, был совершенно немыслим в стенах Школы, а вежливость в отношении друг к другу и, в особенности, старших к младшим – обязательна» [4, с. 242].

Первокурсникам не полагалось демонстрировать излишний аппетит в столовой. «Молодого, обнаружившего неприличный аппетит за казенным столом, гг. корнеты, чтобы научить приличию, после обеда вели в лавочку и там закатывали ему «скрипку»; она заключалась в том, что его кормили разными вкусными вещами, но в таком порядке, что он рано или поздно кончал «поездкой в Ригу», ему любезно предлагали после арбуза кильки, затем кефир, виноград, ростбиф и т.д.» [4, с. 247].

Чуть менее жестко цук практиковался в специальных классах Паже-ского корпуса, где от «молодых» требовалось, прежде всего, безукориз-ненное исполнение всех требований устава.

Военное руководство страны было прекрасно осведомлено об этом явлении. В 1902 г. была создана специальная комиссия под председательством генерала С.А. Будаевского, одной из задач которой была выработка мер по урегулированию отношений между юнкерами младшего и старше-го курсов [1, с. 325]. Деятельность этой комиссии не увенчалась успехом во многом из-за нежелания большинства офицеров и генералов ломать традицию «славной школы», выпускниками которой многие из них явля-лись. Даже среди высшего генералитета цук имел своих покровителей. Со-чувственно относился к цуку главнокомандующий войсками гвардии и Пе-тербургского военного округа Великий князь Владимир Александрович [1, с. 326]. В 1911 г. по поводу цука даже был сделан запрос Государственной Думы военному министру, причем начальник Главного управления воен-но-учебных заведений должен был оправдываться, что «слухи сильно преувеличены, а начальство с этим борется» [9, с. 227].

Мы не нашли ни одного мемуариста, осуждавшего обычай цука. Вспоминают о нем, как правило, с юмором, указывают на его благотворное воздействие в плане развития дисциплины, исполнительности и чинопочтания. С точки зрения юнкеров, цук не ломал товарищеских отношений, а был лишь дополнительным испытанием для новичков. Характерно, что наиболее жесткое давление на первокурсников осуществлялось лишь в первые несколько месяцев их пребывания в стенах училищ. Считалось, что с помощью цука отсеивают слабых духом юношей. Уже отмечалось, что явления, подобные цуку, культивировались во всех европейских военных школах, включая знаменитые Сен-Сир и Сэндхерст, а в Германии было распространено и в университетах [10, с. 100–103].

А вот вариант неуставных отношений, бытовавший в кадетских корпусах, так называемое «закальство», наоборот, в большинстве случаев упоминается с отрицательной оценкой. Закальство представляло собой показное молодечество, ухарство, выражавшееся в рискованных для жизни и здоровья проделках, нарочитой грубости, а также, в ряде случаев, жестоким угнетением (вплоть до избиений) старшими кадетами-«закалами» малышей. «Закалы» демонстративно плохо учились, постоянно нарушали дисциплину, поддерживали общую конфронтацию с начальством. С закальством корпусное начальство боролось по-настоящему, отчисляя провинившихся «закалов». К началу XX века обычай закальства сохранялся, главным образом, в провинциальных кадетских корпусах [11].

Еще одной непременной формой внутренней жизни военных училищ были театрализованные церемонии, связанные с важнейшими этапами юнкерской жизни, – принятие присяги первокурсниками сопровождалось «похоронами шпака»; в честь окончания учебного года в каждом училище совершалось особое «действо», центральным элементом которого был «приказ по курилке» – старшие юнкера перед производством в офицеры передавали младшим власть и завет соблюдать училищные традиции. Эта церемония сопровождалась исполнением «Звериады», кадетской и юнкерской песни, первые строфы которой, по преданию, сочинил еще М.Ю. Лермонтов. В каждом кадетском корпусе и в каждом училище был свой вариант «Звериады», учитывавший местные особенности и события реальной жизни. В «Звериаде» часто содержалась злая сатира на преподавателей и начальство, поэтому от последних ее тщательно скрывали (хотя

те были прекрасно осведомлены о ее существовании). Мелодия и общая структура ее текста везде были приблизительно одинаковы, при этом каждое поколение выпускников добавляло дополнительные строфы. Тексты «Звериады» часто были весьма остроумными, несмотря на грубый юмор и большое количество непристойностей. Чаще всего «Звериада» оформлялась в виде самодельного альбома, который хранился у старшего курса и торжественно передавался следующему поколению «приказом по курилке».

Отдельного внимания заслуживает обычайочных церемоний, в которых угадываются элементы обряда инициации. «Похороны шпака» означали переход новичков в новое качество. Обряд происходил либо в ночь после принятия присяги, либо после возвращения из летних лагерей. В артиллерийских училищах устраивали «похороны козерога» после первых боевых стрельб (считалось, что после них «у козерогов отпадает хвост»). Во всех случаях устраивалось ночное костюмированное представление: «священник», «хор», «покойник» и т. п. В Николаевском кавалерийском училище бывали настоящие маскарады с рыцарями, мушкетерами, разбойниками – там учились состоятельные молодые люди, имевшие возможность заказать полноценный маскарадный костюм. В Константиновском артиллерийском училище «ночной парад» выглядел следующим образом: «В полночь надо было подняться с кровати, снять рубашку и на голое тело надеть пояс и шашку, на ноги – шпоры и на голову – фуражку. В таком виде отделения батареи идут в коридоры, где производится «парад», который заканчивается воинственными криками и бегом сотни голых со шпорами и шашками по коридорам. Дежурный офицер, знающий училищные традиции, не выходит в эту ночь из комнаты и делает вид, что ничего не слышит» [3, с. 14]. В «ночных парадах» часто использовались элементы офицерской формы (что официально строжайше запрещалось); это должно было подчеркнуть переходный характер положения юнкеров старшего курса.

Кроме того, существовало множество мелочей. Николаевскому юнкеру возбранялось идти в увольнение (тогда говорили «в отпуск») в казенном обмундировании, идти нужно было только в собственном, сшитом на заказ у хорошего портного. Юнкера-артиллеристы выходили в увольнение, нацепив шпоры, что в их случае было нарушением формы одежды и при встрече с плац-адъютантами грозило дисциплинарным наказанием.

По обычаю, первокурснику, первому попавшемуся на этом прегрешении и отправленному под арест, остальные в складчину покупали и дарили дорогие савельевские шпоры. В кавалерийских училищах, первокурснику, первому упавшему в манеже с лошади, дарили в складчину золотой брелок в виде репы (на юнкерском жаргоне падение с коня называлось «сеять репу»). Существовали бытовые табу. Юнкер не должен был ездить в трамвае или на конке, нельзя было нанимать извозчика-лихача (считалось дурным тоном) – только на «ваньке» или собственный выезд. Традиция запрещала юнкерам появляться на Невском проспекте, когда вечером зажигались фонари – нужно было немедленно сворачивать в любые прилегающие улицы. Последнее, впрочем, имеет рациональное объяснение: известно, какая публика заполняла Невский проспект по вечерам. Таким образом, данный запрет мог спасти от различных неприятностей.

Кадетские и юнкерские традиции просуществовали вплоть до Первой мировой войны. Ввиду развертывания массовой мобилизационной армии возникла острая нехватка офицеров. Военные училища сразу были переведены на ускоренный выпуск – вместо двух лет подготовки остались лишь четыре месяца. В 1915 г. был резко опущен образовательный ценз для поступающих в них абитуриентов – образовательный минимум сократили сначала до шести, а позже и до четырех классов любого среднего учебного заведения. В условиях образовательного конвейера в военных училищах, где вчерашние кадеты были уже в меньшинстве, культивирование старых обычайов было уже маловероятно. В кадетских корпусах, в отличие от военных училищ, срок обучения в военное время оставался прежним. И в течение всех военных лет, вплоть до 1917 года, кадетские корпуса каждую весну исправно поставляли в училища поколения своих выпускников. В значительном большинстве это были сыновья и внуки кадровых офицеров. Среди них подчеркнуто сохранялись корпусные и училищные традиции старой школы. Но кадетская прослойка была теперь незначительной и большого влияния на общий уровень юнкеровказать не могла, поэтому старые неформальные традиции в годы войны быстро сошли на нет.

Да и сами носители этих традиций довольно быстро покидали этот мир – по подсчетам исследователей, к 1917 году в русской армии осталось лишь 4% офицеров, надевших погоны до начала войны [1, с. 236].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Зайончковский П.А.** Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973.
- 2. Трубецкой В.С.** Записки кирасира. М., 1991.
- 3. Ларионов В.** Последние юнкера, М., 1997.
- 4. Марков А.Л.** Кадеты и юнкера // Голос эпохи. 2014. № 4.
- 5. Игнатьев А.А.** Пятьдесят лет в строю. Петрозаводск, 1963, Т. 1.
- 6. Благовещенский В.** Воспоминания юнкера-александровца за 1892–1894 г. // Александровец. 1907. № 7.
- 7. Спиридович А.** Записки жандарма. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. М., 1991.
- 8. Вадимов Е.** Корнеты и звери (славная школа). Белград, 1929.
- 9. Деникин А.И.** Старая армия. Офицеры. М., 2005. Т. 2.
- 10. Netuschilow K.E.** «Der Zuck» in russischen Militärschultraditionen / Lexikon der russischen Kultur. Darmstadt, 2002.
- 11. Гребенкин А.Н.** Негативные традиции воспитанников военных учебных заведений Российской империи в 1-й половине XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Том 10. № 7. С. 130-135.

**МЕСТО И РОЛЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ
НА ИЗЛОМЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИЯ И СУДЬБА МЕЧЕТИ ЛОГ ПОД МАНГАРТОМ**

Первая мировая война (ПМВ) стала началом конца для Османской империи, когда по результатам констатаций событий ПМВ: соглашений Сайкса – Пико (16 мая 1916 г.) открытой конференции в Сан-Ремо (19–26 апреля 1920 г.) и спустя 3 года, закрепившей ее итоги – Лозаннскому мирному договору 1923 г., на политической и административно-территориальной карте Ближнего Востока проявился Британский мандат в Палестине и в Месопотамии, Французский мандат в Сирии и Ливане, окончательно освобожденный Египет, а также ряд других государств, в то время как сама Турция боролась за выживание в новом для себя и мире и статусе. Но еще раньше территорий Ближнего Востока, путь «к началу конца» прошли балканские государства, также созданные итогами событий ПМВ. Исторический опыт Первой и Второй мировых войн дал бескомпромиссный и очевидный ответ на то, что происходит в результате того, когда европейский кризис накладывается на дезинтегрированное мусульманское население целых регионов и государств.

Самым наглядным примером тому может служить история балканских мусульман, и в частности – история Боснии. Когда в 1463 г., Босния полностью потеряла независимость и вошла в состав Османской империи в качестве рядовой административной единицы (вилайята), с этого момента, через процесс исламизации, началась ее культурная интеграция в новое для нее цивилизационное пространство. Спустя 65 лет после этого события, к власти в Османской империи придет Сулейман I Великолепный (22 сентября 1520 – 6 сентября 1566 гг.) – его правление ознаменуется апогеем величия Блистательной Порты, после чего начнется ее медленное, но верное угасание. С конца первой четверти XIX в. вилайят Боснию и Герцеговину сотрясали постоянные бунты и восстания католического и православного населения против турецкого ига. В 1878 г. по ито-

гам Берлинского конгресса Русско-турецкой войны (1877–1878) Боснию и Герцеговину оккупирует Австро-Венгрия.

На фоне всплеска сербского национализма после восшествия на престол Петра I Карагеоргиевича (11 июня 1903 – 1 декабря 1918 гг.), Австро-Венгерская империя в 1908 г. аннексирует Боснию и Герцеговину, что выливается в Боснийский кризис 1908–1909 гг. 28 июня 1914 г. в административном центре Боснии и Герцеговины, в Сараево, происходит убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда и его жены герцогини Софии Гогенберг. Политической целью убийства было отделение юнославянских территорий от Австро-Венгрии и последующее их присоединение к Великой Сербии или Югославии, а в итоге оно стало поводом для начала Первой мировой войны.

Важнейшим участком Итальянского фронта ПМВ являлась долина реки Соча (Изонцо) по ней проходила линия фронта между Австро-Венгрией и Италией в области современной Западной Словении. Именно на этом участке воевало большинство боснийских частей австро-венгерской армии. Во время ПМВ, как к слову и Второй мировой войны – они считались элитными войсками, или как бы их называли сейчас подразделениями специального назначения. В 1916 г. на этот участок фронта пришел 4-ый боснийский пехотный полк среди которых, преобладающим большинством были боснийцы, практикующие мусульмане из Герцеговины. Их позиции были на высоком холме Ромбон, близ села Лог под Мангартом. Ныне это село находится в Западной Словении, на границе с Италией, современный регион Словенское Приморье, община (муниципалитет) Бовец, исторический Горицкий регион (Горишска регия). Это самая северная часть знаменитой и популярной в *Belle Époque*¹ Австрийской Ривьера. Но и сегодня, регион не потерял своего культурного и курортного значе-

¹ «Прекрасная эпоха» (фр. *Belle Epoque*) – условное обозначение периода европейской (в первую очередь французской и бельгийской) истории между последними десятилетиями XIX века и 1914 годом. Для Франции это первые десятилетия Третьей республики, для Великобритании – последние годы Викторианской эпохи и годы правления короля Эдуарда VII (22 января 1901 – 6 мая 1910 гг.). («*Prekrasnaya epoha*» (fr. *Belle Epoque*) – uslovnoe oboznachenie perioda evropeyskoy (v pervyuu ochered' frantsuzskoy i bel'giyskoy) istorii mezhdu poslednimi desyatiletiyami XIX veka i 1914 godom. Dlya Frantsii eto pervye desyatletiya Tret'ey respubliki, dlya Velikobritanii – poslednie gody Viktorianskoy epohi i gody pravleniya korolya Eduarda VII (22 yanvarya 1901 – 6 maya 1910 gg.).

ния, община муниципалитета Бовец, в том числе и село Лог под Мангартом входит в рекреационную зону Триглавского национального парка. Но в те времена, деревня служила для полка логистическим центром, местом постоянного пребывания, больницей, кладбищем, каптеркой и др. Так как на этом участке фронта в основном шли позиционные бои, лишь обозначающие линию фронта на стратегически важном направлении, достаточно скоро встал вопрос о создании мечети, где возможно было бы совершать отправление культа, а также производить другие религиозные обряды [1]. (Рис. 1)

Рис. 1. Великая мечеть Лог под Мангартом (дата неизвестна).

О единственной мечети с минаретом, которая когда-либо существовала на территории современной Словении сегодня известно очень мало, как среди боснийцев, так и среди словенцев. Многие мусульмане в Словении до недавнего времени даже не знали о самом факте существовании этой мечети. Словенская школьная система не говорит, или как полагают некоторые исследователи – умышленно скрывает информацию о ее существовании, как об истории снесенного памятника, так и обо всей «забытой войне». Упоминания о мечети можно встретить только лишь в трудах словенского военного историка Васия Клаворы [2] и незначительного ко-

личества других ученых. А ее фотографическое изображение возможно увидеть в музеи Кобариды. Всего до наших дней дошло лишь 6 фото с ее изображением – маленькой белой мечети, затерявшейся в долине между высоких гор Юлианских Альп и лабиринтах истории [3].

Для нас остается неизвестной точная дата, когда эта мечеть была построена, однако, есть данные, которые говорят, что она была построена осенью 1916 г. Помимо этого до нас не дошли данные о том, кто строил ее и даже из чего она была сделана. По сохранившимся фотографическим карточкам можно определить следующие: она была небольшая (размеры общей структуры примерно $10\text{ м} \times 12\text{ м} \times 8\text{ м}$), с белым минаретом (его размеры примерно $2,5\text{ м} \times 2,5\text{ м} \times 12\text{ м}$), и белым куполом, который венчая общую структуру, создает впечатление о том, что выше описываемая мечеть уменьшенная копия мечети Коски Мехмед Паша в Мостаре [4]. Фотографии, к сожалению, не дают определенности из чего она была построена: из камня или из дерева, окрашенного в белый цвет (Рис. 2).

Рис. 2. Великая мечеть Лог под Мангартом (дата неизвестна).

Самые старые жители деревень говорили, что помнили муэдзина и, как они детьями, играли с боснийскими солдатами прямо в здании мечети.

Боснийцы, были известны как бесстрашные и мужественные бойцы, за все время войны, итальянцы так никогда и не смели пересечь линию фронта. Правда за это, боснийцам приходилось платить высокую цену, подтверждением чему может служить достаточно внушительное для столь маленького села кладбище, которое было к тому же частично разрушено. По этой причине, без эксгумации невозможно сказать, какое количество боснийский воинов нашло в нем свой последний покой.

После окончания войны и распада Австро-Венгерской империи, все боснийцы были доставлены в Любляну, где они сдали словенским солдатам под командованием генерала Рудольфа Майстера все свое оружие, после чего словенцы, направились на северо-восток, освобождать от австрийцев и немцев Марибор – второй по величине город Словении. Его освобождение имело стратегическое значение в формировании территории современного словенского государства, т.к. позволило не только укрепить северные и восточные границы государства, но также открыло возможности для дальнейшего отвоевания от супостатов словенских земель – Нижней Штирии и Корушке (Словенская Корушка), в частности, городов Птуй, Целе, Лютомер, а также сделало возможным воссоединение Прекмурья со Словенией. Судьба выживших боснийских солдат так и осталась неизвестной.

Мечеть исчезла после войны. Есть два варианта того как это могло произойти. Некоторые утверждают, что это после ухода боснийцев, она сама рухнула и жители соседних сел просто на просто разобрали ее – но это сомнительная версия. Другая, более правдоподобна – мечеть после войны была намеренно снесена итальянцами, в отместку за многочисленные поражения на поле боя. На сей день невозможно установить истину, но одно можно сказать наверняка: сегодня, если вы посетите место, где когда-то стояла мечеть, вы увидите обычный торф. Там нет абсолютно ничего, что дало бы вам представление, что там когда-то была мечеть. Интересно, что небольшая православная церковь, которая была построена неподалеку, русскими пленными в годы войны, благополучно пережила не одну войну, так – она и по сей день стоит на своем месте. И насколько известно, частично восстанавливалась и обновлялась она на средства из

государственного бюджета. «Возможно, что что-то изменится в будущем, и что однажды историческая справедливость восторжествует и мечеть будет восстановлена на том же самом месте, ну, или, по крайней мере, – само место будет отмечено какой-то памятной доской, если уж до реконструкции мечети дело так и не дойдет» – сетуют местные боснийцы (Рис. 3).

Рис. 3. Великая мечеть Лог под Мангартом (дата неизвестна).

За 6 лет до своей кончины, диктатор Иосип Броз Тито, продолжая свой социалистический эксперимент по созданию «единой общности югославской нации» в отношении мусульманского населения Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), закрепил за боснийскими мусульманами в югославской конституции 1974 года статус ««мусульманской нации» федеративной республики». После его смерти боснийцы хотели восстановить на этом месте мечеть, но распад СФРЮ, и за ним последовавшая череда войн: Боснийская война (1 марта 1992 – 14 декабря 1995 гг.), Хорватско-боснийский конфликт (19 июня 1992 – 23 февраля 1994 гг.) и война в Хорватии (31 марта 1991 – 12 ноября 1995 гг.) отсрочили реализацию всех этих благородных идей и планов до лучших времен.

Важно отметить, что Иозеф Скольч, находясь на посту министра культуры Словении, уже предпринимал действия, направленные на реализацию

проекта по реконструкции мечети, но он так и не был осуществлен. И причин тому было несколько, но наиболее значимая из них заключалась в том, что власти Словении опасаются «ползучего исламизма», и их в этом даже не может переубедить тот факт, что восстановленная мечеть, скорее всего, будет носить мемориальный характер, и ее восстановление – это, по сути, отдаче чести памяти павшим боснийцам за чужую им землю и противные им интересы [5]. Как значилось выше, всего в полукилометре от того места, где раньше стояла мечеть находится кладбище. Там, согласно неофициальной информации похоронено около 150 боснийцев-мусульман из Герцеговины, но судя по его состоянию, даже оно подвергалось разрушению, т.к. над некоторыми могилами стоят кресты, явно сделанные местными жителями, чтобы обозначить место захоронения. Очень жаль, что империалистическая Австро-Венгрия 90 лет назад была более демократичной, чем республиканская Словении в веке XXI.

Буквально 15 лет тому назад, к этой проблеме, добавилась еще одна – в ноябре 2000 г., оползень разрушил большую часть деревни и унес жизни семи человек. Восстановление деревни незакончено до сих пор.

Послесловие

Известно, что на этом же фронте, в месте расположения 6-ого боснийского пехотного полка, также была мечеть. Фотографий ее (если они когда-либо вообще были сделаны) не сохранились до наших дней, но мечеть по информации от сотрудников Толминского музея и местных краеведов, действительно существовала, и видимо по тем же причинам не сохранилась до наших дней. О факте существования других мечетей в этой области данных нет, но возможно, более точную информацию по этому и многим другим вопросам мог бы предоставить военный архив в Вене, хранящий много тайн и «интересностей» австрийского двора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Dzamija na Soci» / Slovenec, 24.10. 1917 Ljubljana, p. 5. «Za mnogostevilne mohamedance, ki se bore na soski fronti, so zgradili prekrasno dzamijo, v kateri bodo mogli vsaj posamezni oddelki izvrsevati svoje verske dolznosti. Sam sarajevski reis el-ulema kakor tudi vojaski muftija odideta k slovesniotvoritvi».

- 2. Vasja Klavora**, Plavi kriz. Soska fronta. Bovec 1915–1917, Celovec–Ljubljana–Dunaj 2000, pp. 232, 233, 314; см. также: **Janez Mesesnel**, Soska fronta, Ljubljana 1987, p. 252 «...med drugim so tudi Avstrijcem in Slovencem, ki so na Rombonu zamenjali Bosance, nataknili fese, da Italijani ne bi opazili zamenjave in pa zato, ker so se Italijani Bosancev mnogo bolj bali...»
- 3.** «Bosanska deputacija pri cesarju» / Slovenski narod 72., 29.3.1916 Ljubljana, p. 3. 3.5. 1916 v isti reviji je bila objavljena tudi v Schonbrunnu posneta fotografija na kateri vidimo clane omenjene bosenskohercegovske delegacije. Predstavljeni so kot: Bosansko-hercegovska deputacija Hrvatov, Srbov in mohamedancev na Dunaju pred poklonitvijo pred cesarjem v Schonbrunnu.
- 4. Nedzad Kurto.** Arhitektura Bosne i Hercegovine. Razvoj bosanskog stila, Sarajevo, 1997.
- 5. Veronika Bajt.** Muslims in Slovenia: Between Tolerance and Discrimination // Internet: <http://hrcak.srce.hr/file/55459>.

Раздел III.

ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ К ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ И НЭПУ

УДК 94(47)084.1

К. Ф. Белоусов

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЧК ОТ СОЗДАНИЯ ДО «КАРЕЛЬСКОЙ АВАНТЮРЫ» (1918–1922)

Победа Октябрьской революции, провозглашение всевластия Советов на II съезде создали предпосылки для распространения и установления новой власти в провинциях бывшей Российской империи. Однако в целом ряде российских территорий признание новой власти состоялось далеко не сразу.

В Олонецкой губернии, и в ее столице – Петрозаводске – пришлось приложить значительные усилия, прежде чем Олонецкий губернский Совет высказался в поддержку вновь созданного Советского правительства при условии гарантий созыва в установленный срок всероссийского Учредительного собрания. Вместе с тем губернский Совет заявил, что возьмет на себя инициативу создания органов новой власти на всей территории губернии. Было принято «Положение об организации правительственной власти в Олонецкой губернии» закрепившее полномочия губернского Совета как органа высшей власти.

Только создание большевистской фракции в составе губернского Совета, проведение демонстраций и собраний в поддержку власти Совета Народных Комиссаров позволили добиться в январе-феврале 1918 года

принятия III губернским съездом крестьянских депутатов резолюции о признании Советского правительства и провозглашении на всей территории губернии власти Советов.

В таких условиях началось формирование в губернии новых органов управления. Отстаивать интересы новой власти были призваны Ревтрибунал¹ и губернская Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, образованная при губернском Совете 19 апреля 1918 года [1, л. 19 об.]. В ее состав вошли: Проскуряков, Тимонен, Елпединский, Никитин и Абрамов; кандидатами – Лаврентьев и Сазонов [1, л. 19 об.].

Первые изменения в составе Комиссии не заставили себя ждать – уже в середине июля 1918 года, после мятежа левых эсеров в Москве, на общем собрании ОлонГубЧК, рассмотрен вопрос о ее реорганизации. Представители левых эсеров из состава Комиссии выведены, включены представители от большевистской партии [2, л. 3]. Назначены руководители отделов, в соответствии со структурой, предложенной центральным аппаратом ВЧК. Заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией назначен Печерин, по борьбе со спекуляцией – Яковлев (от железной дороги), членом ревизионной коллегии – Чехонин. Принято решение об организации уездных ЧК. К осени 1918 года созданы аппараты ЧК в Вытегорском, Повенецком, Пудожском, Лодейнопольском, Олонецком, Каргопольском уездах. Штатная численность Комиссии на тот момент не указана, но можно утверждать, что составляла не менее 100 человек [2, л. 3–5, 32; 3, с. 8].

Став по своему составу однопартийной, губернская ЧК в повседневной работе ориентируется только на указания губернского комитета РКП (б), в сфере оперативно-разыскной работы реализует установки и указания большевистской партии. Подбор на службу осуществляется главным образом из партийных рядов.

Много внимания уделялось вопросам соблюдения сотрудниками дисциплины. Известен, например, случай, когда ГубЧК представила в декабре 1918 года Олонецкому губисполкуму предложения о расстреле пя-

¹ Олонецкий губернский революционный трибунал создан по решению Олонецкого губернского Совета 17 января 1918 года и осуществлял свою деятельность до 15 сентября 1922 года.

терых своих сотрудников за проявленные злоупотребления, так как они «роняют престиж рабоче-крестьянской власти и тем служат контрреволюции». Предлагалось «результат этой санкции и постановление опубликовать в печати». Правда, столь суровое наказание в итоге было заменено «в силу малолетности» виновных привлечением их к исправительным работам [2, л. 46].

В мае 1919 года руководство ГубЧК официально предупредило сотрудников о том, что за появление на службе в нетрезвом виде к ним будет применяться высшая мера наказания – расстрел [2, л. 126].

Уже 20 августа 1918 года Комиссия вновь принимает организационные решения. Заведующими отделами были назначены И. Теруков («контрреволюционный»), И. Ефимов («спекулятивный»), И. Дурандин («разведывательный»). Число членов Комиссии увеличено до девяти человек [2, л. 6]. В сентябре 1918 года председателем ОлонГубЧК назначен И. Теруков¹, а в октябре того же года председателем Комиссии стал прибывший из Петрограда О. Кантер².

Принятие в кратчайшие сроки таких решений вызвано, вероятнее всего, ужесточением форм, средств и методов работы в связи с переходом к политике «красного террора» в целях обеспечения безопасности Советской республики путем изолирования классовых врагов в концентрационных лагерях, расстрела всех лиц «прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

¹ Теруков Иван Иванович, 1888 года рождения, уроженец Петрозаводска, после окончания начального училища работал на заводе в Петрограде. Член РКП(б) с 1915 года. Участник Октябрьской революции. Служил начальником милиции Выборгского района Петрограда. Летом 1918 года направлен в Петрозаводск на службу в ОлонгубЧК. С 30.08.1918 – назначен временно председателем губЧК, а 11.09.1918 – избран председателем губЧК. В сентябре 1919 года уволен из органов ВЧК по постановлению партийного суда. Уехал в Кронштадт. Дальнейшая судьба неизвестна.

² Кантер Оскар Кристапович (Кристианович) (1885–1935). Уроженец г. Риги. Участник Октябрьской революции. Направлен из Петрограда в Олонецкую губернию для оказания помощи советским и партийным органам. С 08.10.1918 года по 10.12.1920 года – председатель ОлонгубЧК. Затем служил в органах ВЧК–ГПУ в Ферганской области, Самарканской области, Туркмении, Самарском отделе ГПУ и Особом отделе Приволжского военного округа. С 1925 года – в представительстве ОГПУ Дальневосточного округа (края). В октябре 1927 года из органов ОГПУ уволился. Работал в советских органах, в частности, стал первым председателем Нижне-Амурского облисполкома. Умер в 1935 году.

Уже 5 сентября 1918 года в целях выполнения постановления правительства РСФСР на местную буржуазию. Исполком петрозаводского горсовета наложил контрибуцию в размере 500 тысяч рублей и установил трудовую повинность. Местные органы ЧК стали широко использовать систему заложничества и регистрацию «буржуазии и нетрудового элемента». Этими списками чрезвычайные органы пользовались в критических для власти ситуациях и позже, например, в мае 1919 года, когда финские войска двигались к Петрозаводску, и взятие заложников могло гарантировать лояльность населения в условиях реальной военной угрозы [4, с. 160].

В связи с осложнением военной обстановки, необходимостью улучшения оперативного контроля в частях Красной Армии и на транспорте в январе 1919 года в составе ОлонГубЧК организованы Военно-Особый (Фролов, Щукин) и Транспортный отделы (В. Федоров). В мае того же года создается Секретный отдел, в октябре – юридический (В. Лузгин) [3, с. 8].

В сложнейший период Гражданской войны и иностранной военной интервенции губернская Чрезвычайная Комиссия работала на таких направлениях, как борьба с контрреволюционными и антисоветскими выступлениями, экономическими и должностными преступлениями, дезертирством и незаконным оборотом оружия, шпионажем. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний Олонецкой ГубЧК и ее президиума за 1918–1920 годы.

Комиссия заседает регулярно, ее решения носят коллегиальный характер. Так, за период с апреля по декабрь 1918 года проведено 25 заседаний; за 1919 год – 39; за январь-апрель 1920 года – 24 [2]. Они, как правило, проходили еженедельно, рассматривались десятки вопросов: заявления граждан, сотрудников ЧК, уголовные дела, вопросы конфискации имущества. Принятие конкретных решений, судя по протокольным записям, было максимально взвешенным. Так, освобождение задержанных лиц часто связано с «отсутствием умысла», «недостаточностью обвинительного материала», наконец, давностью содеянного [2, л.л. 6, 9, 13 об, 21, 29.].

Практиковалось также освобождение лиц, содержащихся в ЧК, под залог [2, л. 6]. Встречаются и такие формулировки как «...освободить под личное поручительство сыновей-коммунистов» [2, л. 17].

Высшая мера наказания применялась Олонецкой губернской ЧК достаточно редко, в том числе и в период красного террора¹ [5, с. 279, 282, 283].

Протоколы заседаний губернской ЧК и губревкома свидетельствуют о том, что в 1918 году к ВМН было приговорено 4 человека; в 1919 – 14 человек, один из них заочно (т.к. скрылся и находился в розыске) [2].

Сотрудники Пудожской уездной ЧК в 1919 году расстреляли четырех белогвардейцев, не имея санкции губернской ЧК, за что им было объявлено порицание [2 л. 57].

В то время практически все представители власти были вооружены. Карательные меры, предпринимаемые ими, далеко не всегда основывались на решениях (документах) того или иного органа власти. Это, в первую очередь, относится к комбедам (комитетам бедноты) и уездным исполнкомам, в состав которых входили, в основном, демобилизованные солдаты – люди ожесточенные и озлобленные тяготами войны, принесшие с собой острое чувство классовой ненависти ко всем эксплуататорам и богатеям. Так, в Лодейнопольском уезде 24 января 1919 года был создан митинг в связи с убийством в Германии К. Либкнехта и Р. Люксембург. Председательствовал на нем член уездного исполнкома Анисимов. В итоге приняли постановление о наказании буржуев из местных крестьян и расстреляли четверых [6, с. 12, 13].

Относительно мягкие решения органов Советской власти в сфере карательной политики объясняются, как представляется, еще и адекватной оценкой обстановки и соотношения сил в губернии. В одной из агентурных сводок, изъятой чекистами в августе 1918 года во время обысков по делу Локкарта, отмечалось: «В Олонецкой губернии крестьянство, смело можно сказать, все настроено враждебно к Советской власти, и если это

¹ По подсчетам петербургского исследователя И.С. Ратьковского за период с июля по декабрь 1918 года ВМН применялась в Петроградской губернии – 912 раз; в Псковской губернии – 56; и в Петрозаводской губернии – 15 раз (подсчитано по материалам периодической печати).

Примечание: не ставя под сомнение подсчеты исследователя, заметим, что губернии Российской империи именовались, как правило, по названию их главного города – Архангельская, Курская, Псковская и т.п. Использование названия «Петрозаводская губерния», скорее всего – ошибка. Возможно, что это название использовалось в СМИ Советской республики, либо речь идет о Петрозаводском уезде Олонецкой губернии.

настроение сейчас не выливается в более резкой форме, то это можно объяснить, что и сама «Советская власть», очевидно, учитывая настроение и положение, не позволяет себе слишком сильного вмешательства во все внутренние дела крестьян» [7, с. 500].

ОлонгубЧК за 1918–1920 годы всего рассмотрено дел:

О шпионаже	20
О нарушении государственной границы (либо демаркационной линии фронта)	20
О незаконном обороте оружия и боеприпасов	29
О саботаже	20
О спекуляции	162
О контрреволюционных преступлениях	99
Об антисоветских выступлениях и пропаганде	170
О секвестировании ¹ и конфискации	293 [2]
Итого	813

Перечень наименований дел, рассмотренных на заседаниях Комиссии, свидетельствует, что она действовала в пределах своей компетенции, используя различные формы и методы работы. Причем, в наиболее ожесточенный период Гражданской войны, когда главным был вопрос «Кто кого?», превалировали силовые, а не специальные средства, формы и методы решения служебных задач. Резкие изменения обстановки на конкретных участках фронтов Гражданской войны и в тылу вынуждали не к тщательной, филигранной оперативной работе, а к нанесению массовых ударов по «классово чуждой среде». Превалировали методы открытого подавления врага, а на шпионаж, как правило, натыкались попутно, расследуя дела об антисоветских выступлениях и контрреволюционной деятельности.

Так задержанного в феврале 1919 года по подозрению в военном шпионаже и с подложными документами Али Амар Оглы, вместе с мате-

¹ Под секвестированием в данном случае понимается запрет или ограничение, устанавливаемое органами государственной власти на использование или распоряжение каким-либо имуществом.

риалами дела отправили в центральный аппарат ВЧК ввиду отсутствия в ГубЧК переводчика [2, л. 63].

Многие чекисты по решению губернского военно-революционного Комитета в 1919 году были мобилизованы для участия в боях при защите Заонежья, Петрозаводска и Олонца.

В конце 1919 – начале 1920 года Красная Армия добилась решающих побед, закончив боевые действия на основных фронтах Гражданской войны. Страна впервые за длительный период обретала столь необходимую для нее мирную передышку. Постепенно устанавливаются нормальные отношения с европейскими государствами, осуществляется переход к новой мирной жизни.

В этих условиях органы безопасности Советской России должны были изменить методы, формы и средства оперативной работы. В декабре 1921 года IX Всероссийский съезд Советов поручил президиуму ВЦИК в кратчайшие сроки пересмотреть Положение о ВЧК.

Выполняя это решение, ВЦИК 6 февраля 1922 года принял постановление, согласно которому ВЧК и ее местные органы ликвидировались. Функции ВЧК по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом, шпионажем, контрабандой, а также охране путей сообщения и границ возлагались на Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). Для практического решения этих задач в составе НКВД создавалось Государственное политическое управление (ГПУ). На местах создавались подчиненные ему органы безопасности. В составе ГПУ учреждались также особые и транспортные отделы для борьбы с преступлениями в армии и на железной дороге.

На деятельность органов безопасности советской Карелии складывавшаяся политическая и военная обстановка также оказывала серьезное влияние. Советское правительство, основываясь на принципе самоопределения народов, 8 июня 1920 года приняло решение об образовании Карельской Трудовой Коммуны (КТК) как национальной автономии в составе РСФСР. В ее состав вошли территории 41 карельской волости Кемского, Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов.

Это решение в июле 1920 года одобрил съезд трудящихся-карел, а в 1922 году в связи с упразднением Олонецкой губернии территория Карельской Трудовой Коммуны значительно расширилась за счет включе-

ния в ее состав местностей с русским населением (Повенецкий и большая часть Пудожского уезда).

После образования Карельской Трудовой Коммуны была сформирована Чрезвычайная комиссия КТК. При этом Олонецкая губернская ЧК продолжала работу.

Основная оперативная нагрузка ложилась на ЧК КТК. С течением времени возник не только нежелательный параллелизм в работе, но и вскрылась картина «полнейшего разложения» Олонгуботдела [8, с. 70–74, 172–173]. После длительных обсуждений, переписки с Центром, взаимных претензий сторон, подключения партийных органов к принятию решения вопрос, наконец-то, был решен. Слияние карельских и олонецких органов безопасности восстановило принцип единонаучалия и единства действий спецслужб. Это было особенно важно в условиях борьбы с последствиями «Карельской авантюры»¹. 25 июля 1922 года был издан приказ о ликвидации Олонгуботдела ГПУ [9, с. 49].

Переход к мирному строительству был в значительной степени осложнен из-за обострения обстановки на севере Карелии. Здесь осенью 1921 года вспыхнули крестьянские волнения на почве массового голода и произвела властей. На эти территории вторглись отряды добровольцев-финнов и белокарел. В ноябре 1921 года сепаратисты провели в Ухте съезд «представителей карельского народа» и заявили о независимости Карелии. Для борьбы с мятежниками были задействованы регулярные части Красной Армии. К февралю 1922 года удалось вытеснить сепаратистов с территории КТК в Финляндию.

Одним из последствий этих драматических событий стал уход части коренного населения на территорию сопредельного государства. По данным Карельского отдела ГПУ за границу ушло 10–12 тысяч карелов в дополнение к приблизительно 3 тыс. беженцам, перебравшихся туда в основном из Олонецкой Карелии в 1919 году [10, с. 66, 67].

Более половины беженцев вернулась назад после объявления ВЦИК РСФСР 30 апреля 1923 года «Амнистии карельским беженцам». Финское

¹ Термин, применяемый к характеристике событий в Карелии в 1921–1922 гг., в советской исторической науке. С начала 90-х годов XX века чаще используется название «Карельское восстание» либо «Карельский мятеж».

посольство в Москве констатировало возвращение около 5 тысяч беженцев по амнистиям 1923–1925 гг., руководители Советской Карелии называли цифру 8 тысяч человек [11, с. 132].

В документах карельского ГПУ указывалось, что «после ликвидации всех этих авантюр, в Финляндию отступило около 18.000 карельских и ингерманландских беженцев-эмигрантов, из коих около половины впоследствии вернулось по амнистии и нелегально в Советский Союз...» [12, л. 250 об.].

Финские спецслужбы в этот период активизировали свою деятельность, проявляя особый интерес к территории Карельской Трудовой Коммуны, привлекая к сотрудничеству карельских беженцев. Всего в 1921 г. финские спецслужбы направили в КТК 21 агента, из которых только один не был «карбеженцем». Карельским чекистам удалось арестовать 11 агентов, которые впоследствии были осуждены за шпионаж. Несмотря на эти разоблачения, финские спецслужбы продолжали заброску агентов в Карелию. Документы свидетельствуют, что в 1922–1925 гг. они совершили 92 разведходки» [13, с. 84].

Органы безопасности советской Карелии, таким образом, вели борьбу с финским шпионажем, выявляли и пресекали деятельность карельских эмигрантских организаций, отдельных белофинских и белогвардейских организаций. Она вылилась в итоге в проведение контрразведывательных операций, осуществленных в 1925–1926 годах.

О первой широкомасштабной операции по пресечению финского шпионажа ГПУ АКССР¹ доложило в Центр в апреле 1925 года, констатировав, что «Имевший ранее место шпионаж в погранполосе южного района Карелии... проведенной операцией... почти ликвидирован» [14, с. 77].

Деятельность финских спецслужб была скована, в то же время они не оставляли попыток ведения активной разведки, и вплоть до 1931 года направляли агентов из числа беженцев в советскую Карелию.

¹ АКССР (Ант. Карел. Сов. Социалист. Респ.), авт. обл. объединение в составе РСФСР. Создана на основе Карел. Трудовой Коммуны (КТК) Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июля 1923. Чрезвычайный IX съезд Советов 17.06. 1937 закрепил новое название resp., утвердив «Конституцию КАССР». С этой даты именовалась только КАССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1.** Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 28. Оп. 1, Д. 14/87.
- 2.** Архив УФСБ России по Республике Карелия. Фонд распорядительных документов. Оп. 90, п. 1.
- 3.** **Авдеев С.С.** Олонецкая Губчека – год становления // Исторические чтения на Андропова, 5: история органов безопасности: материалы докл. науч. конф. Петрозаводск, 2003.
- 4.** История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: КАрНЦ РАН, редакционно-издательский отдел. 2008.
- 5.** **Ратьковский И.С.** Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.
- 6.** **Киселева О.А.** О роли чрезвычайных органов в истории деревни Олонецкой губернии // Исторические чтения на Андропова, 5: история органов безопасности: материалы докл. науч. конф. Петрозаводск, 2003.
- 7.** Архив ВЧК: Сборник документов / Ответств. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров; Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007.
- 8.** **Бутвило А.И.** Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск. 2011.
- 9.** **Лайдинен Э.П.** Органы безопасности Советской Карелии (1918–1941) // Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск, 2008.
- 10.** **Килин Ю.** Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999.
- 11.** **Барон Н.** Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011.
- 12.** АУФСБ РФ по РК., Фонд уголовных дел. Д. 275. Т. 3.
- 13.** **Лайдинен Э.П.** Первые контрразведывательные операции ГПУ АКССР в 1922–1925 гг. // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. IX. «Гороховая, 2» – 2011/под ред. А.М. Кулегина. – СПб.: Норма, 2012. – 224 с.
- 14.** Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ДЕЗЕРТИРСТВА: ОТ ЦАРСКОЙ АРМИИ К КРАСНОЙ АРМИИ, 1914–1921

В такой огромной и сложной стране как Россия массовая мобилизация населения всегда была «своего рода экзаменом сразу по многим предметам, которые предстояло сдавать и правительству, и администрации, и населению» [1, с. 10]. Трудность и непредсказуемость подобного испытания многократно увеличились в годы революции и небывалой по масштабам войны, когда количество «бегунцов» шло на миллионы. Проблема массового дезертирства гражданской войны была в большой степени «унаследована» от царской армии, армии революционного 1917 г.

После бурной вспышки патриотического подъема начала «Второй Отечественной» наступили тягостные будни «мировой бойни», а «великое отступление» 1915 г. вылилось в разрастание дезертирства, уклонения от призыва. На секретном заседании Совета министров 4 августа 1915 г. по поводу вопроса о привлечении в ряды действующих войск «ратников ополчения II разряда» было оглашено заявление министра внутренних дел: «Полиция не в силах справиться с массою уклоняющихся; люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе». В докладной записке Николаю II (ноябрь 1916 г.) значилось, что из общего числа запаса нужно вычесть «два миллиона людей, состоявших из оставшихся в занятых неприятелем областях, эмигрантов и незаконно уклонившихся от несения военной службы» [2, с. 234]. В среднем каждую неделю по Петроградскому военному округу задерживалось в конце 1915 г. 211 дезертиrov, по Двинскому округу 462 человека, а в конце 1916 г. – уже 1479 дезертиrov [3, с. 30].

1917 год дал бурное развитие дезертирству, несмотря на меры по его сдерживанию, которые не были планомерными и последовательными и не находили должного отклика в солдатских массах. «Демократизация» армии привели к тому, что за первую половину марта из запасных частей Западного фронта самовольно ушли 3 тыс. солдат. В армиях Северного и Западного фронтов с 1 по 7 апреля количество дезертиrov составило 7688 человек [4, с. 326]. Наводнившие тыл дезертиры мгновенно стали

одной из характерных черт эпохи. В столице, по воспоминаниям дочери британского посла Д. Бьюкенена, «сотни солдат, дезертировавших с фронта, грязных и оборванных, наводняли улицы, праздно толкались на перекрестках, слушая речи агитаторов и экстремистов, или бесцельно катались на трамваях, набиваясь на крыши вагонов и грозьями свисая с подножек» [5, с. 175]. До Февральской революции дезертировали 201 381 человек, а к 1 сентября 1917 г. таковых было уже 1865 тыс. [6, с. 260].

Массовое дезертирство 1917 г. в большевистской пропаганде, а потом и в советской историографии трактовалось как симптом тяжкой болезни государства, как прогрессивное и революционное (пусть и в большинстве своем стихийно-бессознательное) действие. Дезертирство в «германскую» войну можно было понять: «До момента перехода власти в руки рабочих и крестьян на явление разложения можно было смотреть как на естественное, даже оправданное всем предыдущим ходом жизни» [7]. Соответственно, и отношение к дезертирам со стороны домочадцев виделось вполне радушным: «...и это было понятно. От петли кто же не убежит?» [8]. Но дезертир царской армии должен был изменить свое отношение к службе в войне гражданской. Но появились те, кто и «при царском режиме скрывались все время... думали, что теперь-то чего служить» [9, л. 61 об.]. Среди анкет дезертиров-красноармейцев встречаются упоминания об их опыте бегства из «старой армии».

Дезертиры стали «предвестниками большевизма» в деревне, где настроения царили вполне определенные: «... скотину безо всяких пускайте по помещиков земли и паште... берите в руки сейчас, и мы здесь не бросим оружие... и домой придем с винтовками» [10, с. 13]. Целый «дайджест» с мест о влиянии дезертиров на революционную обстановку привел в «Истории русской революции» Л.Д. Троцкий. Началась настоящая борьба за солдата между «пораженцами» и сторонниками «войны до победного конца». В стихотворении того времени крах армии описывался следующими словами:

Подлинно настала не житье – малина,
Нонеча солдат
Позабыл, что значит слово дисциплина
Да и вспомнит вряд ль... [11, с. 10]

Радикальный перелом в 1917 г. произошел не только в государстве, но и в умах. Если мобилизации мировой войны, особенно 1914 г., были во многом обусловлены инерцией прошлых призывов, исторической памятью народа, то после Февраля умы отравляло сладкое слово «свобода». Казалось, что все проблемы позади, и вместе с весной 1917 г. на русской земле наступал рай. Октябрь дополнил эту жажду жить конкретной материальной ценностью огромного морального значения: землей. Война окончательно потеряла свою важность. Началось повальное «голосование ногами».

Крушение старой армии и хозяйственная разруха не располагали к тому, чтобы армия крестьян и рабочих могла избежать такой вневременной болезни как дезертирство. Масштабные боевые действия, чрезвычайные мобилизационные меры большевистской власти сделали каждого, по выражению лидера эсеров В.М. Чернова, «военнообязанным крепостным воюющего государства», которое неотступно требовало себе «...всего человека – всего без остатка...» [12, с. 12]. Ф.И. Дан в своих воспоминаниях вложил в уста собеседника-конвоира мрачную шутку о трехмиллионной Красной Армии: «миллион бежит, миллион сидит, миллион ловит и водит» [13, с. 66] О. Файджес писал о 4 млн. дезертиров Красной Армии за годы гражданской войны [14, р. 599]. По подсчетам Г.Ф. Кривошеева, было «выявлено» за всю войну 2846 тыс. дезертиров, из них 837 тыс. задержано [15, с. 94]. Дезертирство было проблемой для всех сторон гражданской войны. А. Ренсом сообщал о полном нежелании сражаться и красных, и белых за отсутствием у них осознанных политических убеждений. Скудное снабжение влекло за собой массовое дезертирство и переход на сторону врага, из армии которого они вскоре с немалой долей вероятности бежали вновь [16]. Член Северо-западного правительства Н.Н. Иванов писал, что народ не принял ни красных, ни белых и участвовал в войне весьма нехотя.

Для того чтобы власть могла требовать от народа поведения с учетом правовых и моральных норм, нужны, в конечном счете, сложившиеся и признанные нормы. Если для той или иной ситуации такой нормы нет, то индивид вынужден действовать по своему разумению, на основании личной оценки сложившейся обстановки, а также исходя из целей и потребностей – собственных и своих близких. Феномен массового дезертирства можно рассматривать в качестве одной из сторон деформирования общес-

ства и личности, попытки устроится в постоянно меняющейся среде. Можно рассматривать дезертирство как не просто девиантное поведение, но широкое явление, возникшее при разрыве с прежней системой ценностей и сломе не только старого государственного аппарата, но и относительно стабильного и безопасного уклада жизни.

В каждую эпоху в отношениях государства и подданного преобладает одна из двух «архетипических социокультурных моделей коммуникации» – «договор» или «вручение себя во власть другого» [17, с. 145]. Крестьянское чувство безысходности и зависимости от высших сил нашли свое выражение в строках Ф.А. Степуна: «Солдатская вера как была, так и будет все той же: царь приказал, Бог попустил, деваться некуда, а впрочем, на миру и смерть красна...» [18, с. 349] Абсолютное большинство солдат-красноармейцев – крестьяне, и их менталитет был соответствующим. Исследователь А.В. Посадский выделял в крестьянских настроениях Первой мировой войны мотив долженствования («потому что “надо”»), соответственно, они ждали от правительства исполнения своей части «договора», главным образом, в отношении семей мобилизованных [19, с. 540]. В исследовании о Первой мировой войне М.В. Оськин сделал важный обобщающий вывод: «Дезертирство... есть явление именно крестьянское, так как крестьянин почитает войну не просто за ненормальное состояние человеческого социума, но за такое его состояние, которое выбивает человека из его многовековой включенности в природу как органичной части» [20, с. 269]. Война для крестьян принимала обличие Божьего наказания за грехи, служба носила характер религиозного ритуала. Быть призванным или избежать службы – вопрос фатального характера. В частушке начала ХХ в. пелось: «... с судьбой хороший зародился, и в солдаты не попал» [21, с. 224].

Большинство дезертиrov в XVIII–XIX вв. представляли окраинные народы России, масштабы их бегства из армии и уклонения от призывов даже отдаленно не напоминали масштабы явления в рассматриваемый период. В 1914–1916 гг. «психологическая мотивация дезертирства была неоднозначной, не носила ни явно антивоенного или пацифистского характера, ни признаков откровенной трусости» [6, с. 260]. Антивоенные настроения крестьян нельзя считать проявлением их антипатриотичности или антигосударственности, или же антисоветизма. Представления о пат-

риотизме, как о необходимости с оружием в руках защищать лишь свою волость или губернию крепко сидели в крестьянских головах и до революции, что неоднократно фиксировалось исследователями Первой мировой войны. По мере нарастания протестного движения в тылу, ухудшения ситуации на фронте, падения авторитета царя и сакральности власти, проявился принцип, прилагаемый и к гражданской войне: «Хуже, чем на позиции не будет, а когда вернемся – простят». В сводках ЧК за 1920 г. отмечалось, что в дезертирской среде отсутствует политическая мотивация не служить Советской власти, а преобладает мнение не служить вообще никому [22, с. 167].

После небывалого по масштабам истощения сил в 1914–1917 гг. страна повергается в гражданскую войну с очередными массовыми мобилизациями, хотя в 1917 г. «русский крестьянин отступал в деревню с намерением никогда больше не воевать» [23, с. 3]. По словам Л.Д. Троцкого, «ненависть к войне и военщине к началу нашей революции отравила всех рабочих и крестьян» [24]. В телеграмме от 2 марта 1918 г. бегущие с фронта солдатские массы характеризовались как «морально испорченные» четырехлетней бойней [25, л. 3]. В.И. Ленин понимал всю сложность организации армии в стране, «где народ сам смял войну и сам разбил старую армию...» [26, с. 75]. Полемизируя с «белогвардейским» взглядом на дезертирство, как на активное сопротивление советской власти, К.В. Скерский определил его как «естественную реакцию до последней степени переутомленного и надломленного тяготами войны коллективного организма армии» [27, с. 109].

В годы Первой мировой войны крестьяне Казанского уезда (Самарская губерния) объясняли свои выступления против мобилизации следующим образом: они «идут на войну, а дома у них остались неубраные поля и голодные жены и дети, что им надо денег, для того, чтобы не умерли с голода семьи» [28, с. 522]. Осознание факта, что на государство надежды нет, что благополучие семьи зависит лишь от себя самого, давно сложилось в крестьянской среде. Мобилизации 1914 г. сопровождались тревогой за судьбы родных, «которых не кормили в Японскую войну и не давали им пособия» [1, с. 532]. Прославившийся впоследствии, в том числе на ниве борьбы с дезертирством, поэт Демьян Бедный, писал в 1917 г. о трудном положении семьи солдата: «За наборами – наборы. Все хозяйство

без опоры». В споре с дезертирами-красноармейцами, оправдывающими свое преступление, А.М. Коллонтай классифицировала их доводы следующим образом. На первом месте стояло беспокойство за судьбу близких: «Я тут, на фронте, а кто знает, не голодает ли моя семья?» Отдельно рассмотрено дезертирство во время полевых работ: «Если не вернусь домой, кто снимет жатву с моей полосы?» Далее следовали те, кому не ясны цели этой войны и оставившие фронт «из трусости, из позорной трусости» [29, с. 3–4].

Часто родные своими письмами сами провоцировали солдата на побег. Дезертир «застревал» дома и продолжал свое падение. Фактор влияния полевых работ в деревне на «демобилизационные» настроения устойчиво фиксировался в годы мировой войны. По данным негласного наблюдения за крестьянами Пензенской губернии в апреле 1916 г., при призывае отмечались массовые случаи высказываний недовольства, хотя те и «привыкли собирать людей на войну» [30, с. 665]. В июне 1919 г. Центральная комиссия по борьбе с дезертирством считала необходимым официально разрешить красноармейцам краткосрочные отпуска для выполнения хозяйственных работ», признав физическую невозможность удержать их в эти периоды в частях [31, л. 1]. Увеличение дезертирства на Северо-Западе осенью 1920 г. в сводках ВЧК объяснялось именно прекращением отпусков.

«Лакмусовой бумажкой» восприятия населением мировой войны стало широкое укрывательство беглецов из армии. В годы мировой войны в отчетах губернаторов встречались сообщения о случаях, когда односельчане буквально отбивали у полиции задержанных дезертиров. За месяц до февральских событий 1917 г. военный атташе Великобритании А. Нокс информировал о миллионе дезертиrov русской армии, которые «...живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труд». В 1917 г. по свидетельствам А.И. Деникина укрывательством «бегунцов» было одной из главных «специальностей» советов депутатов. Начиная с конца 1918 г., советская власть столкнулась с крестьянскими восстаниями на почве мобилизаций в Красную Армию преимущественно в регионах, «привыкших» к укрывательству дезертиrov в предыдущую войну: именно они составили костяк «зеленого» движения. Некий прообраз «зеленых» мы можем наблюдать и до гражданской войны. Так, «Биржевые ведомости» писали в июле

1917 г.: «В последнее время появился особый тип дезертиrov: солдат, не покидающих с бегством из частей своего оружия. В некоторых районах дезертиры стали образовывать организованные банды, терроризирующие население и оказывающие вооруженное сопротивление... Не имея возможности пробраться в глубокий тыл, они остаются в городах и местечках, прилегающих к району военных действий» [32].

Дезертиров образца 1917 г. можно назвать «лучшими проводниками идей пораженчества», так как им было нужно прикрыться идеиными мотивами. Какими бы вескими причинами ни был вызван акт дезертирства, он во все времена считался предательским и подлым деянием. Н.Х. Реден, говоря о распаде русской армии осенью 1917 г., писал: «Дезертиры, оставлявшие фронт, боялись общественного осуждения, пока большевики не ободрили их объединяющим кличем: “Мир – хижинам, война – дворцам!”. Подобные лозунги освободили дезертиров от чувства вины, они уже не являлись домой как побитые собаки, а напротив, как борцы за справедливое дело, готовые сражаться на внутреннем фронте» [33, с. 110]. В последующие годы такими оправданиями будут разговоры о непобедимых чудовищах белых – о танках, слухи о новой войне с немцами и т. д.

Дезертирство в рассматриваемый период – многосоставное явление, в основе которого лежал самый широкий комплекс причин. Таким образом, для борьбы с ним власти не ограничивались силовыми акциями, а вынуждены были работать на предупреждение данного военного преступления, побуждать дезертиров к возвращению в армию. Одновременно нужно было добиться от общества осознания всей вредности дезертирства. Многие приемы обличения дезертиrov гражданской войны и даже ценные сюжеты были почерпнуты из прошлого опыта: из газет периода мировой войны, в особенности из изданий обороннического толка 1917 г. Апеллирование к родным красноармейца, как к тем, кто удержит его от дезертирства весьма традиционно. Так, в одном из стихотворений периода Первой мировой войны беглец пытается учить жизни отца-ветерана, но получает от него достойную отповедь, после чего возвращается на фронт. Л.Д. Троцкий упоминал о сравнительно малом количестве дезертиrov в казачьих частях осенью 1917 г. и объяснил это тем, что донцы и кубанцы «боялись своих стариков в станице» [34, с. 247]. В дальнейшем, образ же-

ны (матери) гонящей обратно на фронт мужа (сына)-дезертира будет часто воспроизводиться в плакатах, карикатурах и красных, и белых.

В борьбе с дезертирством были задействованы современные технические средства. В 1917 г. был выпущен кинофильм «Батальон 1 марта», направленный против дезертирства, на укрепление дисциплины в армии. Один из фильмов киножурнала «Свободная Россия» назывался «Дезертир-провокатор». К первой годовщине Красной Армии были выпущены 13 агитфильмов, среди которых «Беглец» и «Дезертиры». В качестве примера приведем «псевдоагитфильм» «Сон Тараса» (1919). По сюжету, красноармеец Тарас опился самогоном на посту и заснул. Ему приснилось, что он служит в царской армии и, бежав с поста, отправляется развлекаться. Его поймали и приговорили к расстрелу за дезертирство. Герой фильма проснулся и рассказал сон товарищам по роте, а те поздравили Тараса, что он служит в Красной Армии, а не в царской. Исследователь Н.А. Лебедев комментировал этот явно неудачный агитационный опыт так: «Мораль получалась более чем своеобразная: в царской армии за нарушение дисциплины – расстрел, а в Красной Армии – хоть пьянствуя, хоть спи на посту – никаких взысканий» [35].

Для борьбы с массовым дезертирством нельзя обойтись исключительно военными органами. Еще в сентябре 1915 г., когда уровень данного явления был несравненно ниже, военное ведомство, сообщая в Министерство внутренних дел о побегах (вплоть до того, что «разбегается почти весь эшелон»), просило о содействии, так как «военное министерство... без помощи гражданской власти бессильно что-нибудь сделать» [20, с. 272]. Большевики учтут это и создадут в конце 1918 г. разветвленную систему территориальных комиссий по борьбе с дезертирством. Постановление СРКО «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 г. предписывало привлекать к розыску дезертиров «все Советские учреждения» [36, с. 255]. Скажется это и в основной ставке советской власти не на агрессивно-силовые способы борьбы, а на агитационно-политические меры, экономические рычаги, организационные мероприятия (например, проведение «недель добровольной явки дезертиrov»). Показательна и преемственность борьбы с дезертирством в юридическом и организационном плане. Так, документы, приложенные к «Руководству к декретам и постановлениям о дезертирах и дезертирстве», изданному в Петрограде в

1919 г., открываются извлечениями из «Военного устава о наказаниях» русской армии 1916 г.

Борьба с дезертирством в 1917 г., когда сам термин «дисциплина» представлялся чем-то старорежимно-враждебным, имела свою специфику. Тогда, по меткому замечанию О.В. Григорьева, «намного проще было осудить старшего офицера за грубость, нежели применить законные санкции к солдату-дезертиру» [37, с. 20]. Постановлением Временного правительства от 26 мая 1917 г. для последних были введены каторжные работы. Еще 9 марта в предписании генерала А. Лукомского начальникам штабов фронтов предлагалось принять все меры к задержанию дезертиров и возвращению их в части путем устройства облав в узловых пунктах. Кроме казачьих частей необходимо было привлекать полицейские команды и конных разведчиков. Заняв пост Верховного главнокомандующего, М.В. Алексеев в письме к военному министру А.И. Гучкову требовал санкцию на применение ряда мер в отношении дезертиров, а именно: «лишение семей дезертиров прав на паек, лишение права выбора в Учредительное собрание, лишение права на какое-либо земельное улучшение в будущем, и т. д.». Степень жесткости и решительности этих мер, а также их эффективности была весьма мала. Впоследствии советская власть будет активно применять экономические рычаги для наказания семей дезертиров, упреждения новых побегов.

С начала июля 1917 г. стали «эпизодически практиковаться» расстрелы дезертиров, применение оружия для установления порядка среди отступающих войск. Для борьбы с дезертирами на Юго-Западном фронте начали создаваться ударные батальоны. В октябре А.Ф. Керенский предлагал создать отдельную группировку до 150 тыс. человек для борьбы с дезертирами и погромщиками в тылу. Просветительскую работу в солдатской среде пытались вести армейские общественные организации. В протоколе заседания войскового комитета одного из полков Юго-Западного фронта от 30 апреля 1917 г. предлагалось ввести штрафы за укрывательство дезертиров, организовать летучие отряды, предавать суду дезертиров и лишать их политических прав. Кроме того, дезертиры «как изменники Родины и свободы не будут иметь права пользоваться всеми благами свободной России» [38, с. 80].

К главным причинам массового уклонения в годы гражданской войны Н.Н. Мовчин относил их фактическую безнаказанность [39, с. 129]. Описывая усредненный портрет крестьянина-дезертира, Л.Д. Троцкий добавил характерное: «Где могли, его привлекали к ответу» [40, с. 253]. Общепринятым стало мнение о том, что не суровость наказания, а его неотвратимость ведет к уменьшению числа преступлений. То, как разлагающие подействовали на армию в 1917 г. пустые угрозы, не подтверждаемые практикой, как это дискредитировало власть, описал А.И. Деникин: «Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров... но Революционная демократия стала вновь в резкую оппозицию к новому курсу, видя в нем посягательство на свободы и угрозу своему бытию... А солдатская масса вскоре разбралась в новом положении, увидела, что “страшные слова” – только слова, что смертная казнь – только пугало, ибо нет той действительной силы, которая могла бы сломить ее своеволие. *И страх вновь был потерян*» [41, с. 381, 384]. Слова расходились с делом и в годы гражданской войны: «Либо не обещай кар, а раз обещал – исполняй, чтобы каждый знал, что это – не пустая угроза» [42]. Так, все несдавшиеся до конца февраля 1919 г. дезертиры Новоржевского уезда Псковской губернии объявлялись вне закона и должны были «беспощадно расстреливаться, как контрреволюционный элемент» [42, л. 1]. Подобные угрозы были пустыми и в дальнейшем повторялись вновь и вновь, полностью утратив какой-либо смысл.

В рассмотрении темы дезертирства нельзя не коснуться схожего (по своей цели) военного преступления – саморанения (самострела). По свидетельству А.И. Деникина, в 1917 г. до 30% всех раненых и контуженных составляли раненые в пальцы и кисти руки [41, с. 394]. Немалое распространение это явление получило в годы гражданской войны. Советская пресса выдвинула лозунг: «Симулянт-самострельщик хуже дезертира». Основания для этого были серьезные: дезертира рано или поздно вновь вернут в строй, а самострельщик «...берегает патрон белых – и делает свое презренное дело нашим красным патроном» [44]. В мае 1920 г. это явление приняло характер эпидемии в 15-й Армии: Р.А. Муклевич писал о нем, как о «массовом психозе, своего рода заболевании» [45, с. 99, 105].

Демьян Бедный, сравнивая отношение народа к «распроклятой злодейке службы царской» и Красной Армии, писал в стихотворении «Прежде и ныне» (1920 г.):

Прежде парни горевали,
Службы царской не любили,
Зубы с челюстями рвали,
Пальцы пачками рубили...
...Ныне метят в дезертиры
Лиши одни враги народа.

Но случаи членовредительства реже не стали. При прохождении медицинского освидетельствования и во время службы имела место симуляция болезни. Активно симулировали глухоту, туберкулез. Был широко известен способ «курить резину» перед осмотром. Искусственно вызывали кожные заболевания, язвы и т. п. В Петрограде в 1919 г. была раскрыта и расстреляна группа лиц, организовавших доходное дело по впрыскиванию под кожу желающим освободиться от службы состава на основе костяного масла [46]. Отголоски широкого распространения «самокалечения» находим в художественной литературе 20-х гг., например, у М.М. Зощенко в рассказе «Старый ветеран»:

- Можно, говорит, ногу ляписом прижечь или же купоросом.
- Да уж, говорю, я про это думал. Небось, чересчур больно и попасться можно.

По документам Петроградской губкомдезертир прослеживаются случаи посылки на врачебную комиссию вместо себя заведомо больного человека. Так, в 1920 г. был арестован некто Пешков, который, «не имея ни малейшего желания служить в Красной Армии», подкупил инвалида Белова сходить вместо него на приемную комиссию за 15 тыс. р. [47, л. 6] Такой способ уклонения широко применялся и ранее, став особо популярным в годы Первой мировой войны [48, с. 13].

Царская и советская власть неожиданно совпали в еще одном аспекте рассматриваемого вопроса: в отношении к отказавшимся служить в армии по «религиозным убеждениям и велению совести». После Февральской революции члены религиозных организаций, провозглашавшие недопустимость брать в руки оружие, возвратились из ссылок, с каторги. 4 января

1919 г. уже новой властью был принят декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. Но вскоре он перестал исполняться, и «сектанты» повсеместно стали попадать под трибунал. На декабрь 1920 г. было расстреляно не менее 72 «дезертира божеского типа» [49; 50].

По справедливому замечанию У. Бреклинга и М. Сикоры, дезертиры – «...продукты военной системы. Без армий не было бы дезертирства». Нельзя рассматривать их в отрыве от истории вооруженных сил [51, р. 8]. Каждая армия производит собственных, «оригинальных», «уникальных» дезертиров, и сквозь призму дезертирства можно анализировать характерные особенности конкретной армии. Несмотря на это, мы видим массу типологических сходств дезертирства в царской армии, армии революционного 1917 г., Красной Армии. Это еще раз заставляет нас комплексно и безотрывно рассматривать историю «всероссийского потопа». Страна оставалась, по преимуществу, крестьянской, что определяло менталитет армии. Советская власть старалась учиться на ошибках прошлого, перенимать опыт. Победить «многомиллионного дезертира» ей не удалось, но выжить и создать огромную и боеспособную армию получилось, что было равносильно победе.

Дезертирство было определенной реакцией населения на глобальную трагедию, одной из стратегий выживания, «шкурничеством» в буквальном смысле слова. Самоустраниние от войны было принципом поведения множества людей. Индивидуальное желание уклониться от мобилизации или дезертировать сочеталось с готовностью различных групп укрыть их. Такая поддержка санкционировала преступление. Представления о люфте между законом (государственной позицией) и справедливостью (народной правдой) играли на руку дезертирам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Посадский А.В.** Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 г. Саратов, 2002.
- 2. Головин Н.Н.** Россия в Первой мировой войне. М., 2006.
- 3. Валеев Я.В.** Трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2011. № 4. Ч. 3. С. 28-31.
- 4. Ямщиков С.В.** Армейский фактор революций 1917 года в России // Россия в XX в.: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002.

5. Алексеева И. Мириэль Бьюкенен. СПб., 1998.
6. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Дисс. на соискание уч. ст. доктора ист. наук. 07.00.02. - Екатеринбург, 2000. С. 359.
7. Известия Народного комисариата по военным делам. 1918. 29 декабря.
8. Беднота. 1919. 31 января.
9. ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 1. Д. 3.
10. Солдатские письма 1917 г. М.; Л., 1927.
11. Л.Ш. Дезертир. Б/м., 1917.
12. Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922.
13. Дан Ф.И. Два года скитаний. М., 2006.
14. Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. N.Y., 1998.
15. Кривошеев Г.Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. №6.
16. Ransome A. The crisis in Russia. 1920. The Project Gutenberg EBook: <http://www.gutenberg.org/1/3/2/1326>
17. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 3. Таллинн, 1993.
18. Степун Ф.А. Из писем прaporщика-артиллериста. Нью-Йорк, 1956.
19. Посадский А.В. Всеобщая мобилизация русской армии в 1914 г. и крестьянство (по материалам Саратовской губернии) // Россия в XX в.: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002.
20. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011.
21. Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. М., 2005.
22. Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М., 2010.
23. Смилга И. Строительство армии. М., 1920.
24. Звезда. 1919. 7 марта.
25. ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 7. Д. 1.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.
27. Скерский К.В. Красная армия в освещении современников белых и иностранцев 1918–1924. М., Л., 1926.
28. Кабытов П.С. Антивоенные настроения российских крестьян // Россия в XX в.: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. М., 2002.
29. Коллонтай А.М. Не будь дезертиром. Киев, 1919.
30. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
31. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 1002.
32. Биржевые ведомости. 1917. 22 июля.
33. Реден Н. Сквозь ад русской революции. М., 2006.
34. Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М., 1997.
35. Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. М., 1965. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/kino/9.htm>.
36. Декреты Советской власти. Т. 4.
37. Григорьев О.В. Военно-судебная система России в период Временного правительства // Военно-юридический журнал. 2012. № 7. С. 20-24.

38. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников. М., 2010.
39. **Мовчин Н.Н.** Комплектование Красной армии. М., 1926.
40. **Троцкий Л.Д.** Сочинения. Т. 17. М., 1925.
41. **Деникин А.И.** Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Мн., 2002.
42. Правда. 1919. 17 июня.
43. ГАПО. Ф. Р–51. Оп. 1. Д. 91.
44. Петроградская правда. 1919. 25 октября.
45. **Муклевич Р.** Политработка в боевой обстановке. М., 1926.
46. Известия Петросовета. 1919. 28 октября.
47. ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 9. Д. 4.
48. См., напр.: **Пирейко А.В.** В тылу и на фронте империалистической войны. Л., 1926.
49. Архив Государственного музея истории религии. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6
50. Архив Государственного музея истории религии. Ф. 2. Оп. 23. Д. 16, 60.
51. **Bröckling U., Sikora M.** Armeen und ihre Deserteure. Göttingen, 1998.

«ОТГОЛОСКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»: ПРОЦЕСС НАД ЭСЕРАМИ В ЗАВОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ¹

Начало периода Новой экономической политики (1921–1922 гг.), стало тяжелым временем для советской власти и населения страны, когда разруха и хаос в экономической жизни перешли в социально-психологическую сферу. Этот период можно назвать временем разочарования большевиков в своей политической опоре, особенно в рабочих, которые не поддерживали власть безоговорочно, нередко выступая на стороне других социалистических партий (меньшевиков и эсеров).

Процесс над правыми эсерами стал первым показательным судебным процессом, в ходе которого новая власть отрабатывала методы политического контроля за населением, внедряла новые способы и приемы властного дискурса, направленного на заводское сообщество, формулировала идеи масштабного политического проекта – создания новой социалистической промышленности.

По данным историка А.М. Плеханова, началом подготовки процесса над партией эсеров можно считать 28 декабря 1921 г., когда на пленуме ЦК РКП(б) был решен вопрос о предании суду ЦК ПСР и создана комиссия (Ф.Э. Дзержинский, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин). 28 февраля 1922 г. газета «Правда» опубликовала статью «Работа эсеров», сообщавшую об их «контрреволюционной» и «террористической» деятельности [1, с. 526].

Подготовка к процессу над эсерами в Северо-Западной области началась еще в марте 1922 года. Она проходила в контексте кампании, посвященной Генуэзской конференции, в рамках которой пространство советской печати было заполнено информацией: о подготовке и ходе конференции, о различных «препонах», чинимых советской делегации в Генуе,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках выполнения проекта 15-01-00383а «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации (1920–1932)».

о «борьбе» социалистов из II и III Интернационала против советской власти...¹

1 марта 1922 г. в «Петроградской правде» – центральном органе Северо-Западной области появляется новая рубрика: «Разоблачения о деятельности эсеров», в которой на протяжении нескольких недель печатаются выдержки из брошюры видного эсера Семенова, дискредитирующие деятельность партии социалистов-революционеров и другие сведения. Так, первые разоблачения касались убийства В. Володарского и покушения на В.И. Ленина летом 1918 г. Было особо отмечено, что в Государственном политическом управлении (ГПУ) находятся сведения «подтверждающие террористическую деятельность эсеров в годы Гражданской войны», ряд признательных показаний видных эсеров и содержался призыв ко всем правым эсерам – «явиться на процесс» [2; 3].

После открытия Генуэзской конференции (10 апреля 1922 г.) кампания против правых эсеров получает новый импульс. В прессе публикуются сообщения о противодействии деятельности советской делегации в Италии, передается информация о враждебной деятельности эсеров-эмигрантов по отношению к ней, на собраниях фабрик и заводов начинают ставиться первые вопросы о деятельности эсеров. Кстати, лозунгами первомайской кампании стали: «Делегации Советов в Генуе – наш наказ: мы победим... наша власть незыблема, права и границы Советской Республики – неприкосновенны», «Смерть убийцам вождей рабочего класса, смерть палачам Либкнехта и Люксембург, Урицкого и Володарского, Шаумяна и Джапаридзе, Авизбегова и Фиолетова» (явный намек на эсеров) [4].

Агитационная кампания «Генуэзская конференция и процесс над эсерами» получила свое развитие в мае 1922 г. Для подготовки агитаторов кампании 3 мая 1922 г. на общегородском собрании активных работников и бюро коллективов предприятий Петрограда был поставлен доклад Г.Е. Зиновьева и Канатчикова (заведующий Агитационно-

¹ Генуэзская конференция проходила в итальянском городе Генуя с 10 апреля по 20 мая 1922 года с участием 29 государств. Основным вопросом конференции было восстановление стран Центральной и Восточной Европы после I мировой войны. Фактически же основным вопросом стало признание РСФСР на международной арене и вопросы сотрудничества европейских государств с коммунистическим режимом.

пропагандистским отделом Петроградского губкома РКП(б)), еще 3 раза – 19, 22 и 31 мая проходили заседания агитационной коллегии. По городу было проведено 15 широких рабочих митингов, вынесших резолюции протesta деятельности правых эсеров, 47 общих собраний рабочих фабрик и заводов (с вынесением соответствующих резолюций), 10 собраний работниц и 1 общегородское собрание членов РКП(б) – бывших эсеров. Широко использовалась наглядная агитация. Кроме публикаций о процессе, были выпущены листовка «К суду заговорщиков – эсеров», тезисы Генуи и будущего суда, плакаты с краткой биографией и портретами Урицкого, Володарского, пули, извлеченной из В.И. Ленина. Для агитаторов и грамотных рабочих была переиздана брошюра Коминтерна «Эсеры на работе “против Советов”». С 20 мая 1922 года в районах Петрограда были организованы фотовыставки со «зверствами эсеров и зверствами Гражданской войны, которую они разжигали», а в кинотеатрах демонстрировались фильмы «Черные дни Кронштадта» и «Похороны Урицкого» [5, л. 8–9]. Резолюции, выносимые широкими рабочими конференциями, собраниями, митингами давали власти необходимую поддержку, использованную как формальное основание для начала процесса и обвинения эсеров в контрреволюционной деятельности.

В июне 1922 г. Севзапбюро, вслед за ЦК РКП(б), объявило о начале процесса над эсерами. Важнейшую роль в подготовке судебного процесса и формировании поддержки населением политики большевиков по данному вопросу играли губернские комитеты РКП(б) и губотделы ГПУ. Перед ними была поставлена задача «оторвать» от верхов партии революционно-настроенных рабочих-эсеров, дабы потом органически включить их в РКП(б), а также разоблачать стремление эсеровских лидеров «прикрыться» своим революционным прошлым [6, с. 117–119]. Впоследствии большинство бывших эсеров-рабочих действительно подали заявления о приеме в РКП(б), что трактовалось как безусловная победа большевиков и успешное выполнение местными чекистами своей задачи.

Поставленная перед структурами ГПУ цель реализовывалась следующими методами: 1) информационная деятельность губернских и уездных отделов ГПУ (сообщения обо всех явлениях антисоветской агитации, отслеживание поведения и деятельности членов Партии социалистов-

революционеров (ПСР) на предприятиях губернских и уездных городов); 2) арест эсеров, пользующихся влиянием среди рабочих, городского и сельского населения, 3) подготовка обвинительных материалов к процессу по северо-западным губерниям, 4) работа комиссии по административным высылкам.

Органы ГПУ на Северо-Западе в своих информационных сводках регулярно сообщали в ЦК РКП(б) и центральный аппарат ГПУ обо всех явлениях антисоветской агитации:

- «Расклейка анархических прокламаций в Василеостровском и Петроградском районах... Мелкая устная агитация контрреволюционеров и распространение литературы (на заводе «Атлас» – газета «Дело народа»)» [6, л. 7–8];
- «По всей границе – антисоветские настроения, связанные с плохим продовольственным положением в губернии, идет подпольная агитация против РКП(б)» [7, л. 5–6] и т. д.

После начала процесса над эсерами антисоветская агитация, по данным местных сводок, снижается: «Отношение населения к процессу над эсерами... о нем ничего не знают, но и не доверяют»; «антисоветские элементы особо ничего не делают, но заметны связи и группировки»; после проведения арестов некоторых эсеров «нет агитаторов, население, за исключением кулаков, стоит за Советскую власть...» [8, л. 4–7; 9, л. 3–11].

В июне – июле 1922 г. тон информационных сводок общероссийского масштаба меняется, обстоятельства требуют не только отслеживания поведения и деятельности эсеров, но и фиксации отношения к ним на предприятиях, настроений рабочих. Теперь сводки сообщали об «усилении контрреволюционной агитации, особенно эсеровской <...> Громадное большинство рабочих относятся к эсерам не сочувственно, в Санкт-Петербурге и Кронштадте прошли многочисленные демонстрации против эсеров с большим подъемом» [10, с. 165–167]. Тем не менее, ситуация на Северо-Западе была сложной. В Петрограде активизировались не только эсеры, но и меньшевики, хорошо организованное эсеровское отделение существовало в Пскове (в основном, оно распространяло свое влияние через кооперативные организации). Их влияние, наряду с работой меньшевиков, вызвало забастовки на торфоразработках Псковской губернии (особенно Великолукского уезда) и волнения в артелях Новгородской гу-

бернии [10, с. 172–174]. Все это обусловило повышенное внимание сотрудников ГПУ к промышленному сообществу Северо-Запада, активное наблюдение и слежку на предприятиях города и региона. Весной–летом 1922 г. почти на всех предприятиях региона принимались антиэсеровские резолюции. С.В. Яров приходит к заключению, что антиэсеровский настрой работников предприятий был связан как с успехом агитаторов, обвинявших эсеров и в политических, и в уголовных преступлениях, так и с введением коллективного открытого голосования, не позволявшего рабочим свободно высказывать свое мнение [11, с. 148–151].

В мае–июне 1922 г. началась разработка Петроградского губотдела ГПУ в Володарском районе Петрограда по расследованию антисоветских явлений (черносотенные прокламации, призывы к антисоветским демонстрациям). Некоторые работники 2 Государственной электростанции вызывались на допросы в ГПУ по поводу явной и скрытой «контрреволюционной агитации» [12, л. 10 об.]. Наиболее активно выступавших на собраниях рабочих ждал арест¹, инженерно-технических работников – административная высылка.

Псковская комиссия НКВД по административным высылкам, в которой решающее слово было за работниками губотдела ГПУ, 11 ноября 1922 г. приняла решение о высылке из губернии лиц, принадлежавших к партии эсеров, на два года за проведение антисоветской пропаганды по месту работы. Всем им было запрещено проживать в погранполосе, Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Ростове-на-Дону [13, л. 3–15]. При анализе материалов судебно-следственного дела ГПУ признаков «состава преступления» не обнаруживается. Это еще одна деталь политического контроля, неразрывно связанного с политическим сыском и карательно-репрессивными действиями спецслужб.

Затягивание процесса над эсерами, который проходил с 8 июня по 7 августа 1922 г., сыграло на руку властям, интерес к нему падал. С одной стороны, это означало переход рабочего активизма в скрытую форму, с другой – общую пассивность рабочей массы. Отдельные выступления на

¹ Например, упоминавшийся выше эсер Капустин, по данным С.В. Ярова, был арестован за выступление на общем собрании Обуховского завода 26 мая 1922 г. [11, с. 149–150].

собраниях против осуждающих эсеров резолюций не переросли в массовый рабочий протест. Немалую роль в этом сыграли методы политического сыска, применявшиеся ГПУ (например, на Александровском заводе в Петрограде существовала «активная группа лиц эсеровских убеждений, враждебно настроенных против Советской власти, имеет связь с другими заводами. Решено не проводить собрания по вопросу процесса над эсерами из-за возможного срыва») [14, л. 19], а также карательно-репрессивные меры к наиболее активным противникам большевиков. Тем не менее, обвинение в «эсеровской/меньшевистской направленности», в «неподходящем» партийном прошлом встречаются в документах ОГПУ и в конце исследуемого периода. Такие обвинения со временем становятся универсальной формой борьбы с активными и пассивными противниками мероприятий власти, а также просто с неудобными для нее людьми [15].

Процесс над эсерами 1922 года стал не только апробацией новой формы политического контроля – показательного политического процесса, но и апробацией некоторых способов властного дискурса. Были задействованы все возможные средства наглядной агитации: кино, фотографии, плакаты, листовки, печать, но и средства устного воздействия – различные приемы коммуникации, целью которой является изменение поведения индивидов. С помощью речевых средств обеспечивалась причинно-следственная связь между прошлым и настоящим, решениями власти и их основанием – поддержкой рабочих, опасностью для РСФСР со стороны внешних и внутренних врагов и ужесточением политического контроля спецслужб. Восстановление и развитие промышленности РСФСР объявлялось невозможным без этой борьбы и победы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007.
2. Ленинградская правда. 1922. 1 марта.
3. Ленинградская правда. 1922. 2 марта.
4. Ленинградская правда. 1922. 20 апреля.
5. Отчет агитационного отдела Петроградского губкома РКП(б) об агитационной кампании «Генуэзская конференция и процесс над эсерами» // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9234.

- 6.** Государственный информационный доклад за 15 апреля – 1 мая 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
- 7.** Сводки Островского уездного уполномоченного ГПУ за май 1922 г. // ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 108.
- 8.** Сообщения начальников оперпунктов ГПУ в Псковской губернии за май // ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 108.
- 9.** Сообщения начальников оперпунктов ГПУ в Псковской губернии за май // ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 109.
- 10.** Обзор политico-экономического состояния РСФСР за май-июнь 1922 г. от 7 августа 1922 г. // «Совершенно секретно».
- 11. Яров С.В.** Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1999.
- 12.** Государственный информационный доклад за 1–15 мая 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
- 13.** ОРАФ УФСБ по ПО. Д. 2081.
- 14.** Государственная информационная сводка за 30 мая – 2 июня 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
- 15. Офицерова Н.В.** К вопросу об изменении деятельности ВЧК-ОГПУ в заводском пространстве в 1920-е годы // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Материалы V междунар. науч. конф. 22-23 мая 2014 г., Петрозаводск, Издательство: Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск). 2014. С. 57-64.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА НА РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЕВРАЗИЙСТВА

Первая мировая война – одно из главных поворотных событий в российской и мировой истории. Ее итогами стало не только новое распределение сил на международной арене, падение четырех империй – Российской, Германской, Османской и Австро-Венгерской, эмиграция значительной части интеллектуальной элиты России, но и появление новых идеиных направлений.

Война потребовала больших социальных, экономических и материальных затрат со стороны каждой страны. Поэтому к осени 1917 года Россия начала особенно остро переживать социально-экономическую и политическую напряженность. В состоянии упадка находились промышленность, сельское хозяйство, цены постоянно росли, при том, что зарплаты работающего населения оставались низкими. Все это привело к росту национальных противоречий, люди требовали мирной жизни, которую правительство не могло им дать.

Во многом эти недовольства привели к пониманию необходимости изменения жизни и политики России, которые чуть позже оформились новое идеиное направление – евразийство.

Евразийство – философское течение, направленное на раскрытие уникальности и самобытности культуры России, вызванное феноменом ее территориального расположения. Кроме того, евразийство – это не только научная, но и политическая теория, сторонники которой активно разрабатывали и развивали проекты будущего переустройства страны. Это течение появилось в 1920 г., как логический итог Первой мировой войны, революции 1917 г., многочисленных жертв и продолжающейся политической борьбы.

Евразийство возникло в условиях политической эмиграции 1920-х годов, именно поэтому в основном оно существовало среди эмигрантов и разделяло их предрассудки и стиль мышления. Учитывая традиционное

внимание, которое политические эмигранты уделяют происходящему на своей родине, их взгляды зачастую необычны из-за того, что они пытаются объединить два мира – изгнания и воображаемого отечества. Их самоидентификация связана с определением места в принимающем обществе и выстраиванием границ «своего» в реальном мире, но это выстраивание зависит от того, как определяется воображаемое отечество, которым для эмигрантов 1920-х годов была история России имперского периода и факт ее распада, с одной стороны, и глубокий кризис европейской модерности – с другой [1, с. 27].

Свои идеальные истоки евразийство берет еще у славянофилов. Первым мысль о неповторимости славянской культуры высказал неославянофил Н.Я. Данилевский, в своей работе «Россия и Европа», опубликованной в 1869 г. в журнале «Заря». Он писал: «Европа – есть поприще романо-германской цивилизации, ни более, ни менее», и, исходя из этого, открыто говорил о несостоятельности теории единого исторического процесса как такового, поскольку тот ставит в центр всего развития Европу, исключая все восточные культуры [2].

Однако, как самостоятельное философское течение евразийство сформировалось благодаря Петру Николаевичу Савицкому в 1920 г. Новообразованное идеальное течение – это попытка реагирования русского национального сознания на происходящие военные действия.

В своей философии евразийцы пытались выяснить, из-за чего случилась революция. Они считали, что восстание стало причиной незнания народом истории своей страны, неуважения к ней и чрезмерная европеизация. Теперь мысль славянофилов о том, что Россия – особенная страна с особым путем развития и великим будущем, начала восприниматься по-новому. Евразийцы, находящиеся в эмиграции, не считали революцию 1917 г. простой сменой власти. Они видели в этом событии важный этап для развития и идентификации страны и русской культуры.

Вернувшись из эмиграции после окончания Первой мировой войны в Россию, и анализируя произошедшие события, евразийцы пришли к выводу, что революцию 1917 г. необходимо принять, чтобы бороться за конкретный образ новой России, потому что именно это вооруженное восстание стало не только бунтом и государственным переворотом, повлекшим за собой начало новой культурной эпохи в жизни человечества, но и

ярким примером того, к чему приводит европеизация. Евразийцы скорее не «приемлют» революцию, а «учитывают» ее, «...ведь сводить всю революцию на злоумышления партийных коммунистов, это значит, во-первых, отказываться от ее объяснения, – если только не верить во всемогущество коммунистических вождей, а, во-вторых, – избавлять себя от необходимости творческой и духовной борьбы с нею» [3].

Революция имеет глубокий культурно-исторический смысл, как и все «великие потрясения», причина которых – саморазложение существующего социально-бытового порядка, и зарождение новых исторических сил. Революция – это закономерный исход деления общества на два социальных слоя – народ и интеллигенцию [4].

Для евразийцев революция стала не только логическим исходом социального неравенства, но и чертой, навсегда разделившей историю России на два периода «до» и «после». Они верили, что произошедшее – это шанс поставить Россию на истинный культурно-исторический путь, доказать, что страна имеет иной путь развития, которому должна придерживаться, далекий от навязанных идей Европы, за которые долгое время держалась отечественная интеллигенция. Правые, левые и умеренные, консерваторы, революционеры и либералы, – все врачаются исключительно в сфере представлений о послепетровской России и о европейской культуре. Когда они говорят о той или иной форме правления, они мыслят ее именно в контексте европейской культуры или европеизированной России после правления Петра Первого: изменения и реформы, которые они считают необходимым внести в политический строй или политические идеи, касается только этого строя и этих идей, но не самого культурного контекста [3]. Ни Европа, ни Восток не могут дать ответ, как правильно строить жизнь страны, только она сама сможет спасти себя, если вернется к своим корням.

Одним из самых опасных результатов революции стал раскол русской нации на два лагеря – поддерживающих новый политический уклад страны и противоборствующих ему, тех, кто хотел развиваться, как Запад, и тех, кто искал самобытные пути для России. Но все эти люди оставались русскими, живущими в одной стране, на одной территории, переживающими и думающими о будущей судьбе страны.

Евразийцы верили, что то, что представители этих двух групп так или иначе думают о России, является главным связующим звеном между ними, способным объединить их, изменить курс развития страны на единственно верный. Именно в этом объединении, понимании причин раскола и понятии логики «врагов», стремившихся к европейскому типу развития, видели евразийцы свою задачу.

Осмысление судьбы России евразийцами отличается особенно глубоким и сложным подходом, рассматривающим революцию, как толчок к самобытному развитию страны, искренней любовью к Родине, верой в ее будущее, сделавшим это философское течение одним из интереснейших и необычнейших среди русской мысли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Глебов С.** Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010.
- 2. Данилевский Н.Я.** Европа или Россия? // Россия и Европа. 1869. Режим доступа:
[#evropa](http://dugward.ru/library/danilevskiy_n_ya/danilevskiy_n_rossiya_i_evropa.html) (дата обращения 20.11.2014).
- 3. Урханова Р.А.** Евразийство как идеально-философское течение в русской культуре XX века: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. 09.00.03. – М., 1992.
- 4. Быстрюков В.Ю.** Общественно-политическая и научная деятельность Петра Николаевича Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.): автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. 07.00.02. Самарский государственный педагогический университет. – Самара. 2003. С. 21.

Раздел IV.

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ КАФЕДРЫ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

УДК 930.85

Н. И. Безлепкин, В. В. Ворочай, А. В. Щыб

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «СТАНОВЛЕНИЕ И ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ»¹

Исследовательский проект посвящен обоснованию научного статуса историографии, включающего, прежде всего, разработку философско-исторических вопросов в отечественной научной традиции. Главной научной проблемой, на которую направлен проект, является феномен истории в его двух основных проявлениях. С одной стороны, человек живет в «мире-как-истории», включающем космическую, биологическую, антропологическую составляющие. Историческое бытие и есть осмысленное, гуманизированное, т. е. преобразованное человеком бытие. Историчен смысл бытия, обретающий определенность в своей истории, как ее видит человек в различные эпохи. От масштаба историчности зависит и характер определенности: будет ли это определенность личности (ее идентичности и биографии), определенность народа (национальной истории, ее смыслового образа), определенность цивилизации и культуры (ее ценностных, смысловых доминант), определенность человечества (всемирно-

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-03-00488а, рук. проекта докт. филос. наук, проф. Н.И. Безлепкин.

историческое измерение, смысл и цель истории). С другой стороны, появление невероятного множества историографических и научно-исторических школ со времен Гекатея и Геродота, идентифицирующих себя в самых разнообразных теоретических интуициях, породило невероятное по своему разнообразию множество ответов на вечные вопросы историков: что есть история как процесс, что она есть как наука, изучающая и объясняющая течение этого процесса, из чего состоит «материя» и «эйдетическая» структура этого процесса, каков преимущественный предмет исторического знания, задающий его интенцию, в чем следует усматривать «атомизм» истории и какова природа исторического факта, принципы их сопряженности, структура их переплетения, в чем природа, причины и цели колоссальных исторических движений, похожих на океанические потоки, роль отдельной человеческой воли в этих движениях масс, и, наконец, комплекс проблем футурологического свойства: вопросы о возможности и степени возможности прогноза в историческом знании.

Философское осмысление истории проявляется в различных моделях исторического процесса и исторического знания. Еще в античности было зафиксировано различие между историей как процессом и историей как рассказом. Позднее осознание истории как рассказа было дополнено, а отчасти и заменено ее пониманием как знания, что в настоящее время зафиксировано как различие между так называемыми «раннеисторическими (мифологическими) описаниями» (В.Н. Топоров) и первыми опытами рационально-рефлексивных историографий. Процесс этот, ведущий начало с V веке до н. э., получил особое развитие в эпоху общей сциентизации гуманитарных наук, истоки которой еще в Просвещении, но в полной мере развернувшуюся в XIX в. Инициаторами нового осмысления истории выступили философы-позитивисты, позднее к ним присоединились неокантианцы, предложившие свой вариант общен научной методологии.

В России процесс научной рефлексии над историей получил развитие во второй половине XIX в. У его истоков стояли ученые, преимущественно связанные с университетами (профессиональные историки и философы), впервые попытавшиеся внедрить философию истории в систему университетского образования. Благодаря их стараниям философия истории начала преподаваться в университетах, стала академической дисциплиной. Специфика университетской философии истории состояла в том,

что основное внимание в ней уделялось разработке теоретико-методологических основ истории и эпистемологических аспектов истории как науки [1, с. 17–23]. Концепции исторического процесса часто подчи-нялись здесь исторической гносеологии, т. е. предварительно избранным философским установкам того или иного западно-европейского происхо-ждения. Опыт университетской философии истории оказался очень пло-дотворен, хотя нельзя сказать, что поставленные проблемы были оконча-тельно и однозначно разрешены.

Ценность научного наследия университетской философии истории сохраняет своё значение и по сей день, что обусловлено методологиче-ским кризисом, в котором оказалась современная гуманитарная наука в нашей стране. Отказ от марксистской методологии и методологический вызов постмодернизма ставят под сомнение эпистемологическую вме-няемость всего гуманитарного знания. Обращение к университетской фи-лософии истории, т. е. фактически к истокам теоретико-методологического направления в историографии и гуманистике, можно рассматривать как один из возможных путей выхода из методологическо-го тупика. Насущным по-прежнему остается вопрос об эманципации ис-ториографии от изжитых идеологий и выработке не догматического, но опирающегося на широко понимаемую научность, теоретического взгляда на историю. Вместе с тем, в основе этого процесса должен лежать не ути-литарный подход, а выработка самостоятельных теоретико-методологических основ философско-исторического исследования и зна-ния, обоснование научного статуса историографии, гуманитарного знания в целом. Актуальность исследования, таким образом, определяется как разработкой специальных фундаментальных комплексов философских проблем, так и поиском преодоления эпистемологического и методологи-ческого кризиса в гуманитарных науках.

Не менее значимой тематика исследования представляется и в кон-тексте тех цивилизационных изменений, которые происходят в современ-ной России. Модернизация российского общества актуализировала во-прос об отношении России к западной цивилизации, вновь обострила проблему выбора между самобытным и универсалистским путем разви-тия. В русской философии эти вопросы традиционно осмысливались в рам-ках философии истории.

Исследовательская актуальность работы определяется и тем, что в ней затрагиваются мало изученные аспекты историко-философского процесса в России. В последние годы интенсифицировались исследования по истории профессиональной, университетской философии. В то же время одним из доминирующих в русской философии направлений была и остается философия истории. Изучение университетской философии истории позволяет выработать более целостный взгляд на историко-философский процесс в России, полнее уяснить специфику философского осмысления истории, раскрыть содержание этого процесса и понятийную структуру исторического знания.

Становление истории как научной дисциплины в России, впервые обозначившееся в XVIII в., во второй половине XIX века получило поддержку со стороны философии, проявившей интерес к исторической проблематике. Развитие университетской философии истории является необходимой ступенью в разработке русской философии, в исследовании ее малоизученных проблем. Проект предполагает как разработку схоларной проблематики русской философии на примере одного из ее разделов – философии истории, – так и уточнение содержания самой университетской (профессиональной) философии истории, ее терминологии, читавшихся лекционных курсов, выработки методики преподавания, т. е. учебного процесса в целом. При этом не все философско-исторические работы профессиональных философов и историков (преподавателей университетов) находили прямое отражение в читавшихся ими курсах. В корпус источников по университетской философии истории входят и собственно исследования (статьи, монографии), написанные профессиональными философами.

Университетская философия истории в России до сих пор не была предметом специального историко-философского исследования, хотя ее теоретические источники многочисленны и разнообразны. Начало активного изучения теоретического и методологического наследия отечественных философствующих историков было положено в конце 1950-х–1960-е гг. томскими историками – А.И. Даниловым, Б.Г. Могильницким, Л.Н. Хмылевым [2; 3; 4]. На историко-философском факультете томского государственного университета стали проводится конференции по теоретико-методологическим и философским вопросам истории, выпускаться

сборник «Методологические и историографические вопросы исторической науки», защищаться диссертации. Особенностями подхода томских ученых следует признать разработку вопросов источниковедения, теории, методологии и философии истории, сопоставление методологических и политических взглядов русских мыслителей, рассмотрение теоретико-методологических дискуссий на широком общественно-культурном фоне эпохи.

Теоретическая направленность исследований представителей академической историографии отмечалась также в крупнейших работах по русской историографии (Н.Л. Рубинштейн, Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров, А.Л. Шапиро) [5; 6; 7; 8; 9; 10].

В 1970–2000-е гг. теоретическими вопросами истории стали активно заниматься в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге). Для московской школы исследование теоретико-методологических вопросов истории приняло в большей степени историографический уклон. Эту проблематику активно стали разрабатывать профессиональные историки (С.О. Шмидт, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, Р.А. Киреева, Л.П. Репина, Н.Г. Думова, М.Г. Вандалковская, В.Е. Иллерецкий, Н.В. Иллерецкая, Б.Г. Сафонов, Д.М. Володихин, и др.) [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19] и в меньшей степени историки философии (В.Ф. Пустарнаков, В.К. Кантор, И.Н. Сиземская, Л.И. Новикова, П.С. Шкуринов) [20; 21; 22; 23; 24; 25].

Особенностью теоретико-методологической традиции осмыслиения истории в России, проводившихся в Ленинграде (Санкт-Петербурге) является сочетание историографического и философского анализа. Историографический подход был реализован в работах С.Н. Валка, О.Л. Вайнштейн [26], А.Н. Цамутали [27; 28], С.Н. Погодина [65; 74; 80], Н.И. Приймак, Е.А. Ростовцева, В.С. Брачева и др. Различным сторонам философского осмыслиения истории в России посвящены исследования А.А. Галактионова, А.Ф. Замалеева, Н.М. Дорошенко, Ю.В. Перова, И.С. Кона, О. Гнатюк [31], Н.Е. Копосова, К.Г. Исупова [30], А.Л. Казина [32], Б.Г. Соколова, И.А. Голосенко, В.В. Козловского [29], И.Д. Осипова. В результате петербургским ученым удалось добиться сочетания историографического описания с понятийно-концептуальной реконструкцией основных проблем теории, методологии и философии истории в России.

В 1970–1990 гг. традиция теоретико-методологического и философского осмысления истории в России стала изучаться в ряде региональных центров, таких как Казань, Омск, Пенза, Пермь, Екатеринбург, Самара, Нижний Новгород, Сыктывкар, Волгоград, Воронеж, Ростов на Дону и др. (О.В. Синицын [45; 46], Г.П. Мягков, А.С. Шофман [48], В.П. Золотарев, В.П. Корзун [34], В.П. Красавин [35], Н.И. Тарасова, И.Л. Андреева, О.Ф. Русакова [44], О.Б. Леонтьева [36; 37], В.В. Берус, Л.Е. Шапошников [33; 47], С.Н. Пушкин [41; 42; 43], Л.С. Моисеенкова, А.В. Макушин, П.А. Трибунский, Н.А. Трапш, А.С. Попов [39; 40], С.П. Рамазанов, А.Н. Нечухрин [38], Е.С. Кирсанова, А.В. Малинов и др.[49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59]).

Для методологии современных исследований по философии истории характерно использование обширного арсенала методов, в основе которой лежит метод ретроспективного анализа, а также единства конкретно-исторического описания и логической реконструкции проблем философии истории, что позволяет выявить, зафиксировать и восстановить философско-исторические воззрения отечественных мыслителей второй половины XIX – начала XX в. Принцип объективной интерпретации материала сочетается с типологизацией и систематизацией философско-исторических проблем. Как взаимодополнительные используются методы историографического и эмпирико-исследовательского описания. В качестве вспомогательного применяется метод реконструкции политического, культурного, теоретического контекстов бытования философии истории.

Отправной точкой исследования академической философии истории являются произведения русских мыслителей, прежде всего историков и философов XIX – начала XX в., из совокупности которых выделяются проблемы исторического знания, его структуры и функций; исторического процесса, его направленности и специфики; исторического сознания, его генезиса и структурной определенности. При этом активно используются результаты, достигнутые в смежных гуманитарных дисциплинах (историография, история культуры и др.). Основное внимание уделено анализу университетских курсов по философии, методологии и теории истории. Отсюда и соответствующие способы решения поставленных задач: анализ источников на основе сравнительно-генетического метода,

критический разбор источников, выявление базовых проблем академической философии истории и их последующая реконструкция, позволяющая представить университетскую философию истории как научно обоснованную философско-историческую систему и как необходимый этап и самостоятельное направление в русской философии истории.

Дополнительными способами решения задач служат историко-биографический подход, герменевтические прочтение текстов и контекстуальный анализ проблем академической философии истории. Всесторонне учитываются достижения историков отечественной философской мысли и историографии (В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров, В.В. Сербиненко, М.А. Маслин, А.И. Новиков, И.И. Евлампиев, Л.Н. Соловьев, П.С. Шкуринов, В.К. Кантор, Н.Л. Рубинштейн, А.Л. Шapiro, А.Н. Сахаров, А.Н. Цамутали, Б.Г. Могильницкий, Л.Н. Хмылев, А.И. Бродский, А.А. Ермичев, А.Ф. Замалеев, В.С. Никоненко, И.Д. Осипов и др.).

При анализе русской университетской философии истории выделяются три доминирующие темы:

- рефлексия над научной формой истории;
- основные концепции онтологии истории;
- основные концепции гносеологии истории.

Как показывает опыт исследований по философии истории в русской философии истории сложилось два основных направления: историософское и научное (теоретико-методологическое) [60, с. 7–10]. Историософский подход хронологически является более ранним. Он сформировался в русском средневековье под влиянием христианской концепции мировой истории. Поэтому в качестве основной его черты можно назвать признание религии (прежде всего христианства) главной движущей силой исторического процесса. К другим его отличительным чертам принадлежат деление народов на исторические и неисторические, допущение целесообразности и определенной направленности самого исторического процесса и, соответственно, возможности его завершения (эсхатология), критика понятия «исторический факт». Исторической фактичности историософский подход противополагает событийность исторического процесса, наличие в нем смысла. Вопрос о цели и смысле истории – один из признаков историософии. Смысл реализован в истории, он может быть известен (историк, по

мнению, например, П.Я. Чаадаева, должен быть пророком) или исчерпан (отсюда возможность эсхатологической перспективы). История с историософской точки зрения рассматривается как телеологическая структура, а субъекты исторического процесса понимаются по аналогии с живыми организмами. История, согласно историософской установке, развивается закономерно, но эта закономерность часто принимает вид провиденциализма. Ход истории однозначно предрешен, ее смысл и цель заранее определены, но эта определенность задается извне, история монологична. В историософских концепциях также разрабатываются проблемы исторического процесса, в которых предпринимается попытка обоснования единства (реального или идеального) истории. От уяснения этого единства, первооснову которого составляет либо субстанциальная множественность, либо умопостигаемая целостность сама по себе, зависит и решение вопроса о смысле истории. Кроме того, историософский подход проявляется в некоем подобии теургизма, т. е. поиске в истории тайны, подлинного смысла, скрытого за эмпирическим покровом событий, знание которого доставляет статус демонической избранности, приближения к божественному. Историософия предполагает в истории своеобразную «глубину», «смысловое измерение», в котором и определяется ее подлинный ход. Историософский взгляд выносит смысл за пределы исторических событий, однако эта «глубина» истории не обязательно постижима разумным образом. Она может быть иррациональной и алогичной.

Иное понимание истории формируется в теоретико-методологическом подходе, предполагающем единообразность как данности исторического, так и самого исторического процесса. Согласно этому подходу, история представляет собой единый процесс, ход истории универсален для всех народов. Однако история как процесс отделяется от истории как формы знания. Исторический процесс осознается как совокупность фактов, значение которых устанавливается уже историей как научной дисциплиной. Значение факту приписывается и зависит от позиции интерпретации. Факт сам по себе недоступен, он опосредован источником, требующим истолкования и критики. Отсюда вариативность и фальсифицируемость истории, ее зависимость от позиции субъекта. Субъективный момент, придающий значение исторической фактичности, проявляется и на уровне исторического процесса как действующая в ис-

тории личность, обладающая разумом и волей и осознанно выбирающая свои действия, и на уровне формирования знания, где он воспринимается как деятельность ученого-историка.

Представители теоретико-методологического подхода впервые задаются вопросом об историческом сознании и ограничивают сомнением универсальность исторического процесса, указывая на его уникальность, а следовательно, относительность форм осмыслиения. Так формируется методология историзма. Субъективная составляющая истории, с одной стороны, указывает на внутренний детерминизм исторического процесса, смысл которого ничем не гарантирован, а с другой, – ограничивает эту имманентную причинность свободой воли [61, с. 101–106]. Проблемы исторической причинности, закономерности, бытования истории в качестве формы знания, а также историческая критика и интерпретация становятся центральными темами для данного подхода. Поэтому в рамках такого понимания истории разрабатываются преимущественно вопросы теории, методологии и эпистемологии истории. В теоретико-методологическом направлении впервые формулируется проблема исторического сознания, интерпретируемого как моральное сознание. История в данном случае понимается как творение, результат активности действующего в истории субъекта, который в своих поступках исходит из идеала, т. е. поступает императивно. Движущей силой истории выступает определяемая идеалом творческая мысль человека. Моральное сознание, создавая идеал, создает и историческую действительность. История как творческое преображение внеисторического бытия есть результат свободного действия автономной личности, которая воспринимается как цель сама по себе и которая своименным, принудительным поступанием преобразует действительность в историческую реальность.

Теоретико-методологический подход формируется в историографической традиции и окончательно складывается тогда, когда история становится проблемой для самой себя. Долгое время развитие философии истории шло совместно с развитием русской исторической науки. Методологические изыскания были следствием утверждения науки в качестве знания, начиная с XVIII в. Стимулом для разработки методологических вопросов исторической науки была полемика с современниками, вызванная расхождением во взглядах на задачи и приемы исторического исследо-

дования. Предметом научного интереса уже становится не сам материал, а способы его обработки и методы изучения. Ближайшим образом теоретико-методологический подход сосредоточивается на поиске оснований исторической науки, но в итоге выходит далеко за пределы историографических проблем.

В полной мере теоретико-методологический подход в изучении истории был реализован только в XIX в. в рамках университетской философии. Можно отметить несколько этапов его формирования. Подготовительный период был связан с рядом дискуссий первой половины XIX в. по философским вопросам истории: полемика М.Т. Каченовского и «скептиков» против Н.М. Карамзина; дискуссия о влиянии географических факторов на историю, вызванная работами К. Бэра конца 1840-х гг.; спор о достоверности в истории (Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.С. Уваров); полемика М.М. Стасюлевича с московскими историками П.М. Леонтьевым и И.К. Бабстом о задачах и методах истории как науки [62, с. 204–224]; споры между представителями «государственной школы» в русской историографии (С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин) и славянофилами [63, с. 37–51].

С середины XIX в. начинается период активной разработки теоретико-методологической проблем историографии, вызванный рефлексией над научной формой истории. В университетах начинают читаться курсы по философии истории (в 1860–1861 гг. в Санкт-Петербургском университете М.М. Стасюлевич, в 1865–1866 гг. в Московском университете В.И. Герье). В.И. Герье удалось привить интерес к философии истории целому ряду своих учеников (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер) [64, с. 99–104; 65, с. 151–162; 66, с. 63–92; 67, с. 241–243; 68, с. 203–214; 69, с. 144–156; 70, с. 174–197; 71, с. 17–24; 72, с. 3–18; 73, с. 23–27]. Наиболее крупным произведением здесь были двухтомные «Основные вопросы философии истории» Н.И. Кареева (1883). В конце 1860-х – первой половине 1870-х гг. с рядом публикаций по философско-историческим проблемам выступил в Киеве И.В. Луцицкий [73, с. 174–192]. В Санкт-Петербургском университете философско-исторические исследования заняли заметное место в творчестве К.Н. Бестужев-Рюмина [75, с. 113–170], А.С. Лаппо-Данилевского [76, с. 114–135; 77, с. 89–95; 78, с. 157–171; 79] и Н.И. Кареева [80; 81, с. 55–64] после его переезда в

Санкт-Петербург. Продолжателями университетской философии истории стали представители младшего поколения историков-философов М.М. Хвостов, Д.М. Петрушевский, Н.А. Рожков, Н.М. Бубнов, Е.Н. Щепкин, В.М. Хвостов. Во втором десятилетии XX в. заметное влияние на университетскую философию истории стали оказывать философия жизни и философия всеединства. Данная исследовательская программа была реализована в трудах Л.П. Карсавина и С.Л. Франка. Теоретико-методологические проблемы разрабатывались в университетской философии истории в качестве философской основы гуманитарных и общественных наук (экономика, юриспруденция, государствоведение, литературоведение и др.). Не случайно, например, научное обоснование истории литературы было впервые дано именно Н.И. Кареевым. В рамках университетской философии истории еще не различается строго философско-историческая, собственно историографическая и социологическая проблематика. Поэтому часто социология отождествляется с философией истории и воспринимается как ее синоним.

Философской основой университетской философии истории в этот период выступали позитивизм и неокантианство. Позитивизм пытался перенести методологию естествознания на историю, полагая, что историческая реальность может быть постигнута такой, какова она есть. Доминирующими здесь становятся вопросы о наблюдаемости, доступности исторической реальности исследователю, о регулярностях и повторяемостях, которые можно зафиксировать в этой реальности. Первый вопрос привел к формулированию различных вариантов «исторической феноменологии», которая изучает историческую данность, а в узком понимании разрабатывает проблемы исторического источниковедения и методов обработки источников (интерпретация и критика). Ответ на второй вопрос привел к поискам исторической закономерности. Неокантианство сделало акцент на уникальности, единичности исторических событий, которые к тому же недоступны непосредственному наблюдению. С одной стороны, это означало, что в философии истории следует отказаться от поисков закономерности; исторические события не повторяются, они могут быть только описаны в своей уникальности. С другой стороны, историческая реальность оказывалась производной от познавательной деятельности субъекта, результатом его творческой активности, проекцией априорных схем, понятий и т. п. исто-

рика на то, что относится к сфере исторической данности. Доминирующими здесь становятся вопросы «исторического построения».

Второй позитивизм или эмпириокритицизм свел основные вопросы философии истории к необходимости пересмотра существующих языков описания истории, к анализу исторических понятий, разбору существующих схем исторического объяснения. Доминирующими здесь становятся вопросы «исторической терминологии». Теоретико-методологические исследования в отечественной университетской философии истории вписываются в контекст современных им западноевропейских философско-исторических концепций, разрабатывавшихся на основе философских учений позитивизма и неокантианства.

Следуя положениям этих учений, русские мыслители предложили самостоятельные трактовки теоретико-методологических проблем историографии. Новизна и оригинальность их разработок определяется предложенной вариативностью философско-исторических концепций позитивизма и неокантианства. Исходной темой философско-исторических рассуждений в университетской философии истории была рефлексия над научной формой истории или даже попытка создать философию истории как науку (М.М. Стасюлевич). Подобные размышления приводили к сближению истории с другими научными дисциплинами и, одновременно, к поиску уникальности исторического метода и специфики предмета истории. К специальным вопросам университетской философии истории относятся проблемы онтологии истории. Под онтологией истории понимаются как различные варианты определения исторической реальности, так и теории исторического процесса. Наиболее распространенной становится эволюционная точка зрения на исторический процесс, попытка разработать теорию исторической эволюции. К проблемам онтологии истории относятся и поиски исторических законов, раскрывающих порядок бытия того сущего, которое мы называем историей. Неудачи в открытии исторических законов приводят к признанию не закономерности, а обусловленности исторического процесса, что реализуется в теории многофакторности исторического развития. К проблемам онтологии истории принадлежат также и различные варианты теории прогресса. В этих вопросах академическая философия истории теснее всего сближается с социологией.

На рубеже XIX–XX вв. вопросы онтологии истории были значительно потеснены исследованиями в области гносеологии истории. Познание истории само было осознано как первостепенный факт исторической науки. Способом познания исторической реальности было признано ее построение, конструирование. История может быть нами познана постольку, поскольку она есть наше создание, наше собственное творение. Были предложены различные сценарии исторического построения: номологический или номотетический, идиографический, типологический. К способам конструирования истории были отнесены идеи прогресса и исторического круговорота, группировка фактов по типу событий или состояний. Из частных методологических приемов наибольшего исследовательского внимания удостоились метод критического анализа текстов, сравнительно-исторический и метод пережитков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Бродский А.И., Малинов А.В.** Академическая и неакадемическая философия истории: Типологические характеристики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 17.
- 2. Данилов А.И.** Эволюция идеино-политических взглядов Д.М. Петрушевского // Средние века. Вып. VI. М., 1955.
- 3. Могильницкий Б.Г.** Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969.
- 4. Хмылев Л.Н.** Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978.
- 5. Рубинштейн Н.Л.** Русская историография. М., 1941.
- 6. Сахаров А.М.** Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.
- 7. Сахаров А.М.** Методология истории и историография (статьи и выступления). М., 1981.
- 8. Черепнин Л.В.** Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957.
- 9. Черепнин Л.В.** Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984.
- 10. Шapiro А.Л.** Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993.
- 11. Иллерацкий В.Е.** Революционная историческая мысль в России. (Домарксистский период). М., 1974.
- 12. Иллерацкий В.Е.** Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.
- 13. Иллерацкая Н.В.** Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998.
- 14. Киреева Р.А.** Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. М., 1985.

- 15.** Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990.
- 16.** Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004.
- 17.** Сафонов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976.
- 18.** Сафонов Б.Г. Вопросы теории истории в работах М.С. Корелина. М., 1984.
- 19.** Сафонов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.
- 20.** Кантор В.К. «Средь бурь гражданских и тревог...» Борьба идей в русской литературе 40-70-х годов XIX века. М., 1988.
- 21.** Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997.
- 22.** Кантор В.К. Феномен русского европейца. М., 1999.
- 23.** Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997.
- 24.** Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003.
- 25.** Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980.
- 26.** Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории XIX–XX в. Л., 1979.
- 27.** Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977;
- 28.** Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985.
- 29.** Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии. М., 1995.
- 30.** Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб., 1992.
- 31.** Гнатюк О.Л. Русская политическая мысль начала XX в. Н.И. Кареев, П.Б. Струве, И.А. Ильин. СПб., 1994.
- 32.** Казин А.Л. Последнее царство. Введение в историософию России. СПб., 1996.
- 33.** Бенедиков Н.А., Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е., Шаталин Е.Н. Философия истории в России – XIX век. Нижний Новгород, 1994.
- 34.** Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных исторических концепций). Екатеринбург-Омск, 2000.
- 35.** Красавин В.П. Методологические проблемы социального познания в русской философско-социологической литературе конца XX века. Пермь, 1974.
- 36.** Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX – XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004.
- 37.** Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004.
- 38.** Нечухрин А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в. – 1917 г.). Деп. в ИНИОН. Гродно, 1992.
- 39.** Попов А.С. Социологическая методология отечественной истории. Историографические очерки. Пенза, 1999.
- 40.** Попов А.С. В.О. Ключевский и его «школа»: Синтез истории и социологии. М., 2001.
- 41.** Пушкин С.Н. Очерки русской историософии. СПб., 1996.

- 42.** Пушкин С.Н. Историософия евразийства. СПб., 1997.
- 43.** Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Н. Новгород, 1998.
- 44.** Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000.
- 45.** Синицын О.В. Кризис буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX в.: неокантианское течение. Казань, 1990.
- 46.** Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.
- 47.** Шапошников Л.Е. Очерки русской историософии XIX – XX в. Н. Новгород, 2002.
- 48.** Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979.
- 49.** Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб. 2001.
- 50.** Малинов А.В. Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. СПб. 2001.
- 51.** Малинов А.В. Философия истории в России XVIII века. СПб., 2003.
- 52.** Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005.
- 53.** Малинов А.В. Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб., 2005.
- 54.** Малинов А.В. Историко-философские этюды. СПб., 2007.
- 55.** Малинов А.В. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2009.
- 56.** Малинов А.В., Прохоренко А.В. Философия истории в России. Материалы к лекционному курсу. СПб., 2010.
- 57.** Малинов А.В., Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье. СПб., 2010.
- 58.** Малинов А.В. Русская философия: исследования, история, историография. СПб., 2013.
- 59.** Малинов А.В. Очерки по философии истории в России. В 2 т. СПб., 2013.
- 60.** Малинов А.В. Философия и методология истории в России. СПб., 2015.
- 61.** Малинов А.В. Идея исторической закономерности в университетской философии истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2004. № 2. С. 101-106.
- 62.** Малинов А.В. Философско-исторические взгляды М.М. Стасюлевича // Страницы истории: Сб. научн. ст., посв. 65-летию со дня рождения профессора Григория Алексеевича Тишкina / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин; сост. А.С. Крымская. СПб., 2008.
- 63.** Малинов А.В. Философия русской истории С.М. Соловьева // Вече. Журнал русской философии и культуры. Выпуск 20. СПб., 2009.
- 64.** Малинов А.В., Погодин С.Н. Цивилизационное единство истории: философия истории Н. И. Кареева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 4 (12). С. 99-104.

- 65.** Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье как историк и методолог // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 151
- 66.** Малинов А.В. «Биология общественных организмов»: Социально-историческая концепция П.Г. Виноградова (К 150-летию со дня рождения) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 4. С. 63-92
- 67.** Малинов А.В., Погодин С.Н. Павел Гаврилович Виноградов: портрет ученого в историческом интерьере // Клио. 2005. № 2. С. 241-253.
- 68.** Малинов А.В., Погодин С.Н. Павел Гаврилович Виноградов. Теоретико-методологические взгляды П.Г. Виноградова // Клио. 2005. № 3. С. 203-214.
- 69.** Малинов А.В., Погодин С.Н. П.Г. Виноградов – историк-медиевист и методолог, университетский профессор и общественный деятель // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 149.
- 70.** Погодин С.Н. Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 174-197.
- 71.** Малинов А.В. Теория исторического познания Р.Ю. Виппера // Клио. 2009. № 3. С. 3-18
- 72.** Малинов А.В. Теория исторического познания Р.Ю. Виппера // Клио. 2009. № 4. С. 17-24.
- 73.** Малинов А.В. Теория исторического процесса Н.И. Кареева // Клио. 2013. № 2 (74). С. 23-27.
- 74.** Погодин С.Н. Иван Васильевич Луцицкий (1845–1918) // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 174.
- 75.** Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов (К 175-летию со дня рождения) // Вече. Альманах русской философии и культуры. Выпуск 16. СПб., 2004.
- 76.** Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский // Вече. Вып. 12. СПб., 1999.
- 77.** Малинов А.В. Основные принципы неокантианской философии истории А. С. Лаппо-Данилевского (к 150-летию со дня рождения) // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 89-95.
- 78.** Малинов А.В. От методологии истории к теории обществоведения (из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского) // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 41. № 3 (40). С. 157-171.
- 79.** Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
- 80.** Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997.
- 81.** Малинов А.В. Вл. Соловьев и Н.И. Кареев (К истории взаимоотношений) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 55-64.

УДК 329.273

Ван Цзюнь Тао, С. Н. Погодин, А. Э. Терехов, А. В. Цыб, В. С. Ягъя

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ:
«КИТАЙ И РОССИЯ: ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА.
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»¹**

Проект нацелен на историко-сравнительное исследование идеологии национализма в Китае и России в XVIII – начале XX века. Выявление характерных тенденций в зарождении и развитии идеологии национализма в Китае и России, в формировании комплекса патриотических националистических теорий, возникших вследствие контактов с западным миром и принявших черты своеобразного традиционализма в теориях государственного и общественного строя, а также в народных движениях. Анализ исторически сложившихся реакций российской и китайской культур на экспансию западноевропейской цивилизации, выявление как типологически схожих форм историко-культурного синтеза, так и отличий в восприятии и оценке западноевропейской культуры в Китае и России. Анализ не только исторических проявлений таких реакций, но и конкретных идеологических концепций. Реконструкция исторических моделей формирования националистических идеологий. Исторические события и идеологические конструкции в их взаимной обусловленности. Целью проекта является проведение комплексного междисциплинарного исследования по изучению генезиса и развития национальных идеологий в Китае и России с привлечением специалистов в различных областях знания: истории, философии, политологии, компаративистики.

Проведение комплексных, междисциплинарных научно-исследовательских работ в ходе выполнения проекта позволит осуществить широкие сравнительно-исторические (история, идеология, культура, философия, социально-политическая мысль) исследования разнообразных форм национальной идеологии в России и Китае. Впервые будет проводиться не изолированное изучение истории национальных идеологий в Китае.

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда, грант № 15-03-00224а, руководитель проекта – доктор исторических наук, профессор С.Н. Погодин.

тае и России, а в компаративистском ключе, с привлечением широкого круга источников и материалов для сравнения, что дает возможность проследить общие формы и тенденции в формировании национальных идеологий. Национальные идеологии в условиях агрессивного воздействия массовой западной культуры имеют свою специфику. Обращение к культурно-историческим и этническим традициям является своеобразной реакцией, способом противостоять унифицирующему воздействию массовой культуры и размыванию структур идентичности современного человека. Не случайно в течение XX века появились различные версии традиционалистских учений, в рамках которых национальные идеологии находят свое философское обоснование. Национальные идеологии являются своеобразной реакцией на процессы модернизации, происходящие в России и Китае, тем важнее изучение истоков этих идеологий, их генезиса и развития. Национальные идеологии позволяют согласовать необходимость модернизационных процессов с сохранением традиционных основополагающих культурных констант и ценностей.

Конкретные задачи проекта следующие: дать анализ существующим понятиям и концепциям идеологии; рассмотреть историческую динамику развития России и Китая в связи с процессами модернизации в этих странах, вызванных соприкосновением с западноевропейской цивилизацией; изучить процессы формирования национальных идеологий в Европе, а также их специфику в условиях глобализации; проанализировать реакцию западноевропейского общества и культуры на национальные идеологии в России и Китае; сопоставить нововведения западной системы с традиционной местной культурой управления и жизнедеятельности, провести сравнительный анализ выявленных особенностей, установить те изменения, на которые российское и китайское общество реагировало наиболее остро, а также выявить источники тенденций к изоляционизму; обозначить типы националистических учений в соответствии с источником, целью, сферой распространения и методикой применения теории, выделить основные термины и понятия, которыми оперировали представители этих типов; сформулировать определение термина «национация» и его аналогов применительно к каждому типу, проанализировать причины различной интерпретации этого термина и практическое значение таких различий; проследить эволюцию теоретической мысли националистического толка, проанализировать попытки практического

применения этих теорий в каждой стране, а также охарактеризовать влияние националистических теорий на современное устройство государства и общества; проследить тенденции того культурно-исторического синтеза, который происходит в Китае, процессов модернизации в России и Китае и их возможных последствий.

В мировой науке существует насколько подходов в определении и понимании идеологии (Маркс, Мангейм, Парето, Гирц, Лоррейн, Кендалл, Джеймесон, Томпсон, Рикёр, Иглтон, Альтюссер, Жижек, Бауман и др.). Условно их можно разделить на: марксистский, социологический, структурно-семиотический, герменевтический. Многообразие интерпретаций «идеологии» делает это понятие достаточно «размытым» с методологической точки зрения. В тоже время обращение к конкретному историческому материалу, сравнительно-исторический анализ независимо протекавших исторических процессов в России и Китае на протяжении почти двух столетий позволяет уточнить генезис, развитие и формы проявления такого исторического явления как «национальная идеология». В идеологии аккумулируются аспекты видения, точки зрения, присущие определенным коллективам, позволяющие реконструировать структуры социально-исторического бытия. Исторически идеология проявляется именно как национальная идеология, когда ослабевает влияние традиции на политическую и культурную жизнь общества, когда культура начинает освобождаться от традиционных форм мировоззрения или эти формы ставятся под сомнение в результате воздействия со стороны иной культурной традиции. Национальная идеология формируется в качестве замены ослабевающих форм традиционной морали, религии, признанных философских учений. Национальная идеология выступает одним из фундаментальных механизмов социокультурной интеграции. Проявляясь в виде символов, многообразных структур контроля и поведенческих моделей, национальная идеология претендует на право истолковывать прошлое, настоящее и будущее народа. В ситуации ослабления или размывания традиционных культурных ценностей идеология берет на себя роль осмысления, символической разметки изменяющегося культурного пространства. Рождение национальных идеологий во многом связано с конкретными историческими событиями, но сформировавшаяся идеология сама становится одним из факторов исторического процесса. Несмотря на самобытность и

самостоятельность исторических процессов в России, Европе и Китае, становление национальной идеологии в этих странах в XVIII – начале XX века во многом было вызвано взаимовлиянием культур. Для России и Китая это, прежде всего, влияние западноевропейской культуры. Процессы формирования национальной идеологии в Европе, России и Китае проходили независимо друг от друга, но при этом имели как общие типологические черты, так и отличия. Столкновение с западноевропейской цивилизацией привело к появлению двух тенденций в идеологическом осмыслиении происходящих изменений, которые с известной долей условности можно обозначить уже достаточно привычными наименованиями как «западничество» и «самобытничество» или «традиционализм». В тоже время крайне интересным является вопрос об отношении европейцев как к традиционной, так и к модернизирующейся формам русской и китайской культуры. В рамках подробного изучения идеологии национализма в Китае и России научная новизна и практическая значимость предполагаемого исследования определяется привлечением большого объема новых документальных материалов, связанных с эволюцией как китайских, так и российских учений, по-новому освещавших не только китайскую общественно-политическую мысль второй половины XIX – начала XX вв., но и развитие отечественной мысли консервативно-традиционистского направления.

Активное освоение западноевропейской культуры в России началось в результате реформ начала XVIII в. Однако уже со второй половины XVIII в. начинается критика европеизма, набирающая силу в рамках так называемого «просвещенного национализма» (Екатерина II, И.Н. Болтин, М.М. Щербатов, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков, П.А. Плавильщиков и др.), ищащего самобытных исторических, культурных и философских начал. Критический анализ европейских нравов приводил российских мыслителей к осмыслению значения нравов в истории и культуре вообще, а от них – к постановке вопроса о русском национальном характере. Смысловым итогом XVIII в. В России становится формирование национального сознания, сила которого в полной мере проявилась во время Отечественной войны 1812 г. [15; 6; 7; 16]. В XIX – начале XX в. национальная идеология была представлена в различных формах традиционализма, консерватизма, славянофильства, почвенничества, евразийства, явно или неявно оппониро-

вавших официальному западничеству». В это время разрабатывали свои концепции такие во многом не похожие друг на друга мыслители, как А.С. Шишков, митр. Филарет (Дроздов), С.С. Уваров, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, евразийцы и др. [8; 9; 11, с. 56–57; 10, с. 3–71; 17]. Тем не менее, в отечественной науке тема китайского национализма пока что остаётся на периферии исследований. Вопросы формирования китайского этноса рассмотрены в серии работ М.В. Крюкова, М.В. Софонова и др. «Этническая история китайцев с древнейших времен до XX века» [18]. Формирование и особенности национального характера китайцев рассмотрены также в работах М.Е. Кравцовой [3] и В.В. Малявина [12]. В работах Ю.Л. Кроля [4] и А.С. Мартынова [13] рассмотрены традиции взаимоотношений китайцев с сопредельными государствами. Очерк истории национализма в Китае приведён в энциклопедии «Духовная культура Китая» [1]. Более детально эта тема разработана в монографии А.А. Москаleva [14]. В этой книге автор рассматривает историю китайского национализма с конца XIX в. по начало XXI в. Среди несомненных плюсов этой работы – использование значительного количества оригинальных источников, в роли которых выступают сочинения китайских мыслителей, политических деятелей, партийных идеологов, исследователей – Лян Цичао, Сунь Ятсена, Ван Цзинвэя, Дай Цзитао, Цзян Чжунчжэна (Чан Кайши), Мао Цзэдуна, Фэй Сяотуна и др. Современное состояние проблемы национализма в Китае рассмотрено в монографии А. М. Кузнецова [5]. Акцент в этой работе сделан на этнонациональной политике Китая и КНР в XX–XXI вв., а также на формировании и развитии национального этнополитического дискурса в Китае.

Китайские работы по этой теме многочисленны, но при этом не представляют особого интереса в силу слабости методологии и, как следствие, анализа. Тем не менее, стоит отметить работы по «Истории китайской нации» (中国民族史) Ван Тунлина 王桐龄 (吉林出版集团有限责任公司, 2010) и Люй Сымяня 吕思勉 (岳麓书社, 2013), а также аналитическую работу Чжэн Юнняня 郑永年 «Возрождение китайского национализма: Куда движется национальное государство?» (中国民族主义的复兴——

民族国家向何处去？三联书店香港有限公司，1998)。Значительно лучше исследована данная тема в европейской и, особенно, американской науке. Среди общих работ следует выделить монографию К. Р. Хьюджеса «Chinese Nationalism in a Global Era» (Routledge, 2006), в которой проанализировано противоречие между национализмом и процессами глобализации в Китае в период с конца 70-х гг. XX в. и до наших дней, а также коллективные монографии: «China's Quest for National Identity» (Cornell University Press, 1993) под редакцией Л. Диттмера (Lowell Dittmer) и С.С. Кима (Samuel S. Kim) и «Chinese Nationalism in Perspective: Historical and Recent Cases» (Praeger, 2001) под редакцией Дж. Вэя (George Wei) и Лю Сяоюаня (Xiaoyuan Liu). Особенностям развития национализма в современном Китае в связи с его имперским прошлым придаётся особое внимание в работе Чжоу Суй-шэна (Suisheng Zhao) «A Nation-State by Construction: Dynamics of Modern Chinese Nationalism» (Stanford University Press, 2004). Культурный аспект проблемы исследует Го Инцзе (Yingjie Guo) в своей работе «Cultural Nationalism in Contemporary China: The Search for National Identity Under Reform» (Routledge/Curzon, 2003). С интересной точки зрения рассмотрен китайский национализм в работе Чжэн Юнняня (Yongnian Zheng) «Discovering Chinese Nationalism in China: Modernization, Identity, and International Relations» (Cambridge University Press, 1999): этот автор делает акцент не столько на сам феномен возрождения национального самосознания китайцев, сколько на его восприятие западом. Влияние иностранного (в первую очередь, европейского) национализма на развитие национализма китайского проанализировано в работе Дж. Лейболда (James Leibold) «Reconfiguring Chinese Nationalism: How the Qing Frontier and Its Indigenes Became Chinese» (Palgrave MacMillan, 2007). Проблемы же современного китайского национализма в связи с международными отношениями рассматривается в работах Саймона Шэня (Simon Shen) «Redefining Nationalism in Modern China: Sino-American Relations and the Emergence of Chinese Public Opinion in the 21st Century» (Palgrave MacMillan, 2007) и Пола Эшенхагена (Paul Eschenhagen) «Nationalism in China - Implications for Chinese International Relations» (Grin Verlag, 2007). Для сравнения национализма в Китае и России также важна книга «Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932» (Cornell University Press, 2002) Дж. Х. Картера (James Hugh Carter), посвящённая само-

му «русскому» городу Китая. Близка монография Елены Барабанцевой (Elena Barabantseva) «Overseas Chinese, Ethnic Minorities and Nationalism: De-centering China» (Routledge, 2010). Также в этнорегиональном аспекте вопрос исследован в коллективной монографии «Nationalism and Ethnoregional Identities in China» (Frank Cass Publishers, 1998) под редакцией В. Сафрана (William Safran). Влияние современных технологий на национальную идентичность китайцев исследовано в работе У Сюя (Xu Wu) «Chinese Cyber Nationalism: Evolution, Characteristics, and Implications» (Lexington Books, 2007). Среди множества англоязычных работ, посвящённых национализму на Тайване стоит выделить монографию Сяо Э-цзина (A-Chin Hsiau) «Contemporary Taiwanese Cultural Nationalism» (Routledge, 2000), а также коллективную монографию «Cultural, Ethnic, and Political Nationalism in Contemporary Taiwan: Bentuhua» (Palgrave MacMillan, 2005) под редакцией Дж. Мэйхема (John Makeham) и Сяо Э-цзина (A-Chin Hsiau).

Для решения поставленных исследовательских задач предлагается: проведение комплексного междисциплинарного обсуждения проблем генезиса и развития национальных идеологий в Европе, Китае и России с привлечением специалистов в различных областях знания: истории, философии, политологии, компаративистики; выявление характерных тенденций в зарождении и развитии идеологии национализма в Китае и России, в формировании комплекса патриотических националистических теорий, возникших вследствие контактов с западным миром и принявших черты своеобразного традиционализма в теориях государственного и общественного строя, а также в народных движениях; анализ исторически сложившихся реакций российской и китайской культур на экспансию западноевропейской цивилизации, выявление как типологически схожих форм историко-культурного синтеза, так и отличий в восприятии и оценке западноевропейской культуры в Китае и России; анализ не только исторических проявлений таких реакций, но и конкретных идеологических концепций; реконструкция исторических моделей формирования националистических идеологий в Европе, России и Китае.

Несмотря на самобытность и самостоятельность исторического процесса в России и Китае, становление национальной идеологии в этих странах в XVIII – начале XX века во многом было вызвано влиянием западноевропейской культуры. Процессы формирования национальной идеологии в России

и Китае проходили независимо друг от друга, но при этом имели как общие типологические черты, так и отличия. Обращение к западноевропейской культуре как в России в XVIII в., так и в Китае в XIX в. было вызвано необходимостью военно-технической модернизации страны. Однако обращение к историческому опыту западных стран не привело в Китае к радикальной переоценке традиционных ценностей и не подорвало убеждение в безусловном превосходстве конфуцианских социально-политических институтов. Все теоретики и практики «движения усвоения заморских дел» (Вэй Юань, Фэн Гуйфэн, Сюе Фучэн, Го Сунтао, Чжан Цзыму, Ван Чжичунь, Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан, Ли Хунчжан и др.) исходили из того, что «если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет», что «китайское учение – основное; западное учение – прикладное» (концепция «Ти – юн»), что «корень всех наук западных стран покоятся на китайских началах» и что европейцы лишь усовершенствовали то, что в свое время было изобретено в Китае [2, с. 222–223].

Подобные убеждения были следствием процесса складывания единой китайской нации и культуры, продолжавшемся на протяжении практически всей известной истории Китая. Представления о своей уникальности заметны уже в эпоху правления первой китайской династии Шань-Инь 商殷 (XVII–XI вв. до н. э.): свою столицу шанцы помещают в центр мира, а все прочие народности воспринимают как «варваров», годящихся только на то, чтобы поставлять дань, помогать в войне с другими варварами и служить объектами жертвоприношений. Их этноцентризм во многом был обусловлен религией, во главе которой стоял покровительствовавший им Высший владыка (шанди 上帝); именно монополия на общение с ним (при посредстве обожествлённых предков) давала им право на власть над всеми прочими племенами. Сменившая шанцев народность чжоу 周, основавшая одноимённое государство (XI–III вв. до н. э.), значительно являлась одним из «варварских» племён шанской периферии. Именно этим фактом можно объяснить значительный «космополитизм» чжоусцев, их стремление объединить прочие племена (многие из которых помогали им в свержении династии Шан) в единую общность. На смену племенному божеству шан-ди они приносят идею общего для всех народ-

ностей Неба (тянь 天), которое и дало династии Чжоу право на царствование, свой «мандат» или, точнее, «повеление» (мин 命). Соответственно, в отличие от своих предшественников, чжоусцы начинают рассматривать в качестве «своего» государства не только метрополию, но и зависимые от неё земли (зачастую населённые иными народностями), получившие статус удельных царств. Кроме того, они заимствуют все важнейшие достижения шанской культуры (в первую очередь, письменность), тем самым показывая собственную культурную состоятельность. Стремясь избавиться от клейма «варваров» они серьёзно переосмысляют это понятие: в качестве «варваров» начинают восприниматься не столько иноэтнические, сколько инокультурные народности; в то же время, все те, кто принимал одобренные традицией нормы, мыслились как чужие 諸夏, – «все Ся», т.е. потомки легендарной династии Ся, правившей, согласно традиции в XXIII – XVIII вв. до н.э. и заложившей основы китайской государственности и культуры.

Проблема взаимоотношений «китайцев» и варваров начинается в период развития китайской теоретической мысли – в эпохи Чуньцю 春秋 (Весны и осени, VIII–V вв. до н. э.) и в особенности Чжаньго 戰國 (Воюющих царств, V–III вв. до н. э.). Варвары, по мнению мыслителей того времени, обладали «сердцами птиц и зверей», т. е., несмотря на внешнее сходство, не были людьми в полном смысле этого слова. В то же время, за ними признаётся право принять китайскую культуру и тем самым стать полноценными людьми. Эта двойственность в отношении к варварам видна уже у Конфуция (Кун-цзы 孔子, 551–479 гг. до н. э.), который, с одной стороны, считал, что «у варваров при государе хуже, чем в китайских землях без него», но с другой – допускал возможность их преображения под благотворным влиянием высокоморальной личности из китайцев: «Учитель хотел уйти жить к восточным варварам. Кто-то воскликнул: "Как же Вы сможете там жить? Они ведь так грубы!" Учитель ответил: "Какая грубоść может быть там, где благородный муж?"»

Ключевой этап в истории формирования китайского этноса – время правления династии Хань 漢 (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), вновь объеди-

нившей Китай после недолгого правления династии Цинь 秦 (221–207 гг. до н. э.). За четыре сотни лет её правления население Китая, до того состоявшее из жителей отдельных царств, зачастую сохранявших этническую самобытность, а также варваров, многие из которых кочевали по территории будущей империи, «переплавляется» в единую народность. Не случайно самоназвание этнических китайцев – хань жэнь 漢人 – в словном переводе обозначает «люди [династии] Хань».

Окончательно сложение китайской нации завершается при династии Тан 唐 (618–907 гг.), когда к Китаю окончательно присоединяются южные регионы, а живущие там народности тоже становятся китайцами. Этот процесс также получил отражение в языке: жители южных провинций современного Китая нередко называют себя тан жэнь 唐人, т. е. «люди [династии] Тан», а знаменитые чайнатауны, основанные преимущественно выходцами из этих районов страны, по-китайски называются тан жэнь цзе 唐人街, т.е. «улицы людей [династии] Тан». С другой стороны, время правления династии Тан стало периодом активного развития международных отношений, что позволило Китаю познакомиться с чужеземной культурой, которая, с одной стороны, манила китайцев своей экзотичностью, но с другой – позволяла лучше определить границы собственной традиции. Ко времени столкновения с Западом, китайская цивилизация обладала достаточно надежным механизмом сохранения национально-культурной идентичности. Это хорошо видно в ряде документов, появившихся в последней трети XIX в.: «Решении об отборе детей и внуков для посылки за океан для обучения ремеслам» Цзэн Гофана (август 1871 г., и «Детально разработанном плане морской обороны» Ли Хунчжана (10 декабря 1874 г.). В них предпринимается осмысление достижений и ценностей Запада, обосновывается идея необходимости «изучения технических достижений варваров, чтобы использовать их для обуздания самих варваров» («ши и чанцзи и чжи и»), а также «смены закона-стиля» («бяньфа») (один из вариантов значения – «реформа») для строительства сильного и богатого Китая. Осмысление происходящих изменений требовало и переинтерпретации прежних понятий для передачи значения новых категорий западноевропейской мысли. В итоге в 1872–1875 гг. несколько

групп отобранных в прибрежных провинциях китайских «люсюешэн» были отправлены для обучения в США за счет казны [2, с. 222–223]. Правда, уже в 1881 г. они были отзваны в Китай из-за опасений попасть под обаяние чужой культуры. Однако процесс военно-технической модернизации Китая, заимствования необходимых технических достижений, а вместе с ними и ценностей Запада начался. Процесс культурно-исторического синтеза традиционных китайских ценностей с западными продолжается и далеко не все его последствия проявились еще в полной мере. Все это вновь сделало актуальным вопрос о единстве китайской нации и ее сознании. Первым о необходимости создания единой китайской нации (чжунхуа гоминь 中華國民) заговорил один из виднейших китайских мыслителей рубежа XIX – XX вв. Лян Ци-чао 梁啟超 (1873–1929). По его мнению, представления о нации в Китае отсутствуют в принципе; китайцы мыслят себя не жителями одной страны, не гражданами одного государства, но членами различных родственных кланов. Этим и обусловлена, по мысли Лян Ци-чао, слабость китайского народа; только сплотившись в единую нацию, сможет он обрести силу. В то же время, говоря о китайской нации, мыслитель имеет в виду только ханьцев. Прочие же населяющие Китай народности обречены были, по его мнению, стать бесправным «структурным компонентом» китайской нации и впоследствии быть ассимилированными ханьцами. Сунь Ят-сен также уделял внимание вопросу создания в Китае единой нации, однако говорил он не столько о политической, сколько об этнической нации (миньцзу). Его позиция по данному вопросу неоднократно менялась. Изначально он считал, что Китай должен стать моноэтническим, т. е. исключительно ханьским, государством, а все остальные этносы должны быть ассимилированы. Позже он выступил с идеей создания единой китайской нации (чжунхуа миньцзу 中華民族), которая должна была возникнуть в результате «переплавки» всех народов Китая, включая ханьцев (в противоположность односторонней ассимиляции). Впрочем, позже он вернулся к идеи ассимиляции некитайских народностей ханьцами и решил попросту «переименовать ханьцев в чжунхуа миньцзу». Через некоторое время он выдвинул понятие государственной нации (гоцзу 國族), под которой опять-таки подразумевала-

лись ханьцы как исконные носители китайской государственности. Предельно этноцентрическая позиция Сунь Ят-сена после его смерти была смягчена его последователями. В резолюции III съезда Китайского Гоминьдана (1929) термин гоцзу трактуется уже как «тесное единение» национальностей «большой пятерки» — ханьцев, маньчжиров, монголов, мусульман и тибетцев, а в проекте конституции Китайской Республики (1936–1937) утверждалось, что «все национальности Китайской Республики, являясь структурными компонентами китайской государственной нации (чжунхуа гоцзу 中華國族), равноправны». Схожей позиции придерживался и Чан Кай-ши, который утверждал, что в Китае существует только одна нация — китайская (чжунхуа миньцзу), состоящая из множества этносов. В идеологии нынешней КНР воплощена схожая система: 55 национальностей-миньцзу понимаются как составляющие единого суперэтноса, нации чжунхуа миньцзу. Научное исследование идеологии национализма в Китае подразумевает изучение формирования, эволюции и плодов поиска национальной идеи в китайском обществе кризисного периода — Опиумных войн, падения династии Цин, Синьхайской революции. Необходимо выделить те течения и учения в Китае второй половины XIX века, которые могут быть признаны националистическими по своим целям, истокам и методам, а также определить основные группы этих учений для последующего сравнительного анализа с российскими представителями националистической идеологии.

Важной частью исследования является определение понятий «нации», «народа», «государства» и «национализма» в традиционной китайской философии и эволюция этих понятий под влиянием западной философии. Процесс усвоения западных ценностей принял в России иной характер, чем в Китае. Обольщение западной культурой имело для России во многом разрушительный характер, в том числе и из-за слабости традиционной культуры и специфики ассимиляционных процессов в России, хотя и позволило модернизировать страну. Различие путей исторического развития России и Китая очевидно, чего не скажешь об идеологических конструкциях, обнаруживающих (при всем содержательном отличии) общие типологические черты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Духовная культура Китая. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009.
2. **Корсун В.А.** «Самоусиление» – опыт первой модернизации в Китае // XXV междунар. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки «востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций» 22–24 апр. 2009. СПб., URL: <http://mir.spbu.ru/docs/proj/zelenev/07.pdf>. (дата обращения 15.04.2015)
3. **Кравцова М.Е.** История культуры Китая. СПб., 1999.
4. **Кроль Ю.Л.** Страны и народы Востока. Выпуск XXXII: Дальний Восток. Книга 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу : Исследования и переводы / сб. ст. памяти В.В. Петрова. Отв. редакторы Ю.Л. Кроль, М.Ф. Чигринский. М., 2005.
5. **Кузнецов А.М.** Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. Владивосток, 2010.
6. **Малинов А.В.** «Школьная» философия в культуре русского просвещения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 2. С. 98-105;
7. **Малинов А.В.** История русской философии. XVIII век. СПб., 2012. С. 18–21;
8. **Малинов А.В., Прохоренко А.В.** Философия истории в России. Материалы к лекционному курсу. СПб., 2010;
9. **Малинов А.В.** Философия и методология истории в России. СПб., 2015.
10. **Малинов А.В.** Русская философия: исследования, история, историография. СПб., 2013. С. 3–71;
11. **Малинов А.В.** Академическое славянофильство В.И. Ламанского // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2012. Вып. 12. С. 56–65;
12. **Маявин В.В.** Китайская цивилизация. М., 2001.
13. **Мартынов А.С.** Статус Тибета в XVII - XVIII веках. М., 1978.
14. **Москалев А.А.** Нация и национализм в Китае. Эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., 2005.
15. **Стенник Ю.В.** Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004;
16. **Троицкий С.А.** Процесс национальной самоидентификации в России XVIII в. и становление краеведения // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2010.Вып. 21. С. 94-108.
17. **Тяпин И.Н.** Философско-исторические идеи российского консерватизма XIX – начала XX в. Вологда, 2008.
18. Этническая история китайцев с древнейших времен до XX века. В 6-ти томах М.: Наука, 1979-1993. Том 1.; Крюков М.В., Софонов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. 1978. Том 2; Крюков М.В., Маявин В.В., Софонов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. 1979. Том 3; Крюков М.В., Переломов Л.С., Софонов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. 1983. Том 4; Крюков М.В., Маявин В.В., Софонов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII в.в.). 1984. Том 5; Крюков М.В., Маявин В.В., Софонов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. 1987. Том 6; Крюков М.В., Маявин В.В., Софонов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – нач. XX в. 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АЛАДЫШКИН Иван Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: i-bez@yandex.ru.

ALADYSHKIN Ivan V. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: i-bez@yandex.ru.

АФАНАСЬЕВ Григорий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: greenia2006@rambler.ru.

AFANAS'EV Grigoriy Yu. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: greenia2006@rambler.ru.

АФАНАСЬЕВ Иван Николаевич – кандидат исторических наук, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: stu.history@mail.ru.

AFANAS'EV Ivan N. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: stu.history@mail.ru.

БЕЗЛЕПКИН Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Северо-Западный открытый технический университет. 195027, Якорная ул., 9, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

BEZLEPKIN Nicolay I. – Northwest Open Technical University. 195027, Yakornay Str. 9, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

БЕЛОУСОВ Константин Федорович – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, юридический факультет, Петрозаводский государственный университет. 185910, пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; член Общества изучения истории отечественных спецслужб. e-mail: konstantin_belousov_57@mail.ru.

BELOUSOV Konstantin F. – Petrozavodsk State University. 185910, Lenin Str., 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia. e-mail: konstantin_belousov_57@mail.ru.

БОЧАРОВ Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: alek.bocharov2014@yandex.ru.

BOCHAROV Alexey A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: alek.bocharov2014@yandex.ru.

ВАН Цзюнь Тао – преподаватель кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 195251, ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: juntao2013@yandex.ru.

VAN Tszyn Tao – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: juntao2013@yandex.ru.

ВОРОЧАЙ Вероника Валерьевна – студентка Института философии; Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: veronika.vorochay@mail.ru.

VOROCHAY Veronika V. – St. Petersburg State University. 199034, Men-deleevskaya liniya, 5, St. Petersburg, Russia. e-mail: veronika.vorochay@mail.ru.

ДЬЯКОВ Борис Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: boris.dyakov.39@mail.ru.

D'YAKOV Boris B. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: boris.dyakov.39@mail.ru.

ЗИТЕРЕВ Максим Александрович – аспирант; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН. 199034, Университетская наб. 5, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: stu.history@mail.ru.

ZITEREV Maxim A. – Saint-Petersburg Branch of the Institute of History of Science and Technology S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences; 199034, Universitetskaya nab. 5, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: stu.history@mail.ru.

ИВАНОВ Борис Ильич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории технических наук и инженерной деятельности; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН. 199034, Университетская наб. 5, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: b.i.ivanov@mail.ru.

IVANOV Boris I. – Saint-Petersburg Branch of the Institute of History of Science and Technology S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences. 199034, Universitetskaya nab. 5, St. Petersburg, Russia.e-mail: b.i.ivanov@mail.ru.

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский поли-

технический университет Петра Великого; 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kashevar12@mail.ru.

KASHEVAROV Anatolii N. –Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: kashevar12@mail.ru.

КУЗЬМИНА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО); 197101, Кронверкский проспект, д. 49, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: kuzminao@mail.ru.

KUZMINA Olga V. –Saint-Petersburg National Research University of Information Technology, Mechanics and Optics (ITMO University). 197101, Kronverksky Pr, 49, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: kuzminao@mail.ru.

КУЛИК Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kulik54@mail.ru.

KULIK Sergey V. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kulik54@mail.ru.

ЛЕВШИН Константин Викторович – кандидат исторических наук, ведущий инженер кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: petrograd84@mail.ru.

LEVSHIN Konstantin V. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: petrograd84@mail.ru.

ЛОЗОВСКАЯ Дарья Станиславовна – аспирантка кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: stu.history@mail.ru.

LOZOVSKAYA Darya S. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: stu.history@mail.ru.

ЛЮБИМОВА Марина Юрьевна – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник сектора комплектования, учета и документации отдела рукописей; Российской национальной библиотеке. 191069, Садовая ул., 18, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lyubimova@nlr.ru.

LYUBIMOVA Marina Yu. – The National Library of Russia. 191069, 18 Sadovaya, St.Petersburg, Russia. E-mail: lyubimova@nlr.ru.

МИЧУРИН Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: michurinspb@mail.ru.

MICHURIN Alexey N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: michurinspb@mail.ru.

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: vmsusaev62@mail.ru.

MUSAEV Vadim I. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: vmsusaev62@mail.ru.

НЕТУЖИЛОВ Константин Евгеньевич – доктор филологических наук, профессор кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: konstnet@mail.ru.

NETUZHILOV Konstantin E. – Peter the Great St. Petersburg Politechnic University; 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: konstnet@mail.ru.

ОСТАПЧУК-ПЕТРОВСКАЯ Лианна Борисовна – кандидат технических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина; Президент СПб Региональной Общественной Организации «Столыпинский Дом». 199034, Университетская наб., 17, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lbo5@yandex.ru.

OSTAPCHUK-PETROVSKAYA Lianna B. – PhD, Professor, Repin Institute. 199034, Universitetskaya nab. 17, St. Petersburg, Russia. E-mail: lbo5@yandex.ru.

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: oficernv@mail.ru.

OFITSEROVA Natalia V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: oficernv@mail.ru.

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический универси-

тет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: pogodin56@mail.ru.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: pogodin56@mail.ru.

РОГОВ Игорь Михайлович – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: krogova@mail.spbstu.ru.

ROGOV Igor M. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: krogova@mail.spbstu.ru.

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: chubber@yandex.ru.

SIDORCHUK Ilia V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: chubber@yandex.ru.

СИМАНОВА Наталья Владимировна – аспирантка кафедры «Философия», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: natashsimanova@yandex.ru.

SIMANOVA Natalya V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: natashsimanova@yandex.ru.

ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович – преподаватель кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: aterekhoff@gmail.com.

TEREKHOV Anton E. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: aterekhoff@gmail.com.

ФОМИЧЕВ Александр Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 199178, Средний пр. В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: 9953020@rambler.ru.

FOMICHEV Alexander V. – North-West Institute of Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 199178, Sredniy prospect, 57/43, Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russia. E-mail: 9953020@rambler.ru.

ФОМИЧЕВА Людмила Семеновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: 9953020@rambler.ru.

FOMICHEVA Ludmila S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: 9953020@rambler.ru.

ЦЫБ Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: alex@ac9195.spb.edu.

TSYB Alexey V. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: alex@ac9195.spb.edu.

ЭЙДЕМИЛЛЕР Константин Юрьевич – аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; 191186, набережная реки Мойки 48, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: keidemiller@gmail.com.

EIDEMILLER Konstantin Yu. – Herzen University. 191186, nab. Moyka, 48, St-Petersburg, Russia. E-mail: keidemiller@gmail.com.

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Мировая политика» Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет. 191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: vy190107@yandex.ru.

YAGYA Vatanyar S. – St. Petersburg State University. 191060, Smolnogo 1/3, 8 entrance, St. Petersburg, Russia; e-mail: vy190107@yandex.ru.

АННОТАЦИИ/ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Погодин С.Н. К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Статья посвящена столетнему юбилею Первой мировой войны. Даётся история определения термина Первая мировая война. Представлены последствия мировой войны. Исследуются основные направления изучения войны.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ИСТОРИЯ, КОНФЕРЕНЦИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОЙН, ВЫСШАЯ ШКОЛА, НАУКА И ТЕХНИКА РОССИИ.

Аладышкин И.В. «БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА». О ВОЙНЕ И «НЕПОРОЧНОЙ» ТЕХНИКЕ.

В статье освещаются вопросы исторической динамики восприятия и осмысливания мира техники и технологии в контексте Первой мировой войны и ее последствий. Рассматриваются противоречия концептуального выражения технической реальности в послевоенном дискурсе техники. На основе проведенного исследования показана взаимосвязь кризисных умонастроений, усиления сомнений в технической активности человека с широкой популярностью техницистских установок и технократических концепций.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ПРОГРЕСС, ТЕХНИЦИЗМ, ТЕХНОКРАТИЯ, ДЕТЕРМИНИЗМ, КРИЗИС.

Афанасьев Г.Ю. К.П. БОКЛЕВСКИЙ И ВОССОЗДАНИЕ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА: К УЧАСТИЮ ПОЛИТЕХНИКОВ В ПОДГОТОВКЕ К ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1908–1914 гг.).

Статья рассматривает вклад в воссоздание русского военного флота в период 1908–1914 гг. декана кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского Политехнического института К.П. Боклевского в качестве личного эксперта и консультанта председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ, ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, ВОССОЗДАНИЕ, ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС.

Дьяков Б.Б., Зитерев М.А. РОССИЙСКОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Рассматриваются научные разработки в области физики в России и влияние Первой мировой войны на российское и международное ученое сообщество, на прогресс в фундаментальной и прикладной науке. Русские физики, многие из них выдающиеся деятели науки в будущем, участвовали в военных действиях и работали по различным военным заказам.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО, ФИЗИКА, РАДИО, ЖУРНАЛ РФХО, ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

Иванов Б.И. ЮБИЛЕЙ РУССКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Статья посвящена юбилею Русского технического общества и речи В.И. Ковалевского Общему собранию Общества от 25 мая 1916 года по случаю данного юбилея. Подчеркивается, что в своей речи Ковалевский опирался на свой доклад «Основные нужды русской промышленности», представленный им Комиссии по промышленности Русского технического общества 29 апреля 1915 года, в котором был дан глубокий анализ состояния промышленности России в начале XX века и поставлены задачи, которые предстоит решить русской промышленности в условиях Первой мировой войны и после ее окончания.

РУССКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, РЕЧЬ КОВАЛЕВСКОГО, ЮБИЛЕЙ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Кулик С.В. ПРОБЛЕМА НОВЫХ ВООРУЖЕНИЙ В РУССКОЙ АРМИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ.

В статье анализируются варианты перевооружения русской армии накануне Первой мировой войны. Рассматриваются вопросы, связанные с развитием военного флота, авиацией и новых видов вооружений. Показываются ошибки и просчеты в этом важном вопросе, направленном на повышение обороноспособности страны.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ВОЕННЫЙ ФЛОТ, АВИАЦИЯ, НОВЫЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ.

Остапчук-Петровская Л.Б. П.А. СТОЛЫПИН И ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

Работа посвящена истории сотрудничества П.А. Столыпина с Петербургским Политехническим институтом. Особое внимание также уделено жизни этого научного центра в сложную революционную эпоху и биографии первого руководителя института князя А.Г. Гагарина.

П.А. СТОЛЫПИН, ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, А.Г. ГАГАРИН.

Сидорчук И.В. 1914 Г. КАК ПЕРЕЛОМ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ.

В статье анализируется вопрос хронологических рамок в истории развития отечественной науки. На взгляд автора, 1914-й год является по-настоящему переломным для нее. Обращение к нему как к границе хронологических рамок исследования способно позволить историку не только отойти от историографических штампов, но взглянуть на проблему действительно комплексно. Зачастую оказывается объективно необходимым показать преемственность послереволюционной науки с дореволюционной, для чего необходимо отказаться от принятой в историографии даты 1917 г. и сместить нижнюю границу исследования. Более того, именно с началом Первой мировой войны начали работать механизмы взаимоотношений науки и власти, сохранявшиеся и на протяжении 1920-х гг.

**ИСТОРИЯ НАУКИ В РОССИИ, НАУКА И ВОЙНА, НАУКА И ВЛАСТЬ,
НАУКА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ.**

**Фомичев А.В., Фомичева Л.С. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ
ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРО-
ВОЙ ВОЙНЫ.**

В статье анализируется комплекс мероприятий по мобилизации промышленности, осуществленной российским государством и общественными организациями в период Первой мировой войны. Исследуются нормативная база, механизмы и формы переориентации промышленного производства на нужды фронта. Даны оценка эффективности работы государственных структур и общественных организаций.

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОБИЛИ-
ЗАЦИЯ, ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ, СОЮЗ ЗЕМСТВ И ГОРОДОВ, ВОЕННО-
ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ.**

**Афанасьев И.Н. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВГОРОДСКОГО
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ.**

В статье рассматриваются генезис Новгородского попечительства о народной трезвости при введении винной монополии в форме казенной продажи питья в Российской империи и его деятельность на территории Новгородской губернии, направленная на борьбу со злоупотреблением населением крепких напитков и незаконной торговлей.

**ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ; УЧАСТКОВЫЕ ПОПЕ-
ЧИТЕЛИ, НАДЗОР ЗА ПИТЕЙНОЙ ТОРГОВЛЕЙ, УСТРОЙСТВО ЧАЙНЫХ
И БИБЛИОТЕК, НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ.**

**Бочаров А.А. СТУДЕНТЫ ПЕТРОГРАДСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕ-
СКОГО ИНСТИТУТА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НЕКОТО-
РЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ.**

В статье рассмотрены некоторые проблемы изучения повседневной жизни студентов Петроградского политехнического института в период Первой мировой войны. Рассмотрена история мобилизации студентов в армию. Сформулированы некоторые спорные вопросы, связанные с численностью студентов Политехнического института, мобилизованных в армию в годы Первой мировой войны. Уделено внимание деятельности студентов по обслуживанию военного госпиталя, созданного в институте во время войны. Рассмотрены попытки антивоенной пропаганды среди студентов в период войны. Рассказано об участии студентов Политехнического института в сожжении тела Г. Распутина в ночь на 11 марта 1917 г. Указано на то, что некоторые обстоятельства этого события и участия в нем студентов нуждаются в дополнительном исследовании. Автор констатирует, что многие проблемы истории студентов Политехнического института в годы Первой мировой войны заслуживают более глубокого изучения.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ (ПЕТРОГРАДСКИЙ) ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, СТУДЕНТЫ, МОБИЛИЗАЦИЯ.

Кашеваров А.Н. МОНАСТЫРСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Статья посвящена анализу основных форм благотворительной деятельности православного монашества в годы Первой мировой войны. Спешно переоборудовались под госпитали и расширялись монастырские больницы, открывались новые, а также приюты для осиротевших детей. Монахини и послушницы ухаживали за ранеными не только в собственных монастырских лазаретах, но и в других. Представители черного духовенства служили в качестве духовников различных воинских частей и медико-санитарных учреждений. Некоторые ино-ки заняли должности полковых священников.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МОНАСТЫРСКИЕ ЛАЗАРЕТЫ И БОЛЬНИЦЫ, ПРИЮТЫ ДЛЯ ОСИРОТЕВШИХ ДЕТЕЙ, ПОЛКОВЫЕ СВЯЩЕННИКИ, ДУХОВНАЯ ПОМОЩЬ.

Кузьмина О.В. К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ.

В статье обосновывается необходимость рассмотрения истории Первой мировой войны в аспекте повседневной жизни мирного населения. Критикуется репрезентация рассматриваемого события с точки зрения только дипломатической или военной истории. Важность истории повседневности для понимания значимости глобального события для конкретной страны представлена на примере двух музеиных экспозиций: «Россия в Великой войне» в Государевой Ратной палате в Царском Селе и «Der Erste Weltkrieg 1914-1918», в Германском историческом музее (DHM) в Берлине.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ГЕРМАНИЯ, РОССИЯ, ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ, МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ.

Лозовская Д.С. КАДЕТЫ И ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

В статье рассматривается деятельность партии народной свободы (кадетов) в I-IV Государственной Думе Российской империи. Анализируется их позиция по вопросам экономической модернизации страны в начале XX века. Показана проблема сотрудничества оппозиции с властью, а также конфликт между сторонниками революционного и эволюционного развития государства.

ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ.

Любимова М.Ю. ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Автор исследует деятельность Евгения Замятин в качестве морского инженера в годы Первой мировой войны, его роль в создании ледокольного флота России в 1914–1917 гг.

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ЛЕДОКОЛЬНЫЙ ФЛОТ.

Мичурин А.Н. ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ ОТ АКАДЕМИИ НАУК И УНИВЕРСИТЕТОВ И ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК В 1915 ГОДУ.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с политической борьбой в Государственном совете в годы Первой мировой войны, особенности деятельности правительства и организационной работы «Прогрессивного блока» во время общественно-политического кризиса 1915 года, влияние отдельных вопросов на целостность этого политического объединения.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК.

Мусаев В.И. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФИНЛЯНДСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В 1914–1917 ГГ.

С возникновением мировой войны финляндские сепаратисты увидели свой шанс в том, чтобы добиться целей достижения национальной независимости Финляндии при поддержке противников России. Германское политическое и военное руководство, со своей стороны, также проявляло заинтересованность к сотрудничеству с оппозиционными силами внутри государств враждебного военного блока. С первых месяцев войны имели место довольно интенсивные контакты между немецкими военными и финляндскими «активистами». Расчет, делавшийся на то, чтобы возбудить антирусское восстание в Финляндии, однако, не оправдался. Антируssкие настроения в Финляндии не получили массового распространения. Контакты финляндских сепаратистов с Германией оставались, однако, активными и в дальнейшем. После февральской революции 1917 г. возникли благоприятные условия для восстановления финляндской автономии в полном объеме и, в конечном итоге, для достижения Финляндией независимости.

РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ОППОЗИЦИЯ, СЕПАРАТИЗМ.

Нетужилов К.Е. НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

В статье рассмотрены неофициальные традиции, сформировавшиеся в кадетских корпусах и военных училищах России к рубежу XIX–XX вв. На основе ана-

лиза военной мемуаристики данного периода рассмотрены и обобщены неписаные законы внутренней жизни военных учебных заведений, система неформальных ценностей, мировоззренческих стереотипов и вытекающих из них поведенческих практик, передававшихся учащимися из поколения в поколение. Определены основные направления повседневной жизни учащихся, на которые проецировались данные правила. Во-первых, это отношение к внешнему, невоенному миру, во-вторых – взаимоотношения между различными военными учебными заведениями, и в-третьих, система взаимоотношений среди учащихся одного учебного заведения. Рассмотрены образцы юнкерского фольклора, ритуалов, табу. Рассмотрена традиция неуставных отношений в военных училищах дореволюционной России.

ВОЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, ВОЕННАЯ МЕМУАРИСТИКА, КАДЕТСКИЙ КОРПУС, ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Эйдемиллер К.Ю. МЕСТО И РОЛЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ НА ИЗЛОМЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА МЕЧЕТИ ЛОГ ПОД МАНГАРТОМ.

Накануне Крымской войны Османскую империю образца XIX в. российский император Николай I в разговоре с британским послом Джорджем Гамильтоном Сеймуром, назвал «Больным человеком Европы». Первая мировая война стала переломом европейской цивилизации на смене эпох, который лишь наложился на уже существующий кризис в мусульманской умме, и тем самым еще более усугубил его. Но если европейские государства сумели относительно быстро оправиться от него и его последствий, то в мусульманском мире (Рах Islamica) его последствия афтершоками дошли до наших дней, когда 29 июня 2014 г. на объединенных территориях бывшего Ирака с преимущественно суннитским населением, а также на бывших сирийских провинциях, подконтрольных ИГИЛу было провозглашено Исламское Государство или Исламский Халифат.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ, РЕЛИГИОЗНАЯ ГЕОГРАФИЯ, ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ, СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, АВСТРО-ВЕНГРИЯ, СЛОВЕНИЯ, БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Белоусов К.Ф. ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЧК ОТ СОЗДАНИЯ ДО «КАРЕЛЬСКОЙ АВАНТЮРЫ» (1918–1922).

Статья посвящена истории деятельности Олонецкой губернской ЧК в период с 1918 по 1922 г.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ, ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ, ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЧК, «КАРЕЛЬСКАЯ АВАНТЮРА».

Левшин К.В. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ДЕЗЕРТИРСТВА: ОТ ЦАРСКОЙ АРМИИ К КРАСНОЙ АРМИИ, 1914–1921.

В статье рассматривается процесс нарастания проблемы дезертирства в течение Первой мировой войны и гражданской войны в России. Усталость от

войны, необходимость приспосабливаться в переломные годы делали бегство из армии и уклонение от призыва тактикой выживания миллионов. В статье представлено типологическое сходство как самих дезертиrov двух войн, так и политики властей по пресечению дезертирства.

ДЕЗЕРТИРСТВО, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, КРАСНАЯ АРМИЯ, КРЕСТЬЯНСТВО.

Офицерова Н.В. «ОТГОЛОСКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»: ПРОЦЕСС НАД ЭСЕРАМИ В ЗАВОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ.

В статье на материалах северо-запада России рассматривается процесс над правыми эсерами как составной элемент ключевого эксперимента большевиков – индустриального политического проекта. Рассматриваются формы агитации, способы и методы властного дискурса, методы политического контроля.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ПРОЦЕСС НАД ПРАВЫМИ ЭСЕРАМИ, РАБОЧИЕ, ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС, СОВЕТСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ, ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, АГИТАЦИЯ.

Симанова Н.В. ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА НА РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЕВРАЗИЙСТВА.

В данной работе рассматриваются особенности влияния Первой мировой войны и революции 1917 года на развитие идей евразийства. Автор уделяет особенное внимание рассмотрению роли вооруженных восстаний в появлении данного идейного течения, а так же их причинам и последствиям с точки зрения евразийцев.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г., ЕВРАЗИЙСТВО, ЕВРОПЕИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ.

Безлекин Н.И., Ворочай В.В., Цыб А.В. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «СТАНОВЛЕНИЕ И ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ».

В статье рассматривается обоснование научного статуса историографии, включающего разработку теоретических и методологических вопросов исторической науки в отечественной традиции. Главной научной проблемой, на которую направлен проект, является феномен истории в его основных проявлениях. Целью проекта является систематизация и обобщение теоретико-методологических аспектов в русской философии истории второй половины XIX–начала XX в., наиболее полно реализовавшихся в университетской философии истории. Новизна заключается в оригинальном подходе к исследованию и систематизации философско-исторических концепций в России второй половины XIX–начала XX в. Предполагается использовать максимально широкий круг источников, что позволит концептуализировать теоретико-методологические поиски в университетская философии истории, выявить ее терминологию, проблемы, подходы, приемы и методы.

ФИЛОСОФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ, ИСТОРИОСОФИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ, ПОЗИТИВИЗМ, НЕОКАНТИАНСТВО, ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ.

Ван Цзюнь Тао, Погодин С.Н., Терехов А.Э., Цыб А.В., Ягъя В.С. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ: КИТАЙ И РОССИЯ: ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА, СРАВНИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.

Историко-сравнительное исследование идеологии национализма в Китае и России в XVIII – начале XX века. Выявление характерных тенденций в зарождении и развитии идеологии национализма в Китае и России, в формировании комплекса патриотических националистических теорий, возникших вследствие контактов с западным миром и принявших черты своеобразного традиционализма в теориях государственного и общественного строя, а также в народных движениях. Анализ исторически сложившихся реакций российской и китайской культур на экспансию западноевропейской цивилизации, выявление как типологически схожих форм историко-культурного синтеза, так и отличий в восприятии и оценке западноевропейской культуры в Китае и России.

ИСТОРИЯ РОССИИ, ИСТОРИЯ КИТАЯ, ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА В КИТАЕ И РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА, ИСТОРИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ.

ABSTRACTS/ KEYWORDS

Pogodin S.N. TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FIRST WORLD WAR.

The article is devoted to the centennial of the First World War. Given the history of the definition of the First World War. Presents the consequences of World War II. We study the basic directions of the Study of War.

THE FIRST WORLD WAR, HISTORY, CONFERENCE, RESEARCH ON THE HISTORY OF WARFARE, HIGH SCHOOL, SCIENCE AND TECHNOLOGY IN RUSSIA.

Aladyshkin I.V. WITHOUT FEAR AND BLAME. ABOUT WAR AND «STAINLESS» TECHNIQUE.

The report deals with the historical transformations of reception and scientific understanding of technical reality in the context of the First World War and its consequences. The author considers conceptual contradictions in a post-war discourse of technique. The ambiguity of perception technology, growing doubts about the technical human activity in the first quarter of XX century are demonstrated on the background of widespread popularity of technicism and technocratic systems concepts.

TECHNICAL REALITY, PROGRESS, TECHNICISM, TECHNOCRACY, DETERMINISM, CRISIS.

Afanas'ev G.Y. K.P. BOKLEVSKI AND THE RENOVATION OF RUSSIAN NAVY: IN CASE OF THE PARTICIPATING OF POLYTECHNICS IN PREPARATION TO THE GREAT WAR (1908–1914).

The article is dedicated to the activity of the director of the shipbuilding department of Saint-Petersburg Polytechnic Institution K.P. Boklevski as the personal expert and referent of the prime-minister of Russian empire P.A. Stolypin at the period of 1908-1914.

NAVY, POLYTECHNIC INSTITUTION, RENOVATION, INDUSTRIAL BASE.

D'yakov B.B., Zitrev M.A. RUSSIAN PHYSICAL COMMUNITY AND THE FIRST WORLD WAR.

The account of scientific developments in physics in Russia and the effect of World War I on Russian and International scholar community and the progress in pure and applied physics is given. The Russian physicists, many of them being the prominent figures in the Russian scientific establishment in future, participated in the War and were working on various war-related demands and military activities.

FIRST WORLD WAR, SCIENTIFIC COMMUNITY, PHYSICS, WIRELESS, JOURNAL OF RUSS. PHYS.-CHEM. SOC., POLYTECHNIC INSTITUTE.

Ivanov B.I. ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN TECHNICAL SOCIETY AND THE FIRST WORLD WAR.

The article is devoted to the 50th anniversary of the Russian Technical Society and V.I. Kovalevskii's speech at the General Meeting of the Society on May, 25 1916 on the occasion of the anniversary. It has been emphasized that in his speech Kovalevsky relied primarily on his report "Basic needs of Russian industry" submitted to the Commission for Industry of the Russian Technical Society on April 29, 1915, in which he gave deep analyses of the Russian industry development in the early XX century and set targets to be solved by the Russian industry during the First World War and after its end

RUSSIAN TECHNICAL SOCIETY, FIRST WORLD WAR, KOVALEVSKY'S SPEECH, ANNIVERSARY, INDUSTRY.

Kulik S.V. THE PROBLEM OF NEW WEAPONS IN THE RUSSIAN ARMY BEFORE WORLD WAR I.

The article deals with the ways of rearming the Russian Army on the eve of World War I. The issues of the navy and air forces development and new types of weapons are discussed. The defensive errors and misjudgments of the Russian military are described.

WORLD WAR I, NAVY, AIR FORCES, NEW TYPES OF WEAPONS.

Ostapchuk-Petrovskaya L.B. P.A. STOLYPIN AND ST. PETERSBURG POLYTECHNIC INSTITUTE.

This article deals with the history of cooperation, P.A. Stolypin with the St. Petersburg Polytechnic Institute. Special attention is also paid to the life of this complex scientific center in the revolutionary era and biographies of the first head of the Institute of Prince A.G. Gagarin.

P.A. STOLYPIN, ST. PETERSBURG POLYTECHNIC INSTITUTE, A.G. GAGARIN.

Sidorchuk I.V. 1914 AS THE TURNING POINT IN THE HISTORY OF RUSSIAN SCIENCE.

The article examines the question of the chronological framework of the history of development of Russian science. In the opinion of the author, 1914-the year is truly a turning point for her. Appeal to him as to the boundary of the chronological framework of the study can let the historian not only to depart from historiographical clichés, but to look at the problem is really complex. It is often necessary to show the continuity of post-revolutionary science with pre-revolutionary, to refuse from adopted in the historiography of the date 1917, and to move border of the study. Moreover, with the outbreak of the First World War started working mechanisms of the relationship of science and government which continuing throughout the 1920s.

HISTORY OF SCIENCE IN RUSSIA, SCIENCE AND WAR, SCIENCE AND POWER, SCIENCE IN THE FIRST WORLD WAR.

Fomichev A.V., Fomicheva L.S. EMERGENCY AUTHORITIES OF MILITARY-ECONOMIC MOBILIZATION DURING THE FIRST WORLD WAR.

The article examines a set of measures to mobilize industry carried out by the Russian state and public organizations during the First World War. The author studies the regulatory framework, mechanisms and forms of reorientation of industrial production for the war. The effectiveness of government institutions and civil society organizations is evaluated.

FIRST WORLD WAR, MILITARY-ECONOMY MOBILIZATION, THE SPECIAL MEETING, THE UNION OF TOWNS AND PROVINCES, MILITARY-MANUFACTURING COMMITTEES.

Afanas'ev I.N. ESTABLISHMENT AND ACTIVITY OF NOVGOROD PATRONAGE UPON THE PEOPLE'S SOBERNESS.

The article examines the genesis of Novgorod patronage upon the people's soberness after the wine monopoly in form of public trading was established in Russian empire and its activity in Novgorod Governorate designed to combat the people's ardent spirits abuse and illegal trade.

PATRONAGE UPON THE PEOPLE'S SOBERNESS, LOCAL GUARDIANS, THE CONTROL OF ALCOHOL TRADING, THE ESTABLISHMENT OF TEA-ROOMS AND LIBRARIES, READINGS ALOUD FOR PEOPLE.

Bocharov A.A. STUDENTS PETROGRAD POLYTECHNIC INSTITUTE DURING THE FIRST WORLD WAR: SOME PROBLEMS OF STUDYING.

The article discusses some of the problems of everyday life of students studying Petrograd Polytechnic Institute during the First World War. The history of the mobilization of students into the army. Formulated some controversial issues related to the number of students of the Polytechnic Institute, enlisted in the army during the First World War. Attention is paid to the activities of students in the service of the military hospital set up at the Institute during the war. An attempt is made anti-war propaganda among the students during the war. Talked about the participation of students of the Polytechnic Institute in burning body Rasputin on the night of March 11, 1917 pointed out that some of the circumstances of the event and the participation of students in need of additional study. The author notes that many of the problems of history students of the Polytechnic Institute in the First World War deserve further study.

ST. PETERSBURG (PETROGRAD) POLYTECHNIC INSTITUTE, RUSSIAN EMPIRE, WORLD WAR I, STUDENTS, MOBILIZATION.

Kashevarov A.N. THE CHARITABLE ACTIVITY OF MONASTERIES DURING THE FIRST WORLD WAR.

The article is devoted to analysis of the main forms of charitable activity of the Orthodox monks during the First World War. Hastily converted into a monastic hospitals and extended hospital opens new, as well as shelters for orphaned children. Nuns and novices tended to the wounded, not only in their own monastic hospitals, but also

in others. Representatives of the black clergy served as confessors various military units and health facilities. Some monks took up the post of regimental priests.

CHARITABLE ACTIVITY, INFIRMARIES AND HOSPITALS, HOMES FOR ORPHANED CHILDREN, REGIMENTAL PRIESTS, SPIRITUAL HELP.

Kuzmina O.V. TO A QUESTION ON THE REPRESENTATION OF THE HISTORY OF THE FIRST WORLD WAR: THE STORY OF EVERYDAY LIFE IN MUSEUM EXPOSITIONS.

The article explains the need to address the history of the First World War in the aspect of everyday life of civilians. The Author criticizes the representation of considered event in terms of only a diplomatic or military history. The importance of the history of everyday life for the understanding of the significance of global events for a particular country is represented by the example of two museum exhibitions: "Russia in the Great War" in the Martial Chamber of in Tsarskoye Selo and «Der Erste Weltkrieg 1914-1918», at the German Historical Museum (DHM) in Berlin .

THE FIRST WORLD WAR, GERMANY, RUSSIA, THE CIVILIAN POPULATION, EVERYDAY LIFE, MUSEUM EXHIBITIONS.

Lozovskaya D.S. THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE KADETS AND ISSUES OF ECONOMIC MODERNISATION IN RUSSIA.

The focus of the article is on the activities of the Party of People's Freedom (the Kadets Party) at Imperial Duma I to IV. It gives the analysis of the party's position on the issues of economic modernisation in Russia at the beginning of the 20th century. The article also deals with the problem of collaboration between the opposition and the authorities as well as the conflict between the advocates of revolutionary and evolutionary ways of the state development.

PARTY OF PEOPLE'S FREEDOM, STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE, ECONOMIC REFORMS.

Lyubimova M.Yu. YEVGENY ZAMYATIN DURING WORLD WAR I.

The author of this paper studies Yevgeny Zamyatin's work as a marine engineer during the years of the World War I, and his role in the creation of the Russian ice-breaker fleet in 1914–1917.

YEVGENY ZAMYATIN; WORLD WAR I; ICEBREAKER FLEET.

Michurin A.N. ELECTIONS TO THE STATE COUNCIL FROM ACADEMY OF SCIENCES AND UNIVERSITIES AND THE PROGRESSIVE BLOCK IN 1915.

In article the questions connected with political struggle in the State Council in days of the First World War, feature of activity of the government and organizational work of «The progressive block» are considered during political crisis of 1915, the influence of some matters on the integrity of its political existence.

THE STATE COUNCIL, THE FIRST WORLD WAR, THE PROGRESSIVE BLOCK.

Musaev V.I. WORLD WAR ONE AND FINNISH OPPOSITION (1914–1917).

As the World War One broke out, the policy of the imperial center towards the Great Duchy of Finland became still stricter due to the martial law. Under such circumstances Finnish separatists in their struggle against the center tried to get support from the enemies of Russia. The German political and military leadership, in its turn, was interested in rendering support to separatist movements in the Russian border regions, including Finland, in its aspiration to weaken Russia. Schemes of an uprising in Finland against Russia failed. Nevertheless, further contacts of the Finnish separatists with Germany continued to be intense. After the February revolution of 1917 there appeared real conditions for restoration of the Finnish autonomy and for eventual achievement of independence of Finland.

RUSSIA, FINLAND, WORLD WAR ONE, OPPOSITION, SEPARATISM.

Netuzhilov C.Ev. INFORMAL TRADITION IN RUSSIAN MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS ON THE FIRST WORLD WAR EVE.

The unofficial tradition, formed in cadets corps and military schools of Russia at the turn of the XX century are considered in the article. Based on the analysis of military memoiristics of the given period, the unwritten laws of the inner life of military educational institutions, the system of informal values, ideological stereotypes and the resulting behavioral practices, handed down from generation to generation by the students are reviewed and synthesized. Principal directions of students' everyday life, on which these rules were projected, were determined. Firstly, it is an attitude to outside, non-military world, and secondly the relationship between the various military educational institutions, and thirdly, the system of relationships among students in one institution. Original samples of Junkers' folklore, rituals, and taboos were examined. The tradition of military hazing in military schools in pre-revolutionary Russia was considered.

MILITARY ACADEMY, MILITARY MEMOIRISTICS, CADETS CORPS, MILITARY SCHOOL, THE FIRST WORLD WAR.

Eidemiller K.Yu. THE PLACE AND ROLE OF THE MUSLIM COMMUNITY IN THE POLITICAL LIFE OF EUROPE AT THE TURN OF THE FIRST WORLD WAR: A HISTORY OF THE MOSQUE AND THE FATE OF LOG POD MANGARTOM.

Proclaimed June 29, 2014 The Islamic State or Islamic Caliphate on the territories of the former united Iraq with a predominantly Sunni population, as well as former Syrian provinces controlled by ISIS had marked the beginning of the end for the Middle East, created as a result of the events of WWI: Sykes–Picot Agreement (May 16, 1916) public San Remo conference (19–26 April 1920), and after 3 years, fix it with the results - Lausanne Peace Treaty in 1923, and the political and administrative-territorial map of the world showed the British mandate in Palestine and Mesopotamia, as well as the French mandate for Syria and the Lebanon, and finally liberated Egypt. But even before the way "to the beginning of the end" of the state have been the former Yugoslavia, as a result of events created by the WWI. The historical ex-

perience of WWI and WWII gave uncompromising and clear up what happens as a result, when the European crisis is superimposed on the disintegrated Muslim population of entire regions and states.

MUSLIM COMMUNITY, MULTICULTURALISM, RELIGIOUS GEOGRAPHY, HUMANITARIAN GEOGRAPHY, ETHNIC CONFLICTS, SOCIOCULTURAL SPACE, AUSTRIA-HUNGARY, SLOVENIA, BOSNIA AND HERZEGOVINA, THE FIRST WORLD WAR.

Belousov K.F. THE OLONETS PROVINCIAL CHEKA FROM CREATION TO "KARELIAN ADVENTURE" (1918–1922).

The article is devoted to the history of activity of the Olonets provincial Cheka in the period from 1918 to 1922.

CIVIL WAR IN RUSSIA, THE HISTORY OF DOMESTIC INTELLIGENCE, THE OLONETS PROVINCIAL CHEKA, "KARELIAN ADVENTURE".

Levshin K.V. THE CONTINUITY OF DESERTION PROBLEM: FROM THE IMPERIAL ARMY TO THE RED ARMY, 1914–1921.

In this article the process of desertion problem growing during the First World War and the Civil War in Russia is examined. War weariness, the need to adapt within the crucial years made an escape from the army and an evasion the call-up a tactic of survival of millions. The article presents both the typological similarity of deserters of two wars and the policy of the authorities directed to stop a desertion.

DESERTION, THE FIRST WORLD WAR, THE FEBRUARY REVOLUTION, CIVIL WAR, RED ARMY, THE PEASANTRY.

Oficerova N.V. «ECHOES OF THE FIRST WORLD WAR»: THE TRIAL OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARIES IN THE FACTORY COMMUNITY.

In the article on the materials of the North-West of Russia considers the trial of the right SRS as an integral element of a key experiment of the Bolsheviks – industrial political project. Forms of promotion and methods of authoritative discourse, methods of political control.

FIRST WORLD WAR, THE TRIAL OF THE RIGHT SRS, WORK, POWER DISCOURSE, SOVIET INDUSTRIAL POLICY PROJECT OF THE GENOA CONFERENCE, AGITATION.

Simanova N.V. THE IMPACT OF THE FIRST WORLD WAR AND THE REVOLUTION OF 1917 ON THE DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF EURASIANISM.

This work considers the effects of the First World War and the revolution of 1917 on the development of the ideas of Eurasianism. The author pays attention to examine the role of armed uprising in the appearance of this ideological trends, and their causes and consequences from the point of view of the Eurasians.

THE FIRST WORLD WAR, THE REVOLUTION OF 1917, EURASIANISM, EUROPEANIZATION, NATIONAL IDENTITIES.

Bezlepkin N.I., Vorochay V.V., Tsyb A.V. FORMATION AND INSTITUTIONALIZATION OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY IN RUSSIAN UNIVERSITIES OF THE XIX – EARLY XX CENTURY. HISTORICAL AND CULTURAL ANALYSIS.

The article is devoted to history of teaching of philosophy of history at the Russian universities, to research of problems of historical ontology and gnoseology reading by Russian philosophers at universities. Their academic method provided primary studying of epistemological, theoretical and methodological aspects of a historiography, development of questions of historical process and historical knowledge.

THEORY, METHODOLOGY, HISTORIOGRAPHY, THEORY OF KNOWLEDGE, HISTORY, PHILOSOPHY OF HISTORY, HISTORIOSOPHY, HISTORICAL LAWS, FACTORS, POSITIVISM, NEO-KANTIANISM, HISTORICAL CONSCIOUSNESS, ONTOLOGY, GNOSEOLOGY.

Van Tszyun Tao, Pogodin S.N., Terekhov A.E., Tsyb A.V., Yagya V.S. CHINA AND RUSSIA: IDEOLOGIES OF NATIONALISM, COMPARATIVE HISTORIC ANALYSIS.

Comparative historical research of ideologies of nationalism in China and Russia in XVIII – early XX century. Finding the typical tendencies of emerging and developing ideologies of nationalism in China and Russia, forming the system of ideologies of nationalist theories appearing as a result of coming in touch with the West and accepting traits of certain traditionalism in state and social theories as well as in people's movements. Analyzing historically formed reactions of Russian and Chinese cultures to the expansion of the Western civilization, pointing out both typologically similar forms of historic and cultural synthesis and differences in perception and estimation of Western culture in China and in Russia. Analysis not only of historic revelation of such reactions, but also of precise ideological conceptions. Reconstructing historic models of forming nationalist movements. Historic events and ideological constructs in their correlation. The target of the project is to hold an interdisciplinary research to study the genesis and development of nationalist ideologies in China and in Russia, involving specialists from different fields of knowledge: history, philosophy, political studies, comparative studies.

REGIONAL STUDIES OF FINLAND, SWEDEN, GERMANY, SPAIN, CHINA AND RUSSIA.

СОДЕРЖАНИЕ

Рогов И.М. Валерий Павлович Горюнов	6
Погодин С.Н. К столетию Первой мировой войны	12
Раздел I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА И ТЕХНИКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	15
Аладышкин И.В. «Без страха и упрёка». О войне и «непорочной» технике	15
Афанасьев Г.Ю. К.П. Боклевский и воссоздание российского военного флота: к участию политехников в подготовке к Великой войне (1908–1914 гг.)	33
Дьяков Б.Б., Зитерев М.А. Российское физическое сообщество и Первая мировая война	39
Иванов Б.И. Юбилей Русского технического общества и Первая мировая война	53
Кулик С.В. Проблема новых вооружений в русской армии перед Первой мировой войной	62
Остапчук-Петровская Л.Б. П.А. Столыпин и Политехнический институт	71
Сидорчук И.В. 1914 г. как перелом в истории отечественной науки	85
Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Чрезвычайные органы военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны	93
Раздел II. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И ВОЙНА	108
Афанасьев И.Н. Создание и деятельность Новгородского попечительства о народной трезвости	108
Бочаров А.А. Студенты Петроградского политехнического института во время Первой мировой войны: некоторые проблемы изучения	123
Кашеваров А.Н. Монастырская благотворительность в период Первой мировой войны	129
Кузьмина О.В. К вопросу о репрезентации истории Первой мировой войны: история повседневности в музеиных экспозициях	138
Лозовская Д.С. Кадеты и вопросы экономической модернизации России в государственной думе Российской империи	145
Любимова М.Ю. Евгений Замятин в годы Первой мировой войны	155
Мичурин А.Н. Выборы в Государственный совет от Академии наук и университетов и Прогрессивный блок в 1915 году	168

Мусаев В.И. Первая мировая война и финляндская оппозиция в 1914–1917 гг.	181
Нетужилов К.Е. Неофициальные традиции в военных учебных заведениях России накануне Первой мировой войны	195
Эйдемиллер К.Ю. Место и роль мусульманской общины в политической жизни Европы на изломе Первой мировой войны: История и судьба мечети Лог под Мангартом	207
Раздел III. ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ К ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ И НЭПУ	215
Белоусов К.Ф. Олонецкая губернская ЧК от создания до «Карельской авантюры» (1918–1922)	215
Левшин К.В. Преемственность проблемы дезертирства: от царской армии к Красной Армии, 1914–1921	225
Офицерова Н.В. «Отголоски Первой мировой войны»: процесс над эсерами в заводском сообществе	239
Симанова Н.В. Влияние Первой мировой войны и революции 1917 года на развитие идей евразийства	246
Раздел IV. НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ КАФЕДРЫ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»	250
Безлепкин Н.И., Ворочай В.В., Цыб А.В. Исследовательский проект «Становление и институализация философии истории в российских университетах XIX – начала XX века. Историко-культурный анализ»	250
Ван Цзюнь Тао, Погодин С.Н., Терехов А.Э., Цыб А.В., Ягья В.С. Исследовательский проект: «Китай и Россия: идеологии национализма. Сравнительно-исторический анализ»	266
Сведения об авторах	279
Аннотации. Ключевые слова	285

CONTENTS

Rogov I.M. Valery Pavlovich Goryunov	6
Pogodin S.N. To the 100th Anniversary of the First World War	12
Section I. NATIONAL SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE FIRST WORLD WAR	15
Aladyshkin I.V. «Without Fear and Blame». About War and «Stainless» Technique	15
Afanas'ev G.Y. K.P. Boklevski and the Renovation of Russian Navy: in Case of the Participating of Polytechnics in Preparation to the Great War (1908–1914)	33
D'yakov B.B., Ziterev M.A. Russian Physical Community and the First World War	39
Ivanov B.I. Anniversary of the Russian Technical Society and the First World War	53
Kulik S.V. The Problem of New Weapons in the Russian Army Before World War I	62
Ostapchuk-Petrovskaya L.B. P.A. Stolypin and St. Petersburg Polytechnic Institute	71
Sidorchuk I.V. 1914 as the Turning Point in the History of Russian Science ..	85
Fomichev A.V., Fomicheva L.S. Emergency authorities of military-economic mobilization during the First World War	93
Section II. RUSSIAN SOCIETY AND A WAR	108
Afanas'ev I.N. Establishment and Activity of Novgorod Patronage Upon the People's Soberness	108
Bocharov A.A. Students Petrograd Polytechnic Institute During the First World War: Some Problems of Studying	123
Kashevarov A.N. The Charitable Activity of Monasteries During the First World War	129
Kuzmina O.V. To a Question on the Representation of the History of the First World War: The Story of Everyday Life in Museum Expositions	138
Lozovskaya D.S. The State Duma of the Russian Empire: the Kadets and Issues of Economic Modernisation in Russia	145
Lyubimova M.Yu. Yevgeny Zamyatin During World War I	155
Michurin A.N. Elections to the State Council from Academy of Sciences and Universities and the Progressive Block in 1915	168

Musaev V.I. World War One and Finnish Opposition (1914–1917)	181
Netuzhilov C.Ev. Informal Tradition in Russian Military Educational Institutions on the First World War Eve	195
Eidemiller K.Yu. The Place and Role of the Muslim Community in the Political Life of Europe at the Turn of the First World War: A History of the Mosque and the Fate of Log Pod Mangartom	207
Section III. FROM THE FIRST WORLD WAR TO MILITARY COMMUNISM AND NEP	
	215
Belousov K.F. The Olonets Provincial Cheka from Creation to "Karelian Adventure" (1918–1922)	215
Levshin K.V. The Continuity of Desertion Problem: from the Imperial Army to the Red Army, 1914–1921	225
Oficerova N.V. «Echoes of the First World War»: The Trial of the Socialist Revolutionaries in the Factory Community	239
Simanova N.V. The Impact of the First World War and the Revolution of 1917 on the Development of the Ideas of Eurasianism	246
Section IV. RESEARCH PROJECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS DEPARTMENT	
	250
Bezlepkin N.I., Vorochay V.V., Tsyb A.V. Formation and Institutionalization of the Philosophy of History in Russian Universities of the XIX – Early XX Century. Historical and Cultural Analysis	250
Van Tszyun Tao, Pogodin S.N., Terekhov A.E., Tsyib A.V., Yagya V.S. China and Russia: Ideologies of Nationalism, Comparative Historic Analysis	266
Authors	279
Abstracts. Keywords	293

Альманах

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 6 (29) 2015

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

Редакция альманаха:

Павлова О.К. – литературный редактор, корректор

Марченко М. – дизайн обложки

Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Гришина Н.Ю. – перевод на английский язык

Манцерова И.В. – выпускающий редактор

Подписано в печать 29.06.2015 Печать цифровая Формат 60x84/16

Усл. печ.

Тираж 100

Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного редакционной коллегией,
в типографии издательства Политехнического университета.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Almanac

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 6 (29) 2015

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Registration Certificate PI number FS77-52142 oa 11 December 2012

Editorial Board of Almanac:

Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader

Marchenko M. – cover design

Liutinskaia O.V. – DTP

Grishina Natalia Yu. – the English translation of

Mantcerova Irina V. – Managing Editor

Signed for printing 29.06.2015 Format 60x84/16

Conventional Printed Sheet

Circulation

Order

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в альманахе «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Альманах «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Несколько лет социально-теоретический альманах «Россия в глобальном мире» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

С 2013 г. Альманах выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках.

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

В системе "Международной стандартной нумерацииserial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях Альманаха отображается в библиографической базе Российской индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски Альманаха рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редакция руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов Альманаха ссылка обязательна.

Альманах освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области истории, философии, культурологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме, начинаться с формулировки целей и завершаться выводами, рекомендациями по внедрению результатов в практику и оценке перспектив дальнейшего развития проблемы. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения.

Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1.Объем статей 8-10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,0; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,5 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком /Authors** (на русском/английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация /Abstract** (на русском/английском языке): не менее 50-55 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова/ Keywords** (на русском/английском языке);
- **текст статьи** на русском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список литературы** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка литературы.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов Альманаха.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции:

**Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28;
тел.: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.**